

Ньевес Идальго

Верный
Джон

Зимой 1667 года братья Мигель и Диего де Торрес были осуждены на пожизненное изгнание из Испании. Уплыв на Маракайбо, они начинают там новую жизнь, но к несчастью их захватывают в плен пираты и продают в рабство. Таким образом они оказываются в поместье "Подающая надежды". Там Мигель встречается с племянницей хозяина, Келли Колберт. С первого взгляда между ними вспыхивает искра, но разгорится ли она в пожар любви, или угаснет от ненависти и взаимных обид?

Ньевес Идальго

Черный Ангел

Переводчик: **Голубкова Вера**
Дизайн обложки: **Milena Lots**

Мадридский королевский суд. Январь 1667 года

Алехандро де Торрес шагал из стороны в сторону по маленькой каморке, в которой они ожидали

решения Трибунала. Скрестив руки за спиной, он угрюмо размышлял о последних событиях и не мог поверить, чтобы судьба была столь несправедлива.

В конце весны два его сына, Мигель и Диего, пополнили экипаж галеона “Кастилия”, который

вблизи Азорских островов храбро сражался против двух судов, идущих под английским флагом. В том сражении некоторые погибли, и в том числе дон Эстебан де Альбадалехо, очень уважаемый при дворе человек. Хотя новость о смерти Эстебана де Альбадалехо повергла всех в болезненную скорбь, она была всего лишь одной в череде новостей, которые время от времени достигали общества, поскольку испанские галеоны на пути к Карибским островам, где Испания продолжала удерживать свое владычество, и обратно, постоянно подвергались нападению со стороны французских, голландских и английских пиратов. Как правило, эти галеоны имели большую грузоподъемность и не были вооружены, из-за чего становились легкой добычей флибустьеров и корсаров, нападавших на них под стягами иных держав. Несмотря на то, что в последнее время Его Величество король Испании выделял немалые суммы на защиту испанских судов, галеон “Кастилия” плыл в гордом одиночестве. Само собой разумеется, что в семействе де Торресов новость о смерти дона Эстебана не выходила за рамки обычных скверных для Испании новостей, пока нашептываемые по углам лживые наветы не коснулись двух сыновей дона Алехандро, сидящих теперь на скамье подсудимых. Их обвиняли в измене за пособничество английским пиратам — дескать, они сообщили англичанам маршрут, которым следовал галеон “Кастилия”.

Алехандро де Торрес был влиятельным человеком. Он владел титулом герцога Собера и имел

обширные угодья и поместья на Саламанке, в Толедо и Севилье. Он был на дружеской ноге с юрисконсультами, министрами и даже кардиналами, но это не освободило его сыновей ни от обвинений, ни от суда, перед которым они предстали в качестве подсудимых. Не спасло это и его самого от бремени возвращения домой и утешения жены Марианны, непрестанно проливающей слезы.

И сейчас, после долгого месяца томительного ожидания, после встреч с многочисленными

людьми при поддержке брата Даниэля, после неутомимых поисков свидетелей, он, как и любой другой, должен был ждать вынесения приговора Королевского Суда.

Дон Алехандро тихо сопел, кипя от злости, садился и тут же снова вскакивал, цедя проклятия

сквозь крепко стиснутые зубы.

— Сядь, отец, — слышал Алехандро голос за своей спиной. — Этим ты ничего не добьешься, разве

что ковер до дыр протрешь.

Дон Алехандро обернулся и встретился глазами со старшим сыном. Отец внимательно

посмотрел

на него, а потом — на младшего сына, Диего. Мигель и Диего были настолько разными характером, что, порой, даже не были похожи на братьев, разве что у них были неизменные фамильные черты, переходящие из поколения в поколение: аристократическое лицо, прямой нос и жесткий, волевой подбородок. Волосы Диего были каштанового цвета, как у Марианны, в то время как у Мигеля иссиня-черные. Глаза у младшего брата были карие, а у старшего изумрудно-зеленые, глубокие, как у его прабабушки родом из Шотландии. Эти глаза всегда привлекали к себе взгляды других людей. Диего был высок и худощав, Мигель же был на полголовы ниже брата, но из-за свои широченных плеч он казался выше него ростом. Дон Алехандро понимал, что даже с возрастом Диего не приобретет телосложения старшего брата, который, казалось, собрал в своих генах все жизненные силы этих треклятых шотландцев, с которыми породнился его прадед, дон Альваро.

— Какого черта! Как ты можешь быть таким спокойным? — спросил дон Алехандро с нескрываемым

раздражением, разделяя нервозность Диего, который от волнения не знал, куда деть руки.

Мигель пожал плечами. Он отнюдь не был спокоен, да и не мог быть спокойным, потому что отлично знал, каков был мадридский королевский двор. С тех пор как Карл II, прозванный Одержимым, взошел на испанский престол, во многом положение ухудшилось. Монарху было в то время всего шесть лет, и он был хилым и болезненным ребенком. Карл II был единственным представителем австрийского рода, сыном Филиппа IV и его второй супруги и племянницы Марианны Австрийской. Политическая жизнь в стране была беспокойной и смутной. После сокрушительных неудач во внешней политике и краха государства Филипп IV вверг Кастилию в нищету и уныние. Около двух лет Правительственная хунта из выбранных Филиппом IV пяти советников-министров помогала матери-регентше малолетнего короля управлять государством. Но на деле правили страной не они, а духовник Марианны, отец-иезуит Нитгард, вместе с сеющим интриги Фернандо де Валенсуэла. Ничего не смыслящие в управлении, они имели безграничное влияние на королеву, которая в точности следовала их советам.

Повсюду воцарился хаос, и он подпитывал слухи о предполагаемом свержении Марианны Австрийской и Карла, а в это время буйно разрастались дворцовые интриги в борьбе за власть и место рядом с малолетним королем.

Множество слухов не исправляло, а лишь усугубляло и без того гнетущее и удручающее положение в стране, но Мигель не мог и не хотел ни единым намеком выказывать свое беспокойство. Он не делал этого никогда, даже теперь, когда их с Диего обвиняли в измене. Он не дал бы слабину, приговори их даже к виселице, а он предполагал такую возможность, судя по развитию событий.

— Не будем еще больше нагнетать напряжение, брат, — вмешался дядя обоих молодых людей, — совсем скоро мы узнаем, что будет.

Дон Алехандро умолк. Порой его раздражало холодное безразличие сына. Ради всего святого! Неужели даже изредка он не мог выказывать хоть малую толику испанской крови?

Дверь, ведущая в зал суда отворилась, и Алехандро, словно сжатая пружина, бросился вперед, навстречу мужчине, делавшему ему какие-то знаки. Они недолго пошептались о чем-то, и мужчина снова исчез. Когда герцог Собера вернулся к сыновьям, его лицо было белым, как мел. При виде побледневшего родителя в животе у Диего все перевернулось; Мигель же,

крепко сжав челюсти, вперил пристальный взгляд в лицо отца — говорить что-либо не было никакой необходимости.

— Мы виновны? — на всякий случай спросил Мигель.

Герцог молча кивнул, и его глаза затуманились. Мигель не мог вынести, что его отец, который представлялся ему всегда сильным и крепким еще с детских лет, вдруг заплакал. Он встал и крепко взял отца за плечи.

— Никогда, отец, — сказал он, скрипнув сжатыми зубами, — слышишь, никогда не делай так! Не падай духом, и не сдавайся, иначе они налетят на нашу семью, как грифы.

Вмиг осунувшись и ссутулив плечи, Алехандро сглотнул подступившие слезы.

— Вас скоро позовут.

— И мы войдем в зал суда с высоко поднятой головой. Нас могут обвинить и даже повесить, — ответил юноша, — но богу известно, что мы невиновны, и мы тоже знаем это. Я не собираюсь предстать перед Трибуналом как обычный предатель, потому что я не изменник.

— Даже не упоминай об этом, Мигель, — возмутился дядя.

— Нас могут казнить, и вы это знаете.

— Проклятье! — герцог слегка отстранился от сына. — Тебе и в самом деле безразлично, или это просто видимость? Что течет в твоих жилах, парень? Ледяная вода? — поддел сына задетый за живое дон Алехандро.

— Ради бога, отец! — вмешался Диего.

— Я хочу знать это! Будь ты проклят, Мигель! Неужели ты не понимаешь? Вы мои единственные сыновья, продолжатели рода и наследники. Как ты можешь с таким спокойствием встречать судьбу, вместо того, чтобы бунтовать и сопротивляться? Что я скажу твоей матери, если вас приговорят к виселице? Ради всех святых и преисподней! Что я ей скажу?

Мигель с трудом сглотнул — он ни на минуту не переставал думать о матери. Его терзала мысль о возможной смерти. Для матери это было бы самым худшим. Отец, возможно, пережил бы смерть сыновей, но она... Мигель собирался ответить отцу, когда дверь снова открылась, и их позвали предстать перед судом.

Побледнев, и дрожа от страха, Диего поднялся и нетвердой походкой направился в двери, и тут же сильная и твердая рука брата подхватила его. Голос Мигеля прозвучал так сурово, что Алехандро содрогнулся от ужаса и гордости одновременно.

— Если ты дрогнешь, Диего, клянусь всем самым святым, что я вытрясу из тебя все кишки перед тем, как нас повесят.

Младший де Торрес выпрямился, проглотив свой страх, и уверенно выдержал взгляд изумрудно-зеленых глаз брата.

— Клянусь, я не опорочу семью, Мигель.

— Вот так-то лучше, малыш! Так лучше.

Подбодренный братом, Диего первым вошел в зал суда.

Лондон, конец 1667 года

Пассажирский бриг “Красотка Оливия” готовился отчалить. Это было легкое двухмачтовое судно с прямыми парусами, быстроходное и маневренное. Бриг был также оснащен восемью пушками по левому и правому бортам. Экипаж был набран из бывалых

моряков, которым стычки с вражескими кораблями были не в новинку.

Колберт не испытывал особого беспокойства, отчасти потому, что плыли они торговыми путями и были неплохо подготовлены, хотя в те времена никто не мог быть уверенным в том, что не столкнется с судами неприятеля.

Меньше чем через час его дочь Келли отправится на Ямайку, где ей предстоит долгое время жить в имении его сводного брата, Себастьяна. Колберт принял это решение окончательно и бесповоротно, и ни рыдания жены, ни возражения сына не заставили изменить его. Не отменит он его и теперь. Келли нужно было преподать урок. Она росла в любви, но, возможно, они с женой ошиблись в воспитании дочери. Несмотря на то, что Келли всегда послушно выполняла родительские повеления, она отказалась выйти замуж, хотя брак был уже на мази, и этот отказ переполнил чашу отцовского негодования.

Из экипажа, где находились сын и дочь, послышались девичьи всхлипы.

— Ну-ну, бесенок, — приговаривал брат, глядя сестру по плечу, — это же не край света.

— Ох, Джеймс! Ну как ты можешь так говорить? — сокрушалась Келли. — Проклятье ведь это не ты туда едешь!

Миловидное лицо юноши напряглось, и Келли тут же крепко обняла брата, а он поцеловал ее в подбородок. Девушка пристально посмотрела своими сапфирово-голубыми глазами в более светлые глаза брата.

— Прости, я не это хотела сказать. Мне очень жаль.

— Я знаю. Просто у тебя плохое настроение, и это неслучайно. Но подумай об этом иначе — так ты узнаешь Ямайку.

— Да не нужна мне эта Ямайка! — снова вознегодовала Келли. — Я не хочу уезжать из Англии! Джеймс... ты, правда, считаешь, что отец не станет?.. — Юноша отрицательно помотал головой. — Тогда я не сяду на этот корабль!

Джеймс Колберт не смог сдержать едва заметную улыбку при виде младшей сестры. Нахмуренные брови и скрещенные на груди руки придавали ей вид обиженной девчонки. Джеймс чмокнул сестру в нос и промолвил, утешая:

— Это ненадолго.

— Ради бога, три года, целых три года!

— Время пролетит незаметно, бесенок. К тому же... кто тебе сказал, что в Порт-Ройале ты не познакомишься со множеством молодых людей? Как знать, а то и влюбишься в кого, тем более что здешний претендент тебе не по душе...

Келли догадалась, что брат подшучивает над ней, и стукнула его кулачком в грудь, что еще пуще развеселило Джеймса.

— Ты дурачок, Джеймс! В Порт-Ройале нет никого, кроме плантаторов и пиратов, но меня не прельщает иметь в мужьях ни тех, ни других. Скорее, я предпочла бы того, кого выбрал отец!

— Тогда соглашайся и выходи за него.

— Уж лучше умереть!

Джеймс не просто любил, а души не чаял в своей сестре, и при мысли о скором прощании с Келли, он испытывал мучительную боль в груди. Девушка плакала все дни напролет, узнав от отца новость о предстоящем отъезде, и Джеймсу претило видеть ее такой подавленной, потому что эта заплаканная, печальная девушка была не Келли. Вот если бы она была неистойвой от ярости, тогда она снова стала бы его обожаемой сестренкой. Келли отнюдь не была строптивой или сварливой, напротив. Челядь боготворила ее, потому что

для всех у нее всегда имелось в запасе ласковое слово; она ненавидела несправедливость, и всегда старалась помочь, чем могла, но уж если злилась, то норовом с ней не сравнилась бы и тысяча чертей. Джеймс предпочитал видеть ее разъяренной, но не побежденной, и своими подначками ему удалось разозлить Келли. Тогда он снова обнял сестру и вывел ее из экипажа.

— Напиши нам, как только доберешься. Капитан Мортимер привезет нам твое письмо.

— Я умру без вас! Я это знаю.

Мать все так же разрывалась между любовью к дочери и решением мужа; не сдержавшись, она снова разрыдалась. Мать всеми силами и средствами старалась изменить решение мужа и смягчить наказание, но все ее мольбы пропали даром, и теперь, безутешная, она прощалась с дочерью.

— Я тоже, родная, — мать и дочь обнялись. — Я буду скучать по тебе, без тебя мне будет так тоскливо!..

— Довольно! — услышали они властный голос главы семейства. — От разлуки никто не умрет. Келли познакомится со своей ямайской родней и попутно научится уважению.

Несколько секунд сапфировый взгляд девушки был бушующим озером. Она прикусила язык, чтобы сдержать готовый сорваться с губ ответ. В глубине души она понимала, что это решение было столь же неприятно отцу, но, верный своим принципам, он не изменил бы его. Держать дочь подальше от семьи на протяжении трех долгих лет, вероятно, будет болезненно для него, но эту боль он постарается скрывать. Келли подошла к отцу и, встав на цыпочки, поцеловала его в подбородок. Она злилась на отца, но любила его, и не хотела уезжать, расстроив его еще больше. Придав приветливое выражение своему лицу, Келли любезно промолвила:

— Я буду скучать по вам и постараюсь вести себя, как вы того ждете, папа. Возможно, вы решите вернуть меня домой раньше времени.

Колберт поперхнулся, да так и застыл столбом, услышав за спиной покашливания сына. Эта золотоволосая тигрица с большими, как полная луна, глазами добивалась того, чего хотела. Она только что ополчила все семейство против его решения. Теперь пройдет немало беспокойных дней, прежде чем все вернется на круги своя. Положив руку на плечо девушки, Колберт пробормотал:

— Я подумаю об этом. — Ему захотелось крепко-крепко обнять дочь, но он заставил себя проявить сдержанность.

После долгого прощания с матерью, утонув в потоках материнских слез, вызванных расставанием с дочерью и полным подчинением мужу, и выслушав последние наставления брата, Келли поднялась по сходням на “Красотку Оливию” и облокотилась на борт судна. Она замахала рукой в ответ на последние приветствия матери. Невыплаканные слезы застряли в горле девушки душившим ее комом, но вместе с тем, она чувствовала, как кровь в ее жилах с каждой секундой бежит все быстрее в предвкушении начала приключений.

Бриг, расправив паруса и упиваясь вольным ветром, мало-помалу отплывал все дальше от порта. До Келли доносились приказы капитана и беготня матросов, но она вслушивалась только в материнские напутствия. Они доносились до нее урывками, теряясь среди портовой суматохи и завываний ветра. Любимые ею люди оставались там, а она уезжала. Вскоре они превратились в крошечные, едва различимые, как легкий утренний туман, фигурки.

Зычный голос капитана вернул девушку к действительности, и она устало спустилась в свою каюту. Закрыв дверь, Келли прислонилась к ней и глубоко, всей грудью, вдохнула,

стараясь набраться храбрости.

Каюта была тесной, и в ней находилось только все самое необходимое. Она казалась неудобной и унылой. Здесь, среди убогой кровати, такого же убогого стола и пары стульев, привинченных к полу, она проведет несколько недель. В маленькое окошко просочился слабенький луч света, последний родной лучик из Англии. И тут Келли разрыдалась.

Уэльва. Январь 1668 года

Мелкий морозящий дождь безбожно мочил сюртуки людей, ожидающих отплытия корабля на другой конец света. Несмотря на непогоду, на портовой пристани царило суматошное оживление. На галеоне “Нативидад”, держащем курс на Америку, заканчивались последние приготовления к отдаче швартовых. Стоя у борта судна, Мигель и Диего не выпускали из виду пришедших попрощаться с ними людей после того, как был оглашен приговор Трибунала — пожизненное изгнание из страны. Этот приговор пролился на семью де Торресов ушатом ледяной воды. Они ожидали чего-то другого, возможно, даже виселицы, но только не того, что унижало их, крадя честь и достоинство. И тем не менее, дон Алехандро с супругой благодарили небеса за подобный приговор. В Маракайбо у них были друзья, и едва узнав решение суда, они связались с доном Альваро де Рекехо, прося его принять под свое покровительство двух молодых людей.

— По крайней мере, они не умрут, — утешал себя и жену дон Алехандро, — и когда-нибудь мы сможем встретиться с ними.

Диего думал точно так же, как родители и дядя, но у Мигеля было иное мнение. Изгнание из страны он считал наихудшим унижением и невыносимым позором. Он всей душой любил Испанию: каждую ее гору, каждую реку, каждый городок... Ее краски, запахи, людей. Пожизненное изгнание было для него хуже смерти.

Едва матросы убрали сходни, как братья услышали приказ капитана сниматься с якоря, и галеон начал медленно, но неуклонно удаляться от земли. Диего поднял руку, чтобы попрощаться с родителями и дядей. Он едва сдерживал готовые брызнуть из глаз слезы. Мигель не махал рукой на прощание — в угрюмом молчании он просто стоял у края борта. Он уже все сделал и все сказал перед тем как шагнуть на сходни и подняться на палубу корабля. Что ему теперь оставалось? Продлевать страдание и боль? Ощущая в горле горький ком, Мигель погладил младшего брата по плечу, дав себе слово заботиться о нем до самой смерти. Он не собирался возвращаться сюда, но поклялся, что когда-нибудь добьется возвращения Диего на родную землю, видевшую его рождение. Гнев и ярость туманили разум, не позволяя Мигелю ясно мыслить, но он решил, что никогда в жизни не ступит больше на испанскую землю. Испания отвернулась от них, и теперь они с братом всего лишь изгой, не имеющие ни родины, ни государства, а стало быть, какой с них спрос в дальнейшем.

Когда корабль отплыл так далеко, что силуэты родных стали неразличимы, Мигель велел брату спуститься в отведенную им каюту. Вытирая слезы обшлагом сюртука, Диего нетвердым шагом двинулся вперед.

Мигель в последний раз бросил взгляд в сторону земли. Все осталось позади: его дом, родные, друзья. Его жизнь. Пришло время столкнуться с неведомым, с новой жизнью вдали от всего, что было до сих пор знакомо. Мигель стиснул зубы и пошел вслед за братом в недра галеона с отчаянной уверенностью, что его жизнь в Маракайбо будет адом.

Маракайбо. 1668 год

Несмотря на дурные предчувствия, Мигель де Торрес ошибся в отношении своей жизни

в Новом Свете.

Основанный в 1568 году под названием Сьюдад-Родриго в честь родного города испанца Алонсо Пачеко, Маракайбо расположился на западном берегу узкого морского пролива, соединявшего одноименное озеро с Венесуэлой. Он оказался довольно заурядным портовым городишком, поскольку песчаная отмель затрудняла проход из озера в море, и в нем насчитывалось не слишком много жителей, но, несмотря на это городок был довольно интересным и неоднородным. Львиную долю портового товарооборота составлял экспорт кофе, и Альваро де Рекехо, приветливый рыжеватый толстячок, быстро приобщился к этому делу в силу своей врожденной жизнерадостности и хороших манер.

Его усадьба “Красавица Росита” процветала. Альваро де Рекехо назвал ее так в память о своей умершей жене, Росе де Рекехо. Ей не довелось ступить на американские земли — она умерла во время долгого плавания, обострившего ее скрытую болезнь, о которой он ничего не знал. Судя по тому, что владелец “Роситы” поведал Диего и Мигелю, поначалу ему было одиноко, помощи не было, он впал в уныние и заботился только о двухлетнем сынишке. Сейчас, пребывая на границе своего шестидесятилетия, он довольно здраво считал себя счастливым. Сын де Рекехо погиб в стычке с коренными жителями этих мест, но у него осталась внучка Карлота, чудесная девушка, которой совсем недавно исполнилось шестнадцать лет. Строптивной, кокетливой и дерзкой упрямыце до некоторой степени удалось уменьшить отчаяние Мигеля и Диего.

Диего влюбился в Карлоту сразу же. Он вообще был очень влюбчив, и там, в Испании, уже познал

несколько подобных приключений. Диего был без ума от Карлотты, которая напропалую кокетничала с ним из чистого каприза. С первого взгляда девушка отчаянно влюбилась в Мигеля и не отвечала всерьез на благоговейные ухаживания младшего брата. Она даже не скрывала своих чувств, что жутко бесило Диего.

Сначала Мигель и знать ничего не желал об этой девушке, но, разумеется, был с ней чрезвычайно

галантен и учтив, поскольку она была внучкой приютившего их с Диего человека. С другой стороны, Мигель ни за что на свете не хотел вставать у брата на пути, но девушка упорно стояла на своем, пока Диего окончательно не убедился в том, что его беззаветная преданность Карлоте ни к чему не привела, и битва проиграна. Только тогда Мигель начал всерьез задумываться о том, чтобы взяться за ум и создать семью.

Он не любил Карлоту, хотя между ними установились довольно тесные и нежные узы. До сих пор

ни одна женщина не оставляла в его душе следа, и, тем не менее, он в достаточной степени ценил эту девушку, чтобы думать о женитьбе на ней.

Карлота была настойчива в своем стремлении покорить статного испанца. Ничуть не церемонясь,

она открыто призналась в своем намерении деду и самому Мигелю, и несколько месяцев спустя тот официально попросил ее руки.

— Дедуля, скажи “да”! — с жаром вскричала Карлота, обнимая старика за шею. — Ну же, дедуля,

пожалуйста, скажи “да”!

Дон Альваро был счастлив, видя ликование внучки, но насупленные брови Мигеля удержали его

от ответа. Казалось, что эта просьба была парню не по душе.

— Сдается мне, что Мигель не согласен.

— Ой, перестаньте! — возразила Карлота. — Я же поеду не на край света, это очень недолгое

путешествие. И Элиза меня ждет.

Элиза была близкой подружкой Карлоты. Она жила в Маракае и всего два месяца назад вышла

замуж. Полученное от Элизы письмо служило оправданием, которое Карлота использовала, чтобы постараться сбежать на несколько дней от унылой и тяжелой жизни в “Красавице Росите”. Девушку терзала и угнетала рутинная обыденность и удаленность от городских забав и развлечений. Братья де Торрес, наоборот, полностью влились в усадебную жизнь, и все свои силы отдавали на дальнейшее процветание хозяйства. Диего выказал необычайную сноровку в обращении с цифрами и взял на себя финансовую сторону управления усадьбой, а дон Альваро не смог бы найти лучшего представителя для деловых переговоров с посредниками, чем Мигель, для продажи урожая. Этот испанец ничуть не тушевался и добивался наивысшей продажной цены, что заметно улучшало доход, повышая рентабельность хозяйства, и позволяя увеличить капиталовложения. Со времени приезда братьев “Красавица Росита” преуспевала по всем статьям.

Для Карлоты успешное ведение дел не представляло большого интереса. В мешках с кофе она мало что смыслила, и дела наводили на нее скуку. Единственной отрадой для нее были редкие народные гуляния по праздникам да ее непрекращающиеся преследования Мигеля.

— Это опасное путешествие, — возразил Мигель.

— Тогда поезжай со мной, — упрямо канючила избалованная и капризная девчонка, подходя к нему.

Про себя Мигель подумал, что если он женится на этой красотке с карими миндалевидными глазами, она не даст ему передохнуть в постели ни секунды. Карлота и так под разными предлогами старалась затащить его в свою спальню. Она была красивой, бойкой и весьма соблазнительной девицей, но Мигель руководствовался законами чести. Из уважения к дону Альваро он всячески старался держаться от девушки на почтительном расстоянии, время от времени удовлетворяя свои потребности, как и многие другие, случайными связями в портовых кабаках.

— Карлота, ты же знаешь, что я не могу. Мне предстоит встреча с покупателями, чтобы заключить с ними очень важные сделки.

Карлота села Мигелю на колени и обняла его за шею, кокетливо надув губки и скорчив плаксивую гримаску. В темных глазах девушки сверкали, отражаясь, черты ее смуглого, прелестного личика.

— Значит какая-то партия кофе для тебя важнее будущей жены? — заискивающе-вкрадчиво спросила маленькая плутовка, не имея иного способа подластиться к жениху. Дон Альваро не сдержал откровенного смешка, и Мигель, обняв Карлоту за талию, поднял ее со своих коленей и поставил на ноги.

— Моя будущая жена, сеньорита, должна была бы быть более благоразумной и оставить Маракай до лучших времен, — беззлобно пожурил невесту Мигель.

— Ты такой же несносный, как мой дедушка!

— Ах ты, девчонка!

Мигеля забавлял этот разговор. Иногда острый язычок этой красотки невольно подтверждал, что ее хорошие манеры явно где-то затерялись.

— Хорошо, если дедушка разрешит, то поезжай, — в конце концов, сдался Мигель. — Вместе с тобой поедут несколько мужчин, они будут охранять тебя. И пообещай, что в конце месяца ты вернешься в “Красавицу Роситу”.

— Обещаю, — быстро выпалила Карлота. — Сейчас самое время узнать, не беременна ли Элиза.

— Святой боже! — ошеломленно воскликнул старик.

— Но это же естественно, дедушка! Разве не так, Мигель? — Девушка прильнула к груди мужчины. — Когда мы поженимся, у нас будет то же самое. Я решила, что у нас должно быть шестеро детей! — Карлота рассмеялась, увидев крайнее изумление на лице Мигеля. — Три мальчика и три девочки. И еще я хочу, чтобы у них у всех были твои глаза!

Выпалив все это, девушка ни с того ни с сего помчалась прочь, на бегу зовя служанку, чтобы собрать вещи и подготовиться к отъезду. Мигель бессильно откинулся на спинку стула.

— Господи Иисусе! — воскликнул он, развеселив Рекехо. — Это вовсе не смешно, сеньор!

— А по мне, парень, так даже очень, очень смешно, — от души хохотал старик, хлопая себя по ляжкам.

Видя подобное простодушие, Мигель несколько расслабился. Он испытывал к дону Альваро глубокую признательность. Со времени приезда в Маракайбо, старик стал в некотором роде отцом для них с Диего. Они заслужили не только его восхищение, но и любовь.

Однако... шестеро детей!.. Это совсем другое дело. В животе Мигеля возникло чувство некой невесомости.

Маракайбо. 1669 год

Маракайбо пострадал от набега голландских пиратов в 1614 и французских в 1664 годах.

Вклинившись между Гуахирой и Парагуаной и находясь на острие морского торгового пути, этот порт оказался стратегически важной территорией. Будучи жертвой многочисленных пиратских набегов, городишко подготовился к другим всевозможным атакам, впрочем, не слишком напористым. Были построены небольшие сторожевые башни и установлена очередность дежурства, хотя заступавшие на смену убивали время, больше пляясь на покачивающих бедрами портовых шлюх, нежели на море, представляющее собой возможную опасность. Единственной мало-мальски значимой защитой был Форт де ла Барра, расположенный у отмели, что собственно, и дало название сему бастиону. Форт возвышался над узким проливом и имел достаточно мощное вооружение, чтобы дать отпор незвано вторгшимся чужакам.

Через месяц намечалась свадьба Мигеля и Карлоты, и девушка закупала такое количество разного

товара, что дон Альваро, в конце концов, стал протестовать против подобных трат. Однако Карлота то ласками, то лестью добила-таки заветного разрешения, и дедушка, пусть и не очень охотно, но дал добро столь небывало грандиозному расточительству.

Мигель же был не согласен с подобным мотовством и заставил Карлоту вернуть обратно дюжину комплектов искусно вышитого столового белья из Испании, набор из шести лакированных столиков, привезенных из Китая, и четыре полных столовых сервиза, купленных у торговца-француза.

Негодование Карлоты приближалось к опасной черте: девушка была на грани ярости и даже

угрожала разорвать помолвку.

— Мигель, ты обращаешься со мной как с ребенком.

— А ты и есть ребенок, вот я и обращаюсь с тобой именно так.

— Но мне так нравились эти вещи!

— Ради бога, Карлота, — Мигель обнял ее за плечи, — подумай немного. Ты купила, по меньшей

мере, двадцать комплектов столового белья, шесть сервизов и больше дюжины столов. Может, скажешь мне, где ты думала разместить всё это?

— Столики были китайские.

— Ради Христа, да будь они хоть с края света!

Карлота присмотрелась к цвету глаз Мигеля, превращавшихся в зеленый полыхающий огонь

всегда, когда он по-настоящему злился. Скрепя сердце, девушка смирилась с поражением. Ее личико сморщилось как у ребенка, готового заплакать.

— Но у нас не хватит посуды, чтобы принять гостей, которые придут на нашу свадьбу.

— О, Дева Мария! — еле слышно простонал Мигель, пятясь назад. Иногда Карлоте удавалось

вывести его из себя своими капризами.

Девичьи руки обняли его торс и теперь ласкали спину, но эти нежные заигрывания не разгладили

насупленных бровей мужчины и не смягчили его досаду. Мигель продолжал стоять все в той же напряженной позе. Девушка вела себя пайнкой, казалось, она и мухи не обидит. Карлота была существом ветреным, но необыкновенным, и могла свести с ума, если того хотела. Мигель тихо рассмеялся, снова придвинулся к невесте, обнял ее и наклонил голову, чтобы поцеловать. Он нашел ее полуоткрытые теплые и сладкие губы. В Карлоте было обаяние, призывающее подчиниться ее женственности, а Мигель, даже поддавшись ярости, тоже был уязвим, и не мог сопротивляться ее ласкам. Они были заняты только собой, целиком растворившись друг в друге, а потом девушка слегка отстранилась и вздохнула.

— Я люблю тебя, Мигель.

— Я знаю, змейка.

— А ты? — спросила Карлота, впившись взглядом своих бездонных, цвета кофе, глаз в его глаза. —

Ты любишь меня, Мигель?

— А ты как считаешь, стал бы я жениться на тебе, будь все иначе?

Карлота уткнулась лицом в грудь мужчины и не смогла увидеть, как на его лице отразилось

чувство вспыхнувшей вины. Мигель ничего не ответил, потому что не любил ее, вернее, любил, но не был влюблен. Он хотел сделать Карлоту своей женой, потому что был уверен, что рядом с ней сможет обрести покой, которого лишился, уехав из Испании, и который с тех пор искал. Мигелю нужна была жена, дети, домашний очаг. Он уже купил небольшую усадьбу, граничащую с поместьем, и собирался в честь матери назвать ее “Марианой”. И все это благодаря щедрости и поручительству дона Альваро. Пока дом был не более чем кучей балок и наполовину возведенных стен. До окончания строительства молодые продолжали бы жить в “Красавице Росите” вместе с дедушкой Карлоты, но совсем скоро у Мигеля появился бы свой собственный дом и земля, на которой он станет трудиться. Этого он хотел больше всего на свете, и сейчас был убежден, что все идет именно так, а не иначе. Однако судьба подготовила Мигелю иные перемены, более жестокие, чем изгнание из страны. Дверь в гостиную с грохотом отворилась, и вбежал Диего с побагровевшим лицом.

— На нас напали!

— Напали? — переспросил Мигель. — Кто?

— Английские пираты! — ответил Альваро де Рекехо, вошедший следом за Диего. Он был бледен как

мертвец, а лицо его выражало неподдельный страх.

Не медля ни минуты, мужчины собрались уходить. Мигель вооружился сам и раздал оружие

нескольким работникам, которых удалось собрать, включая тех, кто строил его будущий дом. Несмотря на протесты Карлоты, Мигель приказал ей ни под каким видом не выходить из поместья и оставил несколько человек в резерве для защиты женщин и детей. Он и слышать не хотел о том, чтобы дон Альваро ехал вместе с ними и, вскочив на коня, вместе с братом поскакал в город. Теперь Маракайбо был их родным домом, местом, радушно принявшим их, и они должны были ногтями и зубами защищать его. Де Торресы никогда не пренебрегали своими обязанностями. Поспешный отъезд помешал Мигелю заметить, что Карлота ехала за ними чуть поодаль.

По городу ползли разные слухи, и сеялась паника. Английские корабли взяли порт в осаду и

палили из пушек по стенам маленьких защитных сооружений. Отовсюду слышались крики и стоны. Горели целые дома, и возбужденные толпы людей лихорадочно металась из стороны в сторону, плохо понимая, как им спастись от ужаса и неминуемой смерти. Некоторые в спешке грузили свои пожитки в повозки или просто навьючивали лошадей.

Мигель разыскивал командира, стоящего во главе защиты этой части города, и, наконец, нашел.

Окровавленный, с повисшей вдоль бока как плеть рукой, обессиленный от боли, он отдавал двум солдатам приказ грузить в повозку боеприпасы. Схватив капитана за отворот мундира, Мигель повернул его лицом к себе.

— Что вы делаете, капитан Техада?

— Отступаем, пока не высадились эти проклятые англичане! — ответил тот, стараясь освободиться. —

Ничего не поделаешь.

— Вы не можете оставить людей сейчас!

— Их нельзя защитить! — капитан рывком освободился, и с легкой иронией, смешанной со страхом,

посмотрел на Мигеля. — Вы хоть знаете, кто на нас напал? Морган!

Услышав это имя, Мигель окаменел. Гарри Джон Морган наводил ужас своими набегами на

испанские поселения. Он прославился своей беспощадностью, грабежами и разбоями. Поговаривали, что там, где он побывал, не оставалось никого, кто мог бы о нем рассказать. Этот англичанин был правой рукой флибустьера Эдварда Мансфилда и участвовал вместе с ним в захвате Провиденсии в 1668 году. Морган пользовался поддержкой английских властей и даже самого суверена. Ходили слухи, что он опустошал эту часть Карибов. В свои тридцать четыре года он приобрел заслуженную и неувядаемую славу жестокого и кровожадного человека, которая навсегда останется с ним.

Само собой разумеется, что Морган был не единственным искателем приключений такого рода. И

до него жители Карибских земель сталкивались с подобной жестокостью. К примеру, Гильермо Дампьер из ямайского плантатора перешел в пираты, поклявшись в вечной лютой ненависти к Испании и ее владениям. Сущим наказанием для всех стали и озлобленные жители острова Тортуга и побережья Санто Доминго. Но Морган, по всей видимости, был самым ужасным из всех.

Его походы не ограничивались Мексиканским заливом. Пираты Моргана плавали вдоль всего

Центрально-Американского перешейка, нападая на любое испанское поселение в Карибах. Эти наемные убийцы сеяли ужас, подбирали плоды своих набегов и возвращались в тайные логовища, дабы насладиться награбленными сокровищами, оставив на своем пути опустошение и смерть.

Мигель, видя свою неспособность заставить капитана Техада предпринять хоть что-то, отодвинул

его в сторону и начал сам отдавать приказы, стараясь перегруппировать силы гарнизона, который до этого действовал разлаженно и чисто импульсивно.

С грехом пополам гарнизон держался около четырех часов, а затем покинул цитадель после того,

как парой залповых канонад англичане, шутя, разрушили стену. Едва войдя в побежденный форт, захватчики тут же покинули его, прихватив с собой несколько найденных ими ценных вещей.

В тот день, первого марта, ведомый лодчонками-каное, пиратский флот сумел пересечь узкий

пролив. Некоторые суда, проплывая через мелководную бухту Табласо, застряли в ее зыбучих песках, но большинству из них удалось добраться до большой земли.

Те немногие, кто столкнулся с захватчиками, со шпагой в руке сражались не на жизнь, а на смерть.

Резня шла на улицах, в порту, в домах. Моргановские недобитки входили в дома и поджигали их,

убивая тех, кто встречался на пути. Немногочисленные оставшиеся солдаты из разбежавшегося гарнизона, на который рассчитывал Маракайбо, да горстка разрозненных граждан, мало пригодных для подобного рода стычек, осмелившихся противостоять сброду Гарри Моргана, были перебиты. Со всех сторон слышались стоны умирающих. Пожары распространялись с ужасающей скоростью, и все попытки потушить их были тщетны. Небо было скрыто за клубами черного дыма, похожего на предвестник Апокалипсиса. На пристани и площадях валялись трупы...

Мигель потерял больше половины людей, даже не успев осознать это толком. Эти люди не были

умельцами в бою, и дорого заплатили за свою отвагу. Одни умирали, другие прятались. Мигель понимал их панический страх и бегство, и отчасти винил себя за судьбу погибших от пиратского клинка людей. Он приказал Диего возвращаться в поместье и предупредить дон Альваро о происходящем, в то время как он сам постарается задержать врагов, но младший де Торрес наотрез отказался покинуть брата посреди окутавшего их безумия.

Всего в нескольких метрах от братьев Карлота де Рекехо в ужасе прижималась к стене, видя как

при выходе в переулок Мигель и его соратники столкнулись с отрядом флибустьеров, и теперь оказывают им упорное сопротивление. Звон скрестившихся клинков и грубая брань моргановских головорезов, не ожидавших такого сопротивления от вооружившихся мирных граждан, заставляли сердце девушки сжиматься от страха. В эту минуту Карлота отдала бы полжизни, лишь бы не ехать за Мигелем, находиться в “Красавице Росите” и никогда не видеть столько смертей и крови.

Чей-то женский вопль напугал девушку еще больше, и она сильнее вжалась в стену; ах, если бы

она могла слиться с ней! Напуганная до смерти, дрожа как лист и беззвучно плача, она не могла сдвинуться с места, но протяжно-тоскливый крик повторился, заставив ее шевельнуться. О боже, какая жестокость! Девушка в ужасе огляделась по сторонам. Она дрожала от страха за судьбу Мигеля и его брата, но она ничем не могла им помочь, и ей нужно было улизнуть отсюда.

Споткнувшись обо что-то, Карлота опустила взгляд. Это был кинжал. Не раздумывая, она схватила

его и почувствовала себя уверенней, хотя и не умела обращаться с ним. Ее пальцы сжали

забрызганную кровью рукоять; от отвращения девушку замутило и свело живот. Ей удалось сдержать тошноту и выпрямиться. Карлота дала себе слово, что если кто-нибудь из этих отвратительных пиратов приблизится к ней, она его убьет, даже если это будет самым последним на свете, что она сделает.

Через миг она снова посмотрела в сторону развернувшегося поблизости сражения. Оно проходило

под ликующие крики одних, нанесших победный удар, и предсмертные хрипы других, упавших на землю и умирающих людей. Карлота увидела гибель четверых мужчин из “Красавицы Роситы”, которые защищались, как могли, пятясь назад и уступая клочки земли. Через несколько секунд сражающиеся оказались так близко от нее, что сбежать незаметно было уже нельзя. Карлота была свидетельницей того, что эти выродки проделывали с пойманными ими женщинами. Отбросив прочь воспоминания, она покрепче сжала нож, молясь, чтобы Мигель и Диего остались целы и невредимы. Несмотря на потери, отряд под командой Мигеля сражался стойко, и люди Моргана отделялись недешево. Карлота молча дивилась, как ловко обращается со стальным клинком ее будущий муж. Мигель очень умело наступал и отступал, мастерски отражая и нанося удары, но численный перевес был не на его стороне, и он это понимал. Мужчина крепко сжимал клинок в левой руке, но полученная рана, казалось, ничуть не уменьшала его сил. И Диего был ему под стать. Он сражался с тем же мастерством и сдержанностью, что и брат, но не с таким безразличием.

К несчастью, победить они не могли. В городе приспешников Моргана насчитывались сотни, а защитников Маракайбо было мало. Плохо подготовленные и едва обученные, они, тем не менее, должны были постараться спасти толпы напуганных женщин.

Кто-то сгреб всей пятерней волосы Карлоты, и грубо подволок ошалевшую от боли девушку к себе. Полуобернувшись, Карлота увидела бородатое, грязное, безжалостное лицо. К такому она была не готова. Лицо мужчины, казалось, хранило отпечатки вековых страданий и тысячи битв; незрячий глаз, закрытый полоской белой ткани сразу же вызывал отвращение. Крупный нос, мясистые губы, редкие, гнилые зубы и жуткий шрам по всему лицу от слепого, бельмастого глаза до подбородка. На левом плече почти двухметрового роста, сильного как бык, громилы лежал огромный мешок с награбленным добром.

У Карлоты перехватило дыхание. Она забыла о ноже, который держала в руке. Верзила грязно ухмыльнулся своим беззубым ртом, нацелив единственный здоровый глаз на идущее поблизости сражение.

— Идем, куколка, а то здесь уже развлекаются.

Еще один грубый рывок, и девушка оказалась под бородой пирата. Он попытался поцеловать ее.

— Мигель!!! — как безумная, в ужасе закричала Карлота, уже зная свою участь и изо всех сил отбиваясь кулаками и ногами.

До Мигеля донеслось эхо призыва о помощи, и он обернулся, легко узнав голос девушки. Мигель отвлекся всего на секунду, но эта небрежность стоила ему еще одной раны в боку, однако ему крупно повезло — ведь шпага едва не угодила прямо в сердце. Мигель побледнел, понимая, какой опасности подвергается Карлота, чьи крики громом отдавались в его ушах. Стиснув зубы, он удвоил усилия, с такой яростью напав на противника, что тот отступил. Мигель воспользовался своим преимуществом и одним метким ударом перерезал ему горло. Махнув на все рукой, он со всех ног бросился к несчастной девушке, в одиночку борющейся с одноглазым чудовищем. Но вот они оба исчезли за поворотом на углу зловонной улочки. Диего тоже слышал крики девушки и, избавившись от своего противника, последовал за братом.

Сквозь пелену слез, Карлота увидела, что к ней бегут на помощь. По-звериному скрючив пальцы, она бросилась вперед, стараясь добраться до лица захватчика, и, если повезет, выцарапать ему здоровый глаз. Пират с рычанием выпустил Карлоту, подняв руки к ее лицу и выронив мешок с награбленным добром. Секунда. Возможно, Карлота опоздала лишь на секунду. Пират схватил девушку за шею и сдавил ее.

— Ах ты, грязная сучка! — в ярости проревел он.

Голова Карлоты безжизненно склонилась набок, а тело рухнуло на землю.

Мигель оцепенел и, не двигаясь, смотрел на обмякшее тело девушки, а затем глухая, необузданная, доселе не испытываемая ярость, накрыла его глаза багровой пеленой, и всё ему вдруг стало безразлично. В отчаянии набросился он на убийцу, во второй раз оборвавшего его будущее, и сбил его с ног. Пират рухнул на землю вниз лицом, но в последний миг своей жизни ему удалось повернуться и посмотреть испанцу в лицо. Он успел увидеть изумрудно-зеленые, холодные, как драгоценные камни, полные ненависти глаза, и за тысячную долю секунды до своего конца заметить блеск сабли, несущей смерть.

Больше он не успел ничего.

Крепко сжав обеими руками эфес сабли, Мигель с такой силой поднял и опустил ее, что она насквозь пронзила горло поверженного врага. Стальное острие, воткнувшись в землю, подняв тучу пыли. Мигель потерял невесту, но у него не было времени думать о чем-то — нужно было продолжать защищать свою жизнь и жизнь брата. Диего как раз вовремя предупредил его об этом. Мигель быстро повернулся. Ему удалось отбить смертельный удар, но при этом он потерял равновесие и упал навзничь. Лежа на земле, он сильно пнул противника ногой, выиграв время, необходимое для того, чтобы подняться и перейти в атаку.

В это время Диего тоже не стоял столбом. Он без устали храбро оборонялся, не зная пощады к врагам, несмотря на то что перед глазами все плыло, а душа была разбита из-за страшной и жестокой смерти женщины, которую он молча любил, хотя она и выбрала брата.

Еще одна небольшая группка мужчин присоединилась к этой баталии, впрочем, не принимая в ней непосредственного участия. Мужчин было пятеро, и среди них выделялся один, темноглазый, в длинном черном парике. Одет он был лучше других, а шпага была вложена в ножны, как будто одно только его присутствие уже внушало ужас, и пользоваться оружием не было никакой необходимости.

Морган не упустил ни малейшей детали поединка. На секунду он задержал взгляд на мертвых телах девушки и своего приспешника, но это были всего лишь трупы, а его интересовали два юноши, те, что защищались как львы, заставляя его людей отступать, хотя их было вдвое больше. Молодые люди вызвали у Моргана восхищение. Он резко поднял руку, запрещая вмешиваться в поединок. Подождав минуту или две, Морган опустил руку и повелительно сказал:

— Они нужны мне живыми.

Похоже, чтобы покончить с братьями де Торрес, четверых мужчин было недостаточно, но восьмерых хватило с избытком. Окружив братьев, они зажали их в угол, и последним, что заметил Мигель, был удар по голове, а затем все вокруг потемнело.

— Диего... — только и смог прошептать он.

Побережье Ямайки. Месяц спустя

Пахло грозой. К этому запаху примешивалась вонь мочи, испражнений и пота. А еще запах страха, и этот запах был сильнее всех.

Многие думают, что страх это нечто неосязаемое. Его нельзя увидеть, потрогать, у него нет запаха, но это не так. Мигель испытал это на собственной шкуре. Страх был каким-то подспудным, но живым. Он окружал их, его почти можно было потрогать пальцами, и он так отвратительно вонял.

Мигель понял это и маялся с тех пор, как очнулся в мерзком, затхлом трюме несколько часов спустя после того, как убили Карлоту, а его самого оглушили ударом по голове. Голова болела, не переставая, а раны в руке и боку причиняли дополнительные мучения, но боль и страдания разбитой от потери невесты души были неизмеримо глубже. Эта мука была даже горше тоски от исчезновения Диего.

В первый миг, едва вернулось сознание, на Мигеля обрушился целый мир. Крича и плача, он проклял все на свете, но как студеной вода, утоляющая жажду, ему ответил голос, тут же возродив надежду:

— Мигель! Мигель, это ты?!

Мигель, как безумец, всматривался в окружающий его полумрак, который делался еще темнее от приглушенных стонов таких же, как и он, заключенных. Судя по долетевшему голосу, младший брат находился где-то рядом.

— Диего, с тобой все в порядке?

Мигель попытался привстать, но понял, что толстая цепь прочно приковала его к стене этого тесного, смрадного трюма, как и остальных, лежащих рядом с ним вповалку немощных существ, посаженных на цепь, словно опасные звери. Постепенно его глаза привыкли к неясной, расплывчатой полутьме, и он смог различить очертания тел своих сотоварищей по несчастью, вынужденных чернокожих друзей, чьи съезжившиеся фигурки терялись в темноте, сливаясь с ней. Ни одного белого, кроме них с Диего.

— Ерунда, только царапина над бровью, — ответил брат. — А как твои раны?

— Чертовски болят, но если не загноятся, проблем не будет.

Оба ненадолго замолчали, наслаждаясь тем, что живы.

— Мне очень жаль, брат, — вздохнул Диего.

Мигель подавил всхлип и повесил голову, поняв, о чем сказал ему брат. Перед ним возник образ Карлоты, и он снова проклял Моргана, судьбу и весь мир.

— Как ты думаешь, почему они нас не убили?

— Не знаю, малыш, — ответил Мигель, сглотнув едкий ком, застрявший в горле.

— Они продадут нас, — сообщил кто-то, лежащий сбоку.

Мигель посмотрел на человека, делившего с ним оковы и унижения. У того была такая черная кожа, что он смог разглядеть блеск его огромных, пугающих глаз.

— Продадут? — переспросил Мигель.

— Как рабов.

Мигель изменился в лице, а Диего прерывисто вздохнул.

— Я сам слышал, так сказал один из пиратов, — подтвердил негр.

— Почему, будь они трижды прокляты?! Почему они не убили нас всех?

Негр пожал плечами. Его судьба не слишком изменилась. Какая разница, кто хозяин, тот или другой? На этой земле цветные могли покупаться и продаваться, как скот, так что его участь изменилась ненамного.

Мигель закрыл глаза и прислонил голову к трюмной переборке. “О, боже, мир стал дерьмом! — подумал он. — Несносным, несправедливым и кровавым дерьмом”. Мигель никогда не понимал, почему одни люди поработают других, и не принимал оправданий по поводу дешевой рабочей силы. Возможно, поэтому он так быстро прижился в “Красавице Росите”, и ему нравилось там. У дона Альваро были наемные работники, а не рабы. И вот теперь Морган и его людишки снова играли жизнями нескольких людей, ничем не отличавшихся от них, кроме цвета кожи.

Рабы. Это слово вызывало дрожь.

Плохо было стать изгоем, но тогда они, по крайней мере, были свободными людьми, и могли заново построить свою жизнь: обзавестись домом, жениться, иметь детей. А что ждало их с сегодняшнего дня? Что ждало Диего, не такого закаленного тяготами судьбы? Сможет ли он выстоять под тяжелой рукой и хлыстом надсмотрщика? Мигель во всем винил себя, и в его жилах стыла кровь.

Неделю спустя, когда моргановская орда, пресытившись разбоями, вином и оргиями, положила конец грабежам и погрузила на свои корабли все награбленное, братьев вытащили из их узилища, но лишь за тем, чтобы перевести на другой парусник и запихнуть в другой трюм, чуть попросторнее. Суда отплыли не сразу, и братья терзались в ожидании, не зная, что ждет их в будущем, и злясь на собственную участь. Из отдельных обрывков разговоров, долетавших до них с палубы, юноши знали, что часть пиратов двинулась вглубь земель и грабила поместья, и теперь Мигель молился, чтобы дон Альваро остался в живых.

Через несколько дней Морган приказал поднимать якоря и выходить в море. Гораздо позже братья узнают, что к венесуэльскому побережью прибыла испанская флотилия из Барловенто и сразилась с пиратами. Форт де ла Барра вновь вернулся в руки своих законных хозяев, а людишки уэльского флибустьера через несколько дней оказались схваченными, не сумев удрать от испанских преследователей.

А пока братья томились в трюме судна, обсуждая возможность своего спасения соотечественниками. Они надеялись на освобождение и боялись, что меткие выстрелы корабельных орудий флагманского фрегата “Магдалена” под командой дона Алонсо де Кампос и Эспиноса пустят на дно залива их корабль, но Морган был стреляным воробьем. Искусно маневрируя, ему удалось вывести корабль в открытое море, нанеся при этом весьма ощутимый урон испанскому флоту. Надежды братьев на освобождение погибли во мраке трюма покачивающегося судна, везущего их к неведомой судьбе.

Мигель потерял счет дням, проведенным в этой зловонной и тесной, набитой до отказа людьми,

клоаке. Раны им смазали бальзамом, но кормили только раз в день, и за все время пребывания в море пленники ни разу не видели солнечного света.

Но вот как-то днем их, наконец-то, заставили подняться на палубу. Ослепленные светом, люди

ждали, когда их глаза снова привыкнут к яркому солнцу. Они были рады, увидев, что приплыли в порт.

По виду узники являли собой самые настоящие человеческие отбросы: грязные оборванцы в

отрепьях с похожими на воронье гнездо свалывшимися, невымытыми и нечесаными патлами, перепугавшимися с отросшими бородами, в которых как в хлеву разгуливали вши и блохи. От них воняло как от свиней, и пиратский экипаж с отвращением морщился при встрече с ними, хотя от них самих смердело, как от козлов. Скованных цепью людей подтолкнули к сходням.

— Где мы? — все же спросил Мигель одного из пиратов, понуждавшего их двигаться вперед, хотя

задавать подобный вопрос не имело никакого смысла.

— Ты, отребье, в Порт-Ройале, — неизвестно почему ответил Мигелю флибустьер — то ли из

жалости, то ли желая уколоть побольнее, вонзив жало отчаяния в его душу.

Порт-Ройал, английские владения, одно из самых худших мест, куда они могли приплыть.

Впрочем, для того, кого думали продать в рабство, то или другое место — все равно.

Измотанные физически и морально, люди ступили на землю, шатаясь от голода. Их посадили в

телеги и провезли через весь порт, а потом они ехали по каким-то городским переулкам мимо пиратских прибежищ, пока не добрались до какого-то барака. Они не знали, что здесь им предстояло провести еще одну неделю, но тут с ними обращались чуточку обходительнее. Здесь их кормили не один, а три раза в день, и пища была не отвратительной и скудной, а вкусной и наваристой. На второй день заточения трое вооруженных до зубов типов вытащили пленников во двор и заставили их раздеться догола. Побросав в одну кучу ворох засаленной, грязной одежды, они подожгли ее. Лишенные собственного достоинства, несчастные пленники около двух часов стояли во дворе, в чем мать родила. Женщин загнали в самый дальний угол, и там, сгорая от стыда, они пытались хоть как-то прикрыться, не осмеливаясь смотреть друг другу в глаза, будто это они были виноваты во всем случившемся, хотя здесь и сейчас похоть была самым меньшим, что могло пробудиться при взгляде на них. Их тощие, изможденные тела вызывали в мужчинах только ярость и гнев за позор и унижение, которому подвергались также и они сами. И те, и другие, все, без исключения, были человеческими отбросами, будущее которых было слишком незначительным.

Вернулись охранники, притащив с собой длинные рубахи для женщин и широкие шаровары для

мужчин. Ни рубашек, ни носков.

Несколько дней пленников откармливали как скот с единственной целью — вернуть потерянный во время вынужденного заточения вес. Любопытно, но только Мигеля и Диего ежедневно выводили во двор, и они не понимали, почему. На самом деле им просто хотели вернуть здоровый вид, как будто они не перенесли никаких мучений. Это было всего лишь средство для заключения выгодной сделки, чтобы продать их подороже на торгах, проводившихся на центральной площади Порт-Рояля, арене купли и продажи человеческого мяса.

Зрелище представляло собой фантастически-ужасающую, нереальную сцену. Негры парами поднимались на помост, и начинались торги. Объявлялась стартовая цена, и публика продолжала громко вопить, повышая ставки. Аукционист, высокий, тощий тип с мертвенно-бледным лицом производил впечатление истинного специалиста по выкачиванию денег из карманов покупателей.

Кое-кто из землевладельцев купил одного-двух работников, а некоторые даже четырех. Торги шли ожесточенные, потому что рабов было мало, а рабочих рук не хватало. Женщинами заинтересовались лишь двое мужчин. Мигель и Диего не завидовали женской доле, хотя и сами вот-вот могли подвергнуться унижениям своих соседей по несчастью, с кем делили затхлый трюм. Похотливые рожи тех двоих субчиков источали жестокость, и братья представляли какого рода работа предстоит бедняжкам. При мысли об этом у них сжималось сердце.

Но сцена, казавшаяся фантастической, превратилась в болезненно-реальную, едва пришли за ними самими. Когда братья поднимались по истертым и расшатанным ступенькам, ведущим их к стыду, в толпе послышался одобрительный гул. Это их не удивило — еще бы, белое, молодое мясо; братья понимали, что белых рабов продавали нечасто.

Диего впился взглядом в старшего брата, и Мигель увидел в его карих глазах стыд и отчаяние от неминуемой горькой участи и безысходности. Стоять здесь едва одетым на виду

у всех, мало чем отличаясь от животных, было невыносимым позором и унижением для человеческого существа. Стараясь избежать этого молящего взгляда, Мигель отвел глаза в сторону. Он смотрел поверх голов торгующихся за них людей на полоску неба, видневшуюся между домами. Каждая клеточка его тела источала яркую ненависть ко всем в целом, не адресуя ее, в частности, никому.

Некий субъект лет шестидесяти, стоявший чуть позади первых рядов с интересом поглядывал на братьев. Его маленькие глазки, две узеньких щелки, на толстом, щекастом, покрасневшем от жары лице сузились еще больше, едва он услышал восторженный вопль победившего.

— А теперь, дамы и господа, наилучший лот! Пара дюжих, бойких, молодых испанцев, готовых выполнять любую, порученную им, работу!

Мигель сжал зубы до боли в челюстях. Откуда они узнали, что они испанцы?

— Они спрашивали меня, пока ты был без сознания, — шепнул Диего в ответ на мысли Мигеля и получил пощечину за разговор без разрешения.

— Молчать!

Глумливая издевка над братом возмутила Мигеля. Он взбунтовался и, не надеясь ни на бога, ни на черта, не обращая внимания на связанные за спиной руки, рванулся вперед и так сильно боднул головой у блюдка-аукциониста, что мерзавец свалился с подмостка, вызвав взрыв всеобщего хохота. Прежде чем он успел подняться, Мигель уже был усмирен одним из подручных, который поднял над головой руку с зажатым в ней кнудом.

— Эй, минуточку, парень! — раздался каркающий голос толстяка. — Я куплю их, но мне не нужен испорченный товар.

— Ради бога, дядя! — проговорила девушка, стоящая рядом с ним.

Мигель удостоил толстяка злобным взглядом, вернее, попытался удостоить, потому что не мог отвести свой взгляд от золотистых волос и огромных васильково-синих глаз девушки, в которых отражалось что-то, похожее на сострадание.

Девушка тотчас отвела свой взор, но в ее мозгу отпечатался яростный, гордый и даже надменный взгляд зеленых глаз Мигеля. Сказав что-то дядюшке-землевладельцу, она повернулась и затерялась в массе людей, наводнивших площадь.

Мигель смотрел на ее удаляющуюся фигурку среди орущей толпы, снова начавшей торговаться, и его губы кривила насмешливая ухмылка. Мигеля снова подняли и поставили на ноги, чтобы возможные покупатели могли оценить его мускулатуру. “Словно племенной производитель,” — подумал он, кипя от разрушительной ненависти.

За него предложили десять фунтов. Толстяк поднял цену до двенадцати. Аукционист начал сетовать на незначительность предложенной суммы, поскольку сильный мужчина мог стоить от двенадцати до пятнадцати фунтов, женщины — от восьми до десяти, а дети — несколько меньше. Кто-то повысил ставку до тринадцати фунтов, а пузатый землевладелец поднял сумму до пятнадцати. И снова раздались недовольные протесты аукциониста, который заставил братьев повернуться и встать к публике спиной. Он ощупывал мышцы их рук и ног, приглашая участников торгов подняться на помост:

— Решайтесь, господа! — зывал он. — Это, вне всякого сомнения, выгодная покупка. Поднимитесь сюда и проверьте их телосложение и зубы. Вы сможете убедиться даже в том, что у них достаточно внушительные мужские атрибуты.

Когда аукционист добрался до последней точки, у Мигеля возникла соблазнительная идея снова взяться за этого скота. По счастью, данная часть тела покупателей не

интересовала. Всего один мужчина запрыгнул на помост, чтобы проверить силу рук испанцев, и, удовлетворенно хмыкнув, спустился вниз.

Он предложил двадцать фунтов за каждого, и толстяк, похоже, изрядно уставший от этой игры, громко объявил:

— Двадцать пять!

На этот раз продавец выглядел удовлетворенным. Никто больше не поднял ставку, и сделка состоялась. Чуть позже пленников посадили в дрожки, так и не развязав им рук, и они начали свой путь к новому месту и навстречу новой судьбе.

Келли отпила холодного, освежающего лимонада и посетовала на виденное ею действие:
— Ненавижу эти торги.

Девушка, сидящая перед ней, кивнула и подлила обеим еще лимонада.

— Я тоже, — подтвердила она, — но такова жизнь в Порт-Ройале, и мы не можем ее изменить. Твоему дяде и моему отцу так же, как и всем остальным, нужны рабочие руки. Кто из плантаторов будет высаживать растения, выращивать и собирать урожай, если у него нет рабов?

— Я понимаю, Вирхиния, но... это так подло! Так бесчеловечно! Выставлять на торги, как лошадей, мужчин и женщин в равной степени унижительно для тех, кого продают, и для тех, кто покупает.

— Землевладельцы смотрят на это по-другому.

— Смотрят, — язвительно прошептала Келли. — На самом деле они вообще никак не смотрят и ничего не замечают. Они показались мне варварами, дикарями. Я чувствовала себя... униженной как личность. Мне было стыдно, Вирхиния. Не понимаю, зачем дядя и двоюродный брат Эдгар так настаивали, чтобы я ехала с ними! Я написала отцу. Я хочу убраться с этого острова, и побыстрее. Я не признаю рабства. Если бы я могла...

— Но ты не можешь, — прервала ее Вирхиния, угадав ход мыслей своей подруги. — Ни ты, ни я не можем ничего поделать, и ты должна уважать решение своего отца.

— Он знать не знает, что это такое! — негодуяюще выпалила Келли. — Ну так я взяла на себя труд уведомить его об этом. И к черту все приказы отца! Уверяю тебя, я собираюсь уплыть с Ямайки, даже если мне придется продать все свои драгоценности, чтобы раздобыть себе билет на корабль.

— И все же я так благодарна судьбе за то, что ты здесь, со мной.

— Поверь, я приехала в город только для того, чтобы встретиться с тобой, иначе я не вышла бы из своей комнаты. Все это скверно пахнет.

— Я так признательна тебе. Для девушки здесь не очень много развлечений, и без тебя... мне тоже хотелось бы все бросить и отправиться в Англию.

— В которой существует прогнившая власть, разрешающая рабство во многих своих владениях, — заметила Келли.

— Что делать, подружка? Мир несовершенен.

— Мир это помойка, — довершила Келли. — Кстати, ты и правда поехала бы в Англию? В таком случае ты могла бы поплыть вместе со мной.

Большие темные глаза Вирхинии вдруг ожили.

— Ты так считаешь?

— А почему нет? Думаю, твой отец не станет возражать, если ты поедешь со мной. И если мне удастся сбежать отсюда, то хотелось бы, чтобы ты была моей компаньонкой по приключениям. Когда мы прибудем в Лондон, ты можешь жить у меня. Мама будет рада тебе, я уверена.

— Я не знаю... Ты такая решительная, Келли, а мне как раз отваги и не хватает. К тому же я нужна отцу.

— Твой отец не нуждается в твоих заботах, так же как мой дядя — в моих. Они и сами о себе позаботятся. Если хочешь знать мое мнение...

— Лучше ничего не говори, я и так представляю, что ты скажешь, — опередила подругу Вирхиния.

— Хорошо, но ты все же подумай об этом. В Лондоне мы неплохо провели бы время. Несмотря на продажное правительство, Лондон не чета Порт-Ройалю. Там весело. И мужчины там очень красивые.

Последнее озорное заявление подруги прозвучало для Вирхинии как благодать божия.

— Ты считаешь, что там я могла бы найти себе мужа, как велит господь?

— Разумеется, могла бы! И избавилась бы от этого скучного Бейта, который следует за тобой, точно тень.

При упоминании Бейта Вирхиния поморщилась, как от кислого лимона. Бейт собирался любой ценой жениться на ней, и уже больше года был тверд как камень в своем намерении. К счастью, отец Вирхинии пока откладывал решение этого вопроса, но девушка боялась, что рано или поздно, он даст свое согласие. Бейт был влиятельным и очень богатым сорокалетним вдовцом и, следовательно, ничто не мешало ему выбирать себе новую жену.

Вирхиния понимала, что отцу был по душе этот возможный союз.

— Этот человек мне не нравится, — призналась Вирхиния. — Я хочу найти кого-нибудь помоложе и покрасивее. Его противная бородавка около уха наводит на меня ужас.

Подруги весело рассмеялись. Они еще немного посудачили о незадачливом ухажере, а затем Келли Колберт начала прощаться.

— Мне пора идти, — сказала она, — дядя и так будет ругаться на чем свет стоит. Если ему удалось заполучить новых работников для “Подающей надежды”, то ему наверняка захочется вернуться, как можно раньше. Впрочем, думается мне, Эдгар пожелает остаться в Порт-Ройале на несколько часов, чтобы выиграть денег, играя в карты.

Вирхиния проводила подругу до двери и неожиданно спросила:

— Так ты говоришь, что он собирался купить рабов?

— Вирхиния, я ненавижу это слово.

— Келли, от того, что ты ненавидишь слово, в жизни ничего не меняется, — рабы существуют. Так вот, возвращаясь к теме, скажу, что на прошлой неделе твой дядя собирался продать моему отцу десятерых работников. Я не совсем поняла, когда он это сказал. У него что, есть лишние... рабочие руки?

— Когда я уходила с торгов, он интересовался двумя испанцами и торговался за них.

Каштановые глаза подружки еще больше потемнели и выглядели печальными.

— Он продолжает их ненавидеть, да? Его вражда не осталась в прошлом?

— Да, Вирхиния, он ничего не забыл. Дядя подсознательно одержим испанцами, это почти болезнь. Судя по тому, что мне рассказали, он поклялся отомстить им за гибель в морском сражении моего кузена Лео. — Лицо Келли погрузнело. — Если, в конце концов, дядя купит этих двоих людей, то мне страшно за них. Особенно за одного из них.

— Почему?

— Не знаю. — Девушку тревожило смутное предчувствие. — Тебе нужно было видеть его. От ярости его глаза метали молнии. Он набросился на продавца, когда тот залепил его товарищу пощечину!

— О, боже!.. Его... избили... прямо там?

— Нет, к счастью, дядя не позволил. Судя по его собственным словам, дядя не станет покупать испорченный товар, — ответила Келли, передернувшись от отвращения. — Думаю, это удовольствие он бережет для себя.

Вирхиния отметила что-то новое в голубых глазах своей подруги.

— Кажется, торги произвели на тебя немалое впечатление. Какой он, этот человек? Я поклялась бы в том, что он тебя заинтересовал.

Келли призадумалась, прежде чем ответить. Каким он был? Как описать связанного, едва одетого, униженного и выставленного на позор человека?

— Он великолепно сложен и красив.

— Ты сказала, великолепен и красив?

— Высокий, смуглый. Он худощав, но мускулист. А глаза... Я никогда не видела таких глаз. Казалось, он не придавал большого значения тому, что его окружало, словно... Словно жизнь или смерть были ему безразличны. И у меня сложилось впечатление, что ему, как рабу, будет очень нелегко сдерживать себя.

Вирхиния взяла протянутый слугою зонтик и подошла к Келли. Они познакомились недавно, но Вирхиния уже могла определить душевное состояние подруги. Этот самый мужчина должен был быть каким-то особенным, если глаза Келли так блестели, а сама она так оживилась, когда говорила о нем. Жаль, что речь шла всего лишь о рабе.

— Когда я снова увижу тебя? — спросила Вирхиния, меняя ход своих мыслей.

— При первой же возможности.

— Дай бог, чтобы это было поскорее, — взмолилась Вирхиния.

Подруги расцеловались, и Келли села в ландо, в котором ее терпеливо ожидал дядюшкин кучер. Когда ландо тронулось с места, Вирхиния помахала подруге на прощание рукой, горячо молясь при этом, чтобы Колберту не удалось купить испанцев. Она интуитивно предчувствовала проблемы, хотя и не знала их причину.

Ямайка, один из островов Карибского моря, был окружен большим коралловым рифом, протянувшимся с востока на запад. По рельефу остров представлял собой монолитное плато с невысокими горами, находящимися в окружении плодородных, буйно заросших долин, обдуваемых весь год легкими прохладными ветрами. Словом, климат на острове был вполне благоприятным. В глубине одной из таких долин располагалось поместье Себастьяна Колберта с господским домом, выстроенном в британском стиле с галереями и колоннами.

Остров был открыт Христофором Колумбом 3 мая 1494 года. В те времена испанцы называли его Сантьяго, а арамейцы — Хаймака, или Остров Родников. До 1655 года остров находился под владычеством испанской короны, а затем перешел в руки британцев. Основным источником доходов служили плантации табака, кофе и сахарного тростника. Это объясняло причину повышенного спроса плантаторов на доставку рабов, особенно африканцев, хотя среди них всегда оказывался какой-нибудь попавший в беду белый, как это было в случае Диего и Мигеля де Торресов.

В поместье Колберта “Подающая надежды” в огромных количествах выращивали сахарный тростник. Сидя сзади на раздолбанной, полуразвалившейся телеге, Мигель примечал все особенности местности. При других обстоятельствах эта удивительная земля, вероятно, полюбились бы ему. Миртовые деревья, орхидеи, ананасы, маниока, папоротники и бананы... И бескрайние, заботливо возделанные поля, наполненные природной жизнью, засеянной дюжинами рабов, гнущих спину под неусыпными взглядами надсмотрщиков.

По приезде в поместье братьев стащили с телеги и силком отволокли на своего рода площадку, вокруг которой были слеплены хибарки из глины и соломы. Пинками и тычками их втолкнули в одну из хижин и там развязали руки, чтобы тут же привязать к кольцу, прикрепленному к столбу в середине убогого жилища, а затем оставить их одних.

Диего повалился на землю и прислонился к столбу.

— И что теперь?

— Будем ждать, — ответил Мигель, садясь рядом.

— Не нравится мне этот тип.

— Ты о ком?

— Об этом толстяке, который нас купил. Мне не понравилось, как он смотрел на нас.

— Он смотрел на нас как на могучее, крепкое быдло для его тростниковых полей, а мы и есть рабочий скот.

Младший брат беспокойно дернулся, а Мигель улегся на жесткую, утрамбованную землю, пристроившись поудобнее, насколько позволяла длина цепи, и закрыл глаза.

— Поспи немного, малыш. Давай отдыхать, пока можем. Боюсь, что с этого момента и впредь, мы будем мало отдыхать до тех пор, пока не сбежим.

— Сбежим?

— Я не собираюсь подыхать рабом, — слова Мигеля были едва слышны, но Диего знал, что брат говорит серьезно. — Да, я сказал, сбежим, и мы сделаем это при первой возможности.

— Мигель, ради всего святого! Мы связаны по рукам и ногам на этом проклятом английском острове, и вокруг не видно ни одного корабля...

— Не будь дураком. Если они хотят, чтобы мы работали, им придется развязать нас. Да, мы на острове, и что же? Как на всех других островах, на этом есть множество бухт и пляжей. А что касается корабля... там видно будет.

— Ты думаешь угнать корабль? — насмешливо заметил Диего.

— Возможно.

— Ты сошел с ума, Мигель.

— Да, сошел! — Мигель рывком приподнялся с земли. — Я сошел с ума от гнева, Диего. От гнева и от ненависти! Эти выродки убили Карлоту, без всякого снисхождения сломав ей шею. И я любым способом отомщу им! Они дорого заплатят за то, что сделали с ней, и за то, что делают с нами.

Диего с жалостью посмотрел на брата. До сих пор Мигель был образцом смелости и отваги, но он всегда был выдержан и хладнокровен. А здесь и сейчас он выражался так, словно был другим человеком. Диего боялся за старшего брата, потому что тот был упрям в своем высокомерии, а надсмотрщики его теперешнего хозяина не собирались проявлять к нему уважение. Он представлял, с какой ловкостью те станут пороть Мигеля кнутом.

— По крайней мере, будь благоразумен до тех пор, пока мы не сможем сбежать, — взмолился Диего.

— Я не буду благоразумным до тех пор, пока не смогу перерезать глотки нескольким англичанам, — холодно ответил Мигель.

Как и опасались братья, долго отдыхать им не дали. Часа через два их отвязали от столба и выволокли из хибарки. Снаружи их поджидал давешний тип, ставший теперь их хозяином, и с ним был еще один, помоложе, но с похожими чертами лица и телосложением, по которому уже теперь можно было угадать, каким он будет через несколько лет.

Обоих сопровождали три рослых, крепких здоровяка. На бедре каждого из них висел кнут. “Вне всякого сомнения, эти негодяи — надсмотрщики, следящие как псы за двумя бедными пленниками”, — в унисон подумали братья.

— Вы находитесь в моей усадьбе “Подающая надежды”, — начал пузатый землевладелец, оглядев обоих с головы до ног. — Меня зовут Себастьян Колберт, и отныне вы принадлежите мне и телом, и душой. Вы будете трудиться на плантациях сахарного тростника с пяти утра до сумерек. Дважды в день вас будут кормить, и вы в точности и беспрекословно будете выполнять все мои приказания, а также приказания моего сына и надсмотрщиков.

Мигель полувопросительно приподнял бровь, и в этом жесте проглядывал оттенок вызова; он не предполагал, что их так быстро просветят относительно ожидавшего их будущего. Это мимолетное, еле уловимое движение лица не понравилось Колберту.

— Если тебя, скотина, в достаточной степени интересует жизнь, — Колберт шагнул вперед, — будет лучше, если ты сотрешь со своей рожи эту мину свергнутого с престола принца. Тут ты не более чем раб, с которым я буду обращаться, как мне заблагорассудится, потому что здешний закон мне это позволяет. Я могу убить тебя, и никто не призовет меня к ответу. Так что выбирай. — Он снова отошел назад, будто боясь запачкаться. — Но одно я вам обещаю: вы сильно пожалеете, что не сдохли по дороге в Порт-Ройал.

С этими словами Колберт, неуклюже переваливаясь всем своим обрюзгшим телом, пошел прочь вместе со своими спутниками, а братья вновь оказались привязанными к столбу.

На землю опустилась ночь. Группа работников вернулась с полей, и вмиг хижина наполнилась потными и измученными телами: на маленьком клочке свободного пространства сгрудились восемь невольников. Все они были негры. Мельком и с безразличием взглянув на братьев, не говоря ни слова, они устало садились на свободное место. Принесли ужин — одну-единственную миску с непонятной бурдой. Пленники с алчностью набросились на варево, жадно поедая его. Испанцам же не предназначалось даже этого скудного пайка. Покончив с ужином, негры ложились на какие-то подстилки, некое жалкое подобие тюфяков. Вскоре в лачуге воцарилась тишина.

Мигель никак не мог уснуть. Короткая цепь едва позволяла ему шевельнуться, а от голода грызло в животе. Он одно за другим вспоминал слова Колберта, понимая, что этот жирный боров хотел поставить их на место, но он не понимал его последней угрозы. В тоне толстяка были явно заметны признаки мстительности, словно ему больше хотелось вздернуть их на веревке, нежели использовать по назначению их физическую силу и молодость. Но если это было так, тогда зачем он покупал их?

Диего удалось заснуть в какой-то невообразимой позе. Глядя на брата, Мигель снова пообещал себе, что положит всю свою жизнь на то, чтобы вытащить его отсюда. Он не мог позволить, чтобы брат медленно угасал в заточении на этом гнусном острове, постоянно

подгоняемый кнутами надсмотрщиков, сломленный и униженный. Этому не бывать, скорее он задушит его своими собственными руками.

Мигель очень быстро понял, что имел в виду Колберт, говоря, что лучше бы они сдохли по дороге. Их будили на рассвете, в четыре часа, давали на завтрак отвратительную, жирную и вязкую баланду, сажали в телеги и везли на поля.

Единственной одеждой рабов были белые штаны, в которых их выводили на подмости аукциона, а их спины и руки весь день должны были терпеть палящие солнечные лучи. В полдень они прерывали работу на пару десятков минут. В это время к ним подходили женщины, тоже рабыни, и распределяли воду, а потом все снова принимались за работу. Когда они, измотанные, возвращались в свои хижины, сил едва хватало только на то, чтобы наскоро перехватить что-то на ужин. Их единственной мыслью было поскорее на что-нибудь свалиться и поспать. В эти спокойные часы тишины они не осознавали унижительность своей судьбы, отгородившись от понуканий надсмотрщиков, немилосердно палящего солнца и от гнетущего удушья своего рабского существования. По крайней мере во сне их не тревожила жестокость какого бы то ни было надсмотрщика, который, следуя своей звериной сущности, опускал кнут на их иссеченные плетью плечи, заставляя работать еще быстрее.

Наемники Колберта быстро заметили, как легко было вывести Мигеля из себя. Стоило только задеть Диего, и он тут же бросался на обидчика, немедленно становясь объектом наказания. Надсмотрщики всю развлекались, получая наслаждение от этой гнусной и жестокой игры. Усмирение непокорного испанца превратилось для них в ежедневную забаву, а Диего мучился и страдал, не имея возможности сделать что-либо, кроме как молчать, чтобы избежать бóльших бед. Снова и снова упрашивал он брата успокоиться, но все было напрасно, и большинство ночей Мигель валялся на полу, избитый и истерзанный, с отметинами от кнута на своей спине. Диего боялся за брата, думая, что он не выберется живым из этого проклятого поместья.

Келли выбрала светло-голубое платье с закрытым воротом, короткими рукавами и пышной юбкой. Лидия, мулатка, выделенная дядей к приезду племянницы ей в услужение, надевала на голову своей госпожи широкополую соломенную шляпку в тон платью. Келли нравилась эта молоденькая милая девушка. В какой-то мере она стала для нее незаменимой.

— Сейчас не так жарко, Лидия.

— Если вы не защитите свое лицо, оно станет таким же темным, как мое, сеньорита.

— Но у тебя очень красивое лицо.

Мулатка потупила взгляд, но на ее лице отразилась радость. Она была на три года старше своей новой госпожи, но хоть жизнь и обходилась с ней сурово, она твердо знала, что ее смуглое, кремового цвета, лицо еще сохраняло свежесть, и было нежным, как бархат. Однако это служило ей слабым утешением, поскольку сей подарок небес являлся для нее самым большим несчастьем. Как раз из-за своей гибкой, худенькой фигурки, шелковистой кожи и милого личика, она провела уже много ночей в постели Себастьяна Колберта и его сына. Келли это знала, но не желала говорить об этом, и Лидия тоже, хотя, скрыть на следующий день тот факт, что она провела ночь в доме, девушка не могла. Лидия люто ненавидела Колберта и ненавидела его сына, который первым подчинил ее своей воле и уложил к себе в постель, устав от шлюх, к которым частенько наведывался в Порт-Ройал. Вот уже два года, с тех пор, как они купили ее, Лидия молча терпела эту муку. Девушка призналась в этом только Келли. Лидия восхищалась ею за то, что она была совсем другой,

за то, что по-дружески протянула ей руку и взяла под свою защиту.

Как-то вечером, плача и всхлипывая, Лидия рассказала Келли все. Эдгар первым воспользовался ею в своих гнусных целях, а когда молодой Колберт отправился путешествовать в Европу, эстафету принял его отец. Из Старого Света Эдгар вернулся с замашками величественного аристократа и, судя по всему, тугим кошельком впридачу. Он попытался снова затащить ее в постель и даже купить у старика, но Себастьян не согласился, и теперь Лидия была исключительно его собственностью.

— Когда хозяин первый раз позвал меня к себе в комнату, я постаралась избежать этого, — продолжала Лидия свой горестный рассказ, повторно переживая тот ночной кошмар, — но добилась только наказания, и все равно закончилось тем, что я стала его. В тот день я поняла, что моя жизнь зависит от него, и решила продолжать жить дальше.

Для Лидии приезд Келли в “Подающую надежды” был благословением небес. Келли оказывала ей всяческую поддержку, полностью доверяла ей и делилась своими секретами. Она рассказывала Лидии об Англии и о тамошних порядках... Лидия обращалась к Келли, когда нужно было смягчить наказание за какую-либо провинность. С тех пор как Келли вошла в ее жизнь, кнут больше не касался кожи молоденькой мулатки. Келли Колберт была приветлива со всеми слугами; они редко видели, чтобы она сердилась — разве что на дядю или кузена. Прося что-нибудь, она всегда добавляла “пожалуйста”, а после благодарила... Слуги обожали ее, потому что не привыкли к любезному обращению.

— Не знаю, что я буду делать, когда вы уедете, сеньорита, — сетовала Лидия, поправляя волосы юной госпожи под шляпкой.

— Ты поедешь со мной.

— Вы возьмете меня с собой? — восторженно спросила Лидия, обрадованная столь заманчивой перспективой. — Вы, правда, возьмете меня, мамзель?

— А почему бы нет? Ты — надежная, работящая, внимательная, всегда знаешь, что мне нужно. Я скажу дяде, что увезу тебя с собой на память о моем пребывании на Ямайке. Если будет нужно, я выкуплю тебя, а потом ты станешь свободной. Навсегда... конечно, если ты согласна.

У Лидии мечты смешались со слезами, и она упала на колени к ногам Келли.

— Ах, мамзель, конечно, конечно я согласна! Вы — ангел! Вы...

— Ну-ка, Лидия, встань. Не будь ребенком. — Келли помогла девушке подняться и утерла ей слезы. — Мне не нравится видеть, как ты плачешь. Когда ты плачешь, у тебя опухают веки и портят твои чудесные глаза. И я не хочу, чтобы ты унижалась. Никто не должен этого делать.

— Но Вы... Вы так добры ко мне! — Лидия расплакалась еще сильнее.

— Господи Иисусе! Если бы я знала, ничего не говорила бы. Иди, попроси, пожалуйста, чтобы мне подали ландо.

Лидия со всех ног бросилась выполнять поручение, а Келли вздохнула, нашла свою сумочку и стала ждать. Ее кровь бурлила. Возьмет ли она Лидию с собой? Конечно, возьмет. Если бы она могла, то забрала бы с собой всех рабов из поместья! А потом спалила бы плантацию. И не только дядину, а все эти чертовы, богом проклятые, плантации острова!

Девушка заставила себя успокоиться. Она понимала, что могла мало что сделать для рабов. Кем она была, чтобы бороться с установленной властью системой? Да никем, всего лишь гостьей. О, господи! Как она хотела увидеть пришедшее от отца письмо с просьбой вернуться в Англию! Она задыхалась в этом поместье, но еще раз поздравила себя с тем, что

не согласилась на брак, о котором договорился ее отец, потому что этот отказ дал ей возможность узнать истинные человеческие качества дяди и Эдгара и, попутно, воочию увидеть условия жизни негров и жестокость белых, которые принимали свои законы и по своей прихоти применяли их. Келли горько усмехнулась, и от этого на ее щеке образовалась ямочка. Девушка вспомнила отличия здешних мест от Европы: раз ее принуждали к браку, то над ней нависла угроза оказаться на таком же алтаре домогавшегося ее мужчины. Видимо, она никогда не научится контролировать свой нрав, и вот теперь она платила за свой каприз.

— Возможно, на этом, затерянном в океане острове, предложение выйти замуж покажется тебе не таким бессмысленным и нелепым, — в заключение сказал ей отец.

И тем не менее, несмотря на ссылку в эту глухомань, предложение о замужестве оставалось для Келли нелепым. Но правдой было и то, что она ненавидела это место, не только из-за того, что стала свидетельницей установленных порядков, при которых владельцы плантаций делали рабов основой своего существования и своего богатства, но и из-за того, что в Порт-Ройал все чаще стали наведываться пираты и корсары. Между ними и правительством острова существовал негласный договор, но, тем не менее, женщины начинали чувствовать себя незащищенными и не осмеливались выходить одни. Келли, привыкшая каждый день совершать прогулки верхом или в ландо, не выезжала за пределы “Подающей надежды”. В Порт-Ройал ей позволялось ездить лишь в сопровождении дяди, Эдгара или под охраной вооруженных людей. Это делало Келли зависимой от них, а она всегда любила свободу. Но что делать? Приходилось терпеть.

Келли понимала, что Колберт не мог позволить, чтобы с ней что-нибудь случилось. Она старалась, насколько это возможно, вынести эти длинные, тоскливые дни. Лидия стала для нее шансом на спасение. С ней она могла поговорить и посмеяться. Она и Вирхиния Джордан были ее единственными подругами.

— Ландо подано, мамзель.

Келли предоставила лошади самой выбирать дорогу. Не замечая того, она подъезжала к тростниковым полям.

— Пошевеливайтесь, бездельники! Нагружайте быстрее, не целый же день возиться!

Рабы постоянно слышали эти слова, да шелканье ременного кнута, хотя Колберт запретил бить их кнутом по телу во избежание заражения ран и истощения сил. Для битья использовались плети-многохвостки, кожаные хвосты которых были стянуты прочным ремешком, свисавшим с рукояти. Эти плети не рвали кожу, но от этого не становились менее болезненными.

Только раз за время своего пребывания в поместье Мигель и Диего были свидетелями наказания в виде порки кнутом, похожим на ужасающую черную змею, рассекающую плоть и кожу. Несчастный, подвергшийся этому истязанию, пытался ночью сбежать для того, чтобы всего-навсего встретиться с любимой девушкой, которую продали владельцу поместья, граничащего с “Поддающей надежды”.

Колберт отрядил людей на поимку беглеца, и на следующее утро вместо того, чтобы вести рабов на поля сахарного тростника, их собрали на небольшой площадке, чтобы они во всех деталях видели, как свершается правосудие. Несчастливого раба привязали к грубо сколоченному из пары бревен крестообразному столбу, врытому в землю. Здесь и осуществлялись его мучения. Беднягу раздели донага и пятьдесят раз отхлестали кнутом. У Мигеля еще стояли в ушах его вопли и громкий свист ременного кнута. Постепенно крики бедолаги превращались в хрипы, потом в мольбы и плач, а затем и вовсе стихли. Когда надсмотрщик закончил наказание, несчастный горемыка был уже полумертв, а его спина превратилась в отвратительное кровавое месиво, вызывающее неприязнь.

— Шевелитесь, черт возьми, да поживее! — эта брань слышалась непрестанно, пока рабы резали стебли тростника. — Давайте, а не то я выпущу вам кишки и оставлю их гнить на солнце!

Стиснув зубы, Мигель продолжал свой изнурительный труд, молясь, чтобы закончился день. На рассвете его, как и Диего, направили на самую тяжелую работу. Усталость брала свое, и брат начинал слабеть на глазах. Если перерыв будет нескоро, Диего упадет в обморок, а это непременно приведет к побоям.

Стук колес экипажа на секунду отвлек Мигеля, и он посмотрел на извилистую дорогу неподалеку от них. Это длилось всего мгновение, но на его спину тут же опустилась плеть.

— Давай, работай, проклятый испанец! Не отвлекайся!

Мигель напрягся. Его пальцы с силой сжали рукоять длинного ножа, которым он резал тростник, а в его глазах вспыхнула необузданная ярость.

— Давай, попробуй, парень, — глумливо расхохотался ему в лицо надсмотрщик, положив руку на рукоять оружия, висевшего на поясе. — Попробуй, и я сверну голову твоему чертову братцу.

— Ради бога, Мигель... — взмолился Диего.

Подавив злость, Мигель наклонил голову и продолжил работу. Презрительный хохот ничтожного ублюдка открыто демонстрировал безнаказанность его поступков, но Мигель ничего не мог с этим поделать. Лучше бы этот выродок ударил его, это было бы менее унижительно. Мигелю не составило бы труда перерезать горло подобному сукину сыну, но жизнь Диего была для него куда важнее возмездия.

Келли все видела. Придержав лошадь, она перевела ее на шаг и внимательно посмотрела

на раба, над которым только что насмеялся надсмотрщик. У девушки возникло смутное ощущение, что он ей знаком. Келли натянула поводья и остановила ландо на обочине дороги. Тот самый тип, в чьем подчинении находились братья, засуетился, подбежал к ней и торопливо стянул с головы сомбреро.

— Добрый день, барышня, — на его лице появилась подобострастная улыбка.

Келли не нравился этот человек, но она ответила ему с притворной учтивостью:

— Добрый день...э... Брандон, верно?

— Брансон, барышня.

— Да-да, Брансон. Мне так жаль, но я всегда путаюсь в именах.

— Вам что-нибудь нужно, барышня?

— Мне кажется, ослабло одно из колес, — бессовестно солгала Келли, бросая быстрые взгляды на двух белокожих работников. — Может кто-нибудь осмотреть его? Мне не хотелось бы возвращаться домой пешком.

— Я сам... — шагнул вперед надсмотрщик.

— Нет-нет, не стоит, господин Брансон! — воскликнула Келли, очень убедительно разыгрывая тревогу. — Вы испачкаетесь. Любой из них проверит, — девушка кивнула в сторону рабов, — они и так уже грязные.

— Эй, ты! — позвал Брансон одного из негров.

— Быть может, Вы дадите вон того, если не против, — Келли указала на человека, казавшегося ей знакомым. — Он кажется довольно сильным.

Надсмотрщик сделал неопределенный жест, который мог выражать как согласие, так и отказ.

— Эй ты, испанец! — наконец позвал он.

Диего и Мигель одновременно выпрямились, и надсмотрщик ткнул пальцем в Мигеля. Взгляд изумрудных глаз вонзился в лицо Келли, заставляя ее сердце замереть — она узнала того надменного гордеца, выставленного на торги. Мигель отбросил в сторону длинный нож и направился к девушке, отряхивая ладонями штаны.

Вцепившись в поводья, Келли любовалась приближающимся к ней испанцем: его широкими и грациозными, как у крадущейся пантеры, шагами, длинными волосами, и литыми, окрепшими от тяжелой работы на полях мышцами. Он был очень загорелым. А его глаза... они, как электрический разряд, вызвали у Келли дрожь в спине.

— Проверь, чтобы колеса не шатались, — приказал надсмотрщик, — да побыстрее.

Мигель наклонился над правым колесом, а повелительный голос, обращенный в другую сторону, подстегивал теперь других работников.

У Келли вспотели ладони. Она не понимала причину, но ее сердце билось чаще, когда она смотрела, как Мигель возится с колесом. Каждое движение его мышц было величественной симфонией, совершенство которой, кажется, не умалял даже кнут. Келли с жалостью вглядывалась в отметины кнута на его спине.

Мигель перешел к другому колесу, но и там не нашел никаких повреждений. Закончив осмотр, он посмотрел девушке прямо в лицо, и у нее перехватило дыхание.

— Колеса в полном порядке.

Келли почувствовала, что краснеет под его внимательным, изучающим взглядом. Под блеском этих зеленых глаз развеялось бы любое сомнение.

“О, боже, как он красив!” — подумала она. Мигель был невероятно привлекателен, несмотря на свой внешний вид и одежду, состоявшую из одних широких штанов, которые,

тем не менее, в определенных местах облегали его длинные ноги. Сама не желая того, девушка невольно остановила на нем свой взгляд, без всякого стеснения рассматривая его широкие плечи и грудь. Мама отчитала бы ее за подобное бесстыдство, но они находились не в Лондоне, где мужчина никогда не появился бы перед дамой с голым торсом. Они находились на Ямайке, и правила здесь были иные, хотя в действительности этих правил вообще не существовало. И рабы, будь это негры или белые, гнули горбы на резке тростника или уборке кофе едва одетыми.

Мигель не притворялся, он и в самом деле не знал, почему его привлекало это сияющее миловидное личико.

Девушка была невысокой и очень красивой. Длинные, слегка вьющиеся на кончиках и вокруг ушей, золотистые волосы ниспадали водопадом до самого пояса; огромные, ярко-голубые глаза в окаймлении длинных темных ресниц; слегка вздернутый нос и пухлые губы...

Дойдя до губ, Мигель остановился, нацепив на себя оборонительную маску. Он слишком много времени провел без женщины, а красавица, находящаяся перед ним, напоминала ему о его положении, рая, будто ножом, его гордость.

— Желаете еще что-нибудь?

Келли моргнула, и еще крепче сжала поводья.

— Нет. — Мигель повернулся к ней спиной, и она не могла ничего сделать, чтобы задержать его, помешать ему уйти. — Значит, Вы испанец?

Мигель остановился и снова повернулся к ней. В его зрачках мелькнула искорка веселья. Мигель кивнул, подтверждая ее слова. Он всего лишь наклонил голову, но для Келли этот кивок представлялся триумфом — она добилась его внимания.

— Я была в Испании один раз, — сказала девушка, перекладывая поводья из одной руки в другую. — Когда мне было шесть лет. В Севилье.

— Правда?

— Вы откуда? — Келли старалась говорить естественно, но ей мешал подступивший к горлу комок. Сердце скакало в ее груди, как чистокровный скакун на раздольных лугах, а неловкое беспокойство заставляло ерзать на сиденье. Мигель же разглядывал ямочки, образовавшиеся на щеках Келли.

— Нет.

— А-а-а! — Келли замялась. О, господи, она оказалась в глупом положении! Какая ей была разница, откуда родом этот человек? И почему ей так хотелось продолжать смотреть на него?

Неожиданно Мигель представил, что он протягивает руки, вытаскивает ее из ландо и крепко прижимает к себе. Поистине, это было восхитительно. Ее губы сушили свежий и сочный нектар, а тело обещало наслаждения, какие мужчина...

Мигель быстро очнулся от грез и стиснул зубы так, что на скулах заиграли желваки. К нему вернулся помутившийся было разум. Ради всего святого! Что это с ним? Ведь она была племянницей того самого сукина сына, что купил их. Проклятая англичанка! Соотечественница пиратов, разрушивших Маракайбо и убивших Карлоту! Боль недавнего прошлого побуждала его заставить эту девушку платить за все. Да, она заслуживала наказания. Подстегиваемый воспоминаниями, Мигель развязно прислонился к облучку ландо и, положив руку рядом со складками светло-голубого платья Келли, язвительно прошипел:

— В чем дело, красотка? Тебе наскучило сидеть дома, вот и решила поехать пофлиртовать немного?

Келли выпрямилась, словно ей вlepили пощечину. Ее глаза потеряли теплоту и теперь полыхали огнем, а очарование обернулось суровостью. Он издевался над ней, и, хотя из-за своей глупости она не заслуживала иного, Келли взбунтовалась.

— Сеньор...

— Ах, оставьте Ваши титулы, миледи. Здесь они излишни. Я лишился их, когда меня заковали в цепи, а Ваш дядюшка-мерзавец купил меня, как покупают скот для скотобойни, — выпалил Мигель, ничуть не церемонясь. — Мне известно, что хозяева время от времени выбирают какую-нибудь девушку, чтобы она согрела им постель. Вам вздумалось сделать то же самое? Уверяю Вас, как раб, я отдался бы этому делу и телом и душой.

Келли онемела. Будь она чуть более воспитанной дамой, то могла бы даже лишиться чувств. Как он посмел так оскорбить ее? Как мог произнести подобную грубость? Хам неотесанный!

— Вы грубиян и хам.

— Ну что Вы? Я просто раб, миледи.

— Тогда я могла бы сделать так, чтобы Вам закрыли рот.

— Ну так сделайте. В целом, мне уже мало что могут сделать.

Он подзадоривал ее, выводил из себя? Изумление Келли достигло предела. Проглотив оскорбление, она прибегла к угрозе, как к последнему патрону, чтобы умирить дерзость этого мужчины, понимая при этом, что не сделает и шагу в этом направлении.

— Вы слишком бесцеремонны, выказывая свою наглость, — сквозь зубы процедила Келли. — Берегитесь, иначе когда-нибудь Вы дорого заплатите за свою дерзость.

— Если в Вашей постели, то этому нет цены.

Сумасбродный, самодовольный спесивец! К счастью, верхом на лошади к ним ехал ее кузен Эдгар, и Келли нашла в этом возможность к отступлению. Мигель отошел на пару шагов назад, а девушка поздоровалась с подъехавшим братом.

— Добрый день, Эдгар!

В ответ Колберт учтиво склонил голову, поглядывая на испанца.

— Что-то случилось, милейшая сестрица?

— Ослабло колесо, — ответила она и, щелкнув в воздухе хлыстом, с места пустила коня рысью, прокричав на ходу:

— Спасибо, сеньор Брандон!

— Брансон, барышня! — издали поправил ее надсмотрщик.

— Верно, Брансон, — пробормотала она под нос, — или как там черти тебя зовут.

Мигель вернулся на свое место в поле под бдительное око Колберта. Гораздо позже он снова расслабил свои мускулы, напрягшиеся в словесной перепалке. Встретившись с хозяйской племянницей, он унизил ее, но это не означало победу, потому что лицо девушки не покидало его в течение всего оставшегося тягостного дня.

Вирхиния Джордан не донесла чашку до рта. Ее глаза широко раскрылись, став похожими на блюдца, а чашка так и застыла на полпути от стола.

— Он и вправду сказал тебе это?

Келли кивнула. Минуло три дня с ее встречи с испанцем, а у нее до сих пор захватывало дух всякий раз, как она вспоминала о нем. Ей было позарез необходимо поделиться с кем-то своей сокровенной тайной, и она, выпросив у дяди охрану, приехала в Порт-Ройал. Вирхиния была единственной, с кем она могла поговорить по душам и поведать подобного рода секреты.

— Слово в слово, — подтвердила Келли. — Ты не ослышалась, именно пригульный!

— Ай! Видимо, ты очень зла, раз используешь подобный лексикон. — Вирхиния не смогла сдержать улыбки.

— Прости, я не хотела...

— Ничего-ничего, иногда у меня тоже вылетают такие словечки, — Вирхиния сделала глоток чая и вздохнула, наблюдая за хмурым выражением лица подружки. — Ну да бог с ним, скажи-ка лучше, он действительно такой красивый, каким показался в первый раз?

— А почему тебя это интересует? Разве это так важно?

— Видишь ли, если он такой видный храбрец, как ты говорила, возможно... — Вирхиния прикусила язык, чтобы не сболтнуть лишнего.

— Вирхиния!

Но Вирхиния уже не могла скрывать своего веселья и расхохоталась. Келли ничуть не обиделась — она знала, что своим вольным замечанием подружка хотела развеселить ее, и только, ведь обе девушки отлично понимали друг друга. У Вирхинии всегда имелось в запасе острое словцо, придающее Келли сил.

— Дело в том, что он интересный, — Келли подхватила шутку подруги.

— Интересный, и только?

— Ну... очень интересный.

Вирхиния снова рассмеялась.

— Ладно, он потрясающе красивый! И храбрый. Любая вдовушка Порт-Ройала заплатила бы за него кругленькую сумму.

Обнявшись, девушки заговорщически расхохотались, негласно представляя себе некую Памелу Робертс, давным-давно вдовствующую чопорную матрону, про которую ходил слухок, что мужчины бывали в ее постели с завидной частотой.

— Тебе следовало бы приехать в “Подающую надежды”, — проговорила Келли, вытирая слезы. — Мне там ужасно одиноко. Почему ты не попросишь разрешения у своего отца?

— Попрошу прямо сейчас. Мне нужна перемена мест.

Для пущей уверенности и весомости разговаривать с отцом Вирхинии девушки пошли вдвоем. Но вот разрешение было получено, и, собрав кое-какие вещички, подружки отправились в путь к “Подающей надежды”. Они посулили себе, что проведут несколько увлекательнейших дней, совершая пешие и верховые прогулки по владениям. Они не представляли того, что на них надвигалось. Если бы они представили, только представили, что с ними вскоре случится...

Солнце почти скрылось за горизонтом, когда девушки приехали в поместье. Это было

время, когда работники возвращались с полей в свои хибарки.

Мигель оперся на локоть, выслушивая приказания надсмотрщика. Они только что вернулись с полей, и невероятная усталость свалила их на тюфяки.

— Я не знаю, правильно ли понял.

— Тебе нечего понимать. Хозяин хочет, чтобы вы помылись и надели вот эти чистые штаны. — Надсмотрщик швырнул братьям пару штанов.

Оба брата поднялись, несмотря на боль в суставах. Под бдительным оком своего цепного пса они вышли во двор, разделись, вымылись в поилке, а затем надели только что полученную одежду. Ни один из них ничего не спросил. Зачем? Они привыкли подчиняться, не задавая вопросов и почти без возражений. Либо так, либо получай ременные ласки.

Едва братья привели себя в порядок, надсмотрщик тут же надел им на запястья кандалы и подтолкнул к дому. Дом был довольно большим и незамысловатым сооружением — этакий белый квадрат с двумя колоннами по бокам у двери главного входа. Создавший его архитектор явно не блистал талантами, и здание во все стороны трубило об этом своим видом. Оно походило скорее на крепость, чем на жилой дом в колониальном стиле.

Братьев заставили войти в дом, и Мигель, вопреки своему желанию, остановил свой взгляд на его внутреннем убранстве. Громадная прихожая бросалась в глаза своей незатейливой, кое-как расставленной мебелью, висевшими повсюду безвкусными картинами и замысловато-аляпистыми украшениями. Мигель вспомнил свой дом с уютными комнатами, в каждой из которых находились вазы со свежесрезанными цветами, и от этого воспоминания ему стало еще горше. Звяканье сковывавших его цепей отозвалось в огромной прихожей гулким, зловещим эхом.

Ничуть не причастные к подготовленному Колбертом сюрпризу, Келли и Вирхиния вели оживленный разговор, в то время как Эдгар с отцом обсуждали события минувшего рабочего дня. К несчастью, за первым блюдом была затронута тема грабежей испанских портов на Карибах. Несмотря на то, что Англия вела войну с Испанией, Вирхиния была категорически не согласна с подобными разбойными нападениями и массовыми убийствами. Ее позиция по данному вопросу навела Себастьяна на мысль скрасить вечер неким развлечением. Он приказал позвать одного из своих людей, прошептал ему на ухо несколько распоряжений и теперь, развалившись в кресле, ждал исполнения приказа, вертя в своих мясистых, заплывших жиром пальцах бокал из богемского хрусталя и вполуха слушая объяснения сына. Хищный оскал на обрюзгшем лице Колберта должен был бы стать предупреждением для Келли, не сводившей с дяди глаз. Но кто может знать заранее, что у человека на уме? В проеме двери, ведущей в столовую, Колберт заметил работника, тайно подающего ему какие-то знаки.

— Входи, входи, Николас, — позвал он.

Все повернули головы к двери. Рукоятью ременной плети надсмотрщик подтолкнул вперед обоих пленников, заставляя их войти...

На Келли с небес пала сама вселенная. Из ее груди вырвалось нечто, похожее на стон, и тут же слилось со вздохом ее подруги.

Мигель застыл на месте, как выброшенный на берег корабль, исхлестанный встречными штормовыми ветрами. С одной стороны он был рад присутствию девушки, которая так поразила его в полях, а с другой чувствовал себя беспомощным, оказавшись в столь унижительном для себя положении.

— Мисс Джордан, я хотел показать Вам два моих недавних приобретения, —

промурлыкал Колберт, указывая на братьев, словно речь шла о породистых псах.

Эта грубая шутка была злым и извращенным упражнением в глумлении над человеческим достоинством. Быть рабом этого толстяка само по себе не сахар, но если он вдобавок похвалится своей покупкой, выставляя их как полученный в битве трофей, это уж слишком. Душа и достоинство Мигеля были погрязли. Он крепко стиснул зубы, сдерживая порыв броситься к столу и прямо там убить подонка. Мигеля толкало на это его положение бесправной жертвы. Любое унижение человека имело свой предел, но ублюдох Колберт, похоже, этого не знал, как и его племянница. Мигель метнул в нее свирепый взгляд. Келли мяла пальцами салфетку.

Каждая клеточка загорелой кожи испанца излучала крупинки ненависти. Мигель внушал страх, несмотря на то, что был закован в цепи. Келли инстинктивно поддалась назад, но не могла оторвать взгляд от статного красавца.

От Себастьяна не ускользнули скрестившиеся взгляды племянницы и Мигеля.

— Как вы их находите, мисс Джордан? — спросил он гостью. — Славные жеребцы, не так ли? Стоило заплатить за них такую цену.

Вирхиния не могла ответить. Она не понимала, чего хотел Колберт, и в какую игру он играл. Землевладелец вместе с сыном неожиданно расхохотался от всей души.

— Полагаю, Вы сочтете их здоровыми, — продолжил он, не обращая внимания на молчание девушки. — Так оно и есть. Они выносливы в работе. Надеюсь, они пробудут у меня очень долго, потому что я намерен устроить им такую жизнь, что перед смертью они тысячу раз проклянут свою судьбу.

Этого Келли не вынесла. Услышав последние слова, она перепугалась не на шутку.

— Все равно рабы рано или поздно умирают, — вмешавшись в разговор, глухо пробормотал Эдгар заплетающимся от выпитого вина языком. — Солнце, лихорадка... — Он налил себе еще бокал.

Мигель и рта не открыл, его ответом было молчаливое презрение. А, собственно, чем еще он мог их оскорбить? Однако Мигель дал себе клятву, что они ему за все заплатят, все вместе, и каждый из них по отдельности.

— Хорошо, Николас, — сказал Себастьян, — можешь увести их. Завтра их ждет тяжелый день — лущение стерни на западных полях. Только не снимай с них цепей, им так нравятся эти браслеты... — добавил Колберт, когда они уже выходили из столовой, и расхохотался над собственной шуткой.

Диего опустил голову и пошел к двери, а Мигель повернулся и процедил сквозь зубы, с трудом сохраняя спокойный тон, и глядя прямо на Келли:

— Очень жаль. Когда мне приказали вымыться, я подумал, что Вы решили использовать меня согласно нашему разговору, миледи.

Вирхиния зажала рот руками, а Келли, вздрогнув от неожиданности, подскочила на стуле. Взгляды дяди и Эдгара метнулись к ней.

— Что он имел в виду?

— Я... я... не знаю.

— Неужели Вы не помните, миледи? — с издевкой продолжал Мигель.

Диего, со своей стороны, усердно молился, чтобы брат побыстрее закрыл свой рот. Ради всего святого! Неужели он снова сошел с ума? Подобная дерзость могла привести его напрямик к столбу наказаний.

Келли не дышала — она не могла поверить в происходящее. Это казалось кошмарным

сном. Безрассудная отвага этого человека лишила сидящих за столом людей дара речи; все, молча, ждали. Келли посмотрела Мигелю прямо в глаза. В них был какой-то особенный блеск — смесь насмешки и пугающей ее ярости. Что он искал? Если она все расскажет, его могут даже убить. Вирхиния незаметно толкнула ее под столом ногой, и этот толчок привел Келли в чувство.

— Я увидела его в полях, дядя. — Келли старалась не разозлиться. Она протянула руку, чтобы взять пирожное. Ее пальцы дрожали, и она не могла скрыть эту предательскую дрожь. — Говорят, испанцы знают толк в лошадях, и я подумала, что он объездит того жеребца, что ты подарил мне месяц назад. Он еще очень горячий.

Хмурые морщинки на лбу Колберта разгладились и потеряли свою суровость, да и сам он, похоже, расслабился.

— Я купил это отребье не для того, чтобы он занимался лошадьми, Келли. Поищи себе другого.

— Это была всего лишь задумка, дядя, — примирительно проворковала Келли.

— В другой раз, миледи, — успел сказать Мигель, сопроводив свои слова легким поклоном.

Три дня братья работали на сахарном заводе, на прессовке уже срезанного и убранныго с плантаций сахарного тростника. Они быстро убедились, что здешняя работа была не менее, если не более, изнурительной, чем работа в полях. Снопы тростника привозили сюда на телегах, аккуратными рядками укладывали под вальцовый пресс, и жернова начинали дробить стебли, выдавливая из них сок. Оставшиеся после этого отходы не пропадали даром, они использовались для поддержания огня в перегоночных котлах.

Поместье “Подающая надежды” было весьма процветающим. Для нормального ведения хозяйства необходимо было производить двести бочонков сахара, но в действительности удавалось получить гораздо больше. Судя по тому, что слышали братья, чтобы добиться подобного результата требовался рабочий скот в количестве двухсот пятидесяти негров, восьмидесяти волов и шестидесяти мулов.

— Интересно, к какому виду скота относимся мы? — зло и с горечью иронизировал Мигель. В ответ на это Диего молчал.

Братья уже пережили этап, именуемый плантаторами “садом”, а проще говоря, работу в полях. Теперь Колберт велел им работать на дробилке. Было ясно, что он хотел испытать братьев. Рабы, направленные на сахарный завод к котлам и дробилкам, не занимались уборкой урожая, но их труд был очень тяжелым, выматывающим все силы, и крайне опасным. Немало работников по неосторожности или от усталости было раздавлено огромными вальцами пресса, дробившего тростник, но из-за подобной малости работа не прекращалась. Останки несчастного убирались с ленты конвейера; чтобы смыть кровь, на нее выливалось несколько ведер воды, и нескончаемо-монотонная работа возобновлялась.

Мигель положил один из снопов между вальцов дробилки и собирался взять еще один, но его остановил голос надсмотрщика:

— Ступай, принеси хворост, и подбрось его в огонь, чтобы горело жарче.

Измученный непосильной работой и жаром, исходящим от котлов, Мигель ничего не ответил, а молча положил охапку тростника и, опустив плечи, устало зашагал к выходу. Он знал, что этот приказ был для него отнюдь не подарком. Вязанки хвороста были слишком увесисты для его разбитого тела, но он возблагодарил предоставившуюся ему возможность хоть ненадолго покинуть этот богом проклятый ад и хоть немного освежиться, вдохнув легкий, прохладный воздух.

Истерзанные мышцы нестерпимо болели. Мигель побрел в заднюю часть заводского помещения, куда складывался хворост. Его, как и траву на корм скоту, собирали сами рабы либо на рассвете, перед тем как приступить к повседневной работе, либо же после нее уже ночью. Вернувшись за полночь с дополнительной повинности, люди в изнеможении валились на свои соломенные тюфяки.

Однако, несмотря на все мытарства, некоторые из рабов умудрялись возделывать крошечный участок земли, выделенный хозяином. Этот маленький огородик давал им свежие овощи, и это был единственный способ немного обогатить их скудное питание пусть даже ценой собственного отдыха.

Никто из невольников не оказывал сопротивления вооруженным, не знающим жалости, надсмотрщикам, но Колберт, казалось, помешался. Он жил в вечной одержимости идеей возможного бунта, поэтому все рабы находились под неусыпным контролем, и их постоянно

подвергали наказанию. Старик лично правил помещьем с помощью своего сына, вместо того, чтобы нанять управляющего. Они сами следили за порядком и дисциплиной на полях, за покорностью и смиренностью рабов, а раз в неделю их громилы-телохранители осматривали невольничьи хижины в поисках возможного оружия. Колбертов называли надзирателями; вооруженные до зубов, верхом на лошадях они с завидной регулярностью объезжали поля, и у Мигеля начало закрадываться сомнение в возможности побега.

Мигель вышел наружу, чтобы немного освежиться и умыться. Он повернул за угол... и увидел ее. Мигель остановился и застыл на месте, глядя на девушку. Ему казалось, что если он начнет дышать, то милое видение рассеется. Сегодня утром в белом муслиновом платье и такого же цвета шляпке она была особенно красива.

Келли что-то почувствовала и обернулась. В ее сапфировых глазах внезапно мелькнуло опасение, и девушка нахмурилась. Она беспокойно дернулась, шагнула к Мигелю и снова отступила, будто передумав. Келли огляделась по сторонам, словно ища кого-то, но они были одни. Девушка боролась с собой, торопливо выбирая между желанием уйти и необходимостью остаться. Верх одержало превосходство занимаемого ею положения, так что Келли расправила плечи, вздернула подбородок и сделала Мигелю знак подойти. Мигель не двинулся с места и продолжал смотреть на нее.

Изрядно разозлившись, Келли решительно направилась к нему. Де Торрес ждал ее с кажущимся безразличием, хотя сердце его билось все чаще и сильнее по мере того, как девушка приближалась.

— Вы глухой? — спросила она.

— Ничуть.

— Я звала Вас.

— Знаю, но я помню, что дядя сказал Вам поискать другого... объездчика кобылок.

Келли сдержалась, проглотив непристойный намек.

— Отлично! У меня нет времени спорить с Вами. Помогите мне принести воду к хижинам. — Девушка пошла обратно, ожидая, что Мигель пойдет за ней, но обернулась, услышав за спиной:

— Я не могу.

— Что Вы сказали? — удивленно переспросила она.

— Если я сию секунду не вернусь с охапкой хвороста, миледи, меня отхлещут плетьюми, так что даже ради Вас я не осмелюсь нарушить этот приказ.

Келли обдумала ответ Мигеля. Она знала, что далеко не всегда в обычаях надсмотрщиков было строго следовать распоряжениям ее дяди, зачастую они позволяли себе разные вольности. Пройдя мимо Мигеля, Келли направилась прямо в давальню, и широкие юбки колыхались в такт ее шагам. Мигель пожал плечами, подошел к куче хвороста, сгреб охапку и вернулся туда, откуда пришел. На секунду он забыл о своих горестях и бедах и улыбнулся: ему нравился воинственный вызов этих девичьих глаз, и в душе Мигель был рад, что именно он одной единственной фразой пробудил эти чувства.

Войдя в давальню, Келли на секунду задохнулась от жара, но тут же с еще большей решимостью направилась прямо к надсмотрщику. Мигель, вошедший следом, заметил, что они разговаривают между собой, вернее, о чем-то тихо спорят. Потом он увидел, что надсмотрщик, нехотя, дал свое согласие и презрительно глянул на него. Девушка ушла.

— Иди вместе с сеньоритой, — буркнул ему негодяй.

Мигель сопаской бросил ношу и вышел из давальни. Келли поджидала его, скрестив

руки на своей прелестной груди, едва видневшейся в вырезе платья, и выглядела очень недовольной.

— Поживее, — поторопила она Мигеля. — Теперь с Вас не сдерут кожу. Идите за мной.

— В Вашу постель?

Келли выпрямилась во весь рост, словно ей залепили пощечину. Она подошла к Мигелю и пристально посмотрела ему в глаза, а потом подняла руку и ударила его по лицу. Мигель только моргнул, но в его спокойном голосе послышались угрожающие нотки.

— Больше не делайте так, сеньорита.

— Вы хам, но на этот раз я забуду Вашу грубость. Мне нужна вода.

— Ну так принесите ее сами! — взбунтовался Мигель, поворачиваясь к ней спиной.

— Черт возьми! — воскликнула Келли. — Там женщина вот-вот родит, и мне позарез нужна эта треклятая вода!

Келли не требовала, она просила, и Мигель снова повернулся к ней. Находясь рядом с ней, он испытывал глухую пустоту, которая была ужаснее ударов.

— Тогда Вам следовало бы поискать какую-нибудь женщину.

— Вы считаете, что я просила бы у Вас помощи, если бы могла обойтись без нее? Все женщины в полях. Нужно торопиться, — сказала Келли и добавила единственное слово, которое могло смягчить Мигеля. — Пожалуйста.

Он сдался. Да и как было не уступить? Идя за Келли, он продлевал себе моменты отдыха. К тому же выполнять приказы такой красавицы было не так уж плохо.

— Хорошо. Я иду с Вами.

Келли не заставила себя упрашивать. Она просто бросилась бежать, подхватив подол юбки одной рукой, а другой стараясь удержать шляпку. Мигель быстрым шагом пошел за ней, не упуская из виду стройных, точеных щиколоток, показывающихся из-под платья. Когда они подбежали к невольничьим лачугам, Келли указала на колодец.

— Достаньте воды из колодца. Мне нужно два больших ведра. Сначала поставьте их на огонь и вскипятите, а потом несите мне.

Сказав это, девушка вошла в одну из хижин. Мигель услышал жалобный стон и заторопился. Он мог ненавидеть англичан, а к этой девушке питал особую ненависть за то, кем она была, но интуитивно он чувствовал, что действительно нужен им. Его мышцы напряглись, вытягивая вверх веревку с ведром. Мигель перелил воду в котел и поставил его на огонь, как велела Келли, а потом достал еще одно ведро воды. Ожидая, когда закипит вода в котле, Мигель беспокойно постукивал пальцами по мускулам. Ему было не по себе, потому что до него продолжали долетать приглушенные стенания роженицы.

Когда Мигель вошел в лачугу, таща котел с водой, его ноги приросли к полу от представшей перед ним сцены. Такого он не представлял. Келли собрала волосы в конский хвост, перетянув их простой веревкой. Рукава ее платья были закатаны до локтей. Она суежилась возле ободранной убогой постели, на которой лежала не женщина, а молоденькая девчушка, совсем еще подросток. Девчушка изгибалась и стонала, крепко стиснув пальцами грубо сшитое одеяло.

Чистенькая и опрятная сеньорита Колберт старалась успокоить девчушку, вытирая ее лоб смоченной в воде тряпицей. Мигель застыл, но Келли почувствовала его присутствие.

— Вылейте сюда, — попросила она. — Там еще греется вода?

— Да.

— Хорошо. Посмотрите, где-то здесь должны быть чистые простыни, блузки или

рубашки... Словом, что-нибудь!

Мигель вылил воду в таз, а потом начал поиски. Он нашел три пары замурзанных поношенных штанов и четыре больших тряпки. С тряпками в руках он вернулся обратно. Увидев тряпки, Келли поджала губы.

— Искать другие вещи нет времени, — сказала она, протягивая руку. В эту минуту у девчушки начались очередные схватки, и бедняжка издала душераздирающий, нечеловеческий вопль. — Тише, милая, тише, успокойся, — ласково прошептала Келли, целуя девчушку в лоб. — Все будет хорошо, и у тебя будет прелестный малыш.

Мигель почувствовал в груди глухой удар, его будто молотом ударили. Неужели он и вправду имел дело с племянницей Колберта? Нежность, с какой она заботилась об этой чернокожей девчушке, пробила броню, защищавшую сердце старшего де Торреса. Он и за тысячу лет не представил бы такое.

Еще один вопль. Рабыня скорчилась и заплакала, отчаянно вцепившись в запястье Келли.

— Мне больно, мамзель, — простонала она, — очень больно.

— Я знаю, солнышко, знаю, но ты должна быть сильной и помочь мне принять твоего ребенка.

Девчушка кивнула, но следующие схватки изогнули дугой ее худенькое тело.

— Я хочу, чтобы Вы вынули его оттуда! — молила негритянка, сжимая живот руками. — Достаньте его сразу!

Мигель стоял, как вкопанный. Он понимал, как трудно приходилось англичанке, из всех сил старавшейся удержать и успокоить роженицу. Он взял бы на себя ее заботы, но не мог двинуться с места, это было выше его сил. Тем не менее, Мигель догадывался, что если они с Келли не сделают что-нибудь прямо сейчас, малышка и ее ребенок могут умереть. Он положил вещи на матрас в ногах негритянки, взял Келли за плечи, отодвинул девушку в сторону и занял ее место. Одной рукой он обхватил запястья девчушки, а вторую положил ей на живот, не давая ей двигаться.

От неожиданно подоспевшей помощи Келли стало легче. Она подложила чистые вещи под ноги девчушки и сглотнула набежавшую слюну. Неожиданно ее одолели сомнения. На Келли давило сознание того, что она несла в своих руках две человеческие жизни, ни больше, ни меньше, а ее представления о подобного рода делах были весьма смутны. Один раз она видела со стороны рождение ребенка, но сопричастность к такому событию приближала людей к бессмертию, к их возрождению в новой жизни при каждом рождении ребенка.

— Боже мой, — тихо пробормотала Келли.

— Мне не следовало бы находиться здесь, — услышала она голос Мигеля.

— Мне нужна Ваша помощь.

— Послушайте, сеньорита...

— Нет, это Вы меня послушайте! Она сама почти что девочка, это ее первые роды, и у нее очень узкий таз. Если мы не поможем ей родить, она умрет. Это вы понимаете? — Келли была возбуждена и уже не скрывала своих чувств. — Да пропади она пропадом Ваша проклятая испанская гордыня, если вы бросите меня сейчас!

Мигель ничего не ответил, только надавил сильнее на живот роженицы, чтобы облегчить ее труд. Он отвернулся, когда она раздвинула ноги. Под его рукой дергалось и извивалось истерзанное тело девчушки, а крики боли вонзались в уши. И только тихий голос Келли, успокаивающий негритянку и призывающий ее тужиться, проливался бальзамом на

его душу.

— Вот так, так, умница, — шептала Келли, — а сейчас тужься, тужься, милая, я уже вижу головку. У тебя будет очень красивый малыш. Тужься сильнее, еще немного, осталось совсем чуть-чуть.

Сердце Мигеля колотилось у него в ушах. Он чувствовал себя непрошеным самозванцем, вторгающимся в действо, свидетелями которого являются исключительно женщины и врачи, но бурная радость Келли заставила его взглянуть на происходившее. В животе Мигеля все перевернулось, когда он увидел кровь. На долю секунды его глаза встретились с глазами англичанки, но он тут же отвел взгляд.

— Вы же не скажете мне, что напуганы, правда? — пошутила Келли, несмотря на серьезное положение, а затем отвернулась от Мигеля и продолжила свое дело.

Под вой освобождения между ног девчушки появилась головка, покрытая темным пушком. словно во сне Мигель увидел, как Келли бережно подхватила головку ребенка и с большой осторожностью тянула ее, пока не появилось одно плечико, а затем и другое. Секунды сделались для Мигеля бесконечными; капли пота, покрывающие лоб, падали ему на глаза...

Роженица, наконец-то, расслабилась, и тогда он увидел Келли, державшую в ладонях младенца цвета кофе с молоком, соединенного со своей матерью похожей на веревку пуповиной. Мигель посторонился, не упуская подробностей. Новорожденный издал протестующий крик, и на лице девушки появилась удовлетворенная улыбка. Мигель наблюдал, с какой нежностью показывала она ребенка гордой, как наседка, негритянке. Келли только что перерезала пуповину, окончательно отделив ребенка от матери, и тем самым завершила свою работу. Она положила младенца на грудь негритянки и подняла взгляд на Мигеля. Блеск ее глаз от сознания выполненного долга превратил их в два изумительно прекрасных драгоценных камня.

— То, что осталось, я могу сделать одна, — сказала Келли, — только принесите мне, пожалуйста, воды.

Большого Мигелю и не нужно было. Он вышел из хижины, налил горячей воды, принес ее Келли и снова вышел на улицу. Дул сильный ветер, предвещавший грозу. Мигель жадно вдыхал его, и не мог насытиться, словно провел несколько часов вообще не дыша. Он едва не терял сознание, у него кружилась голова, как при морской качке. Он был поражен и очарован. Какого черта! Мигель откинул голову назад и сжал губы, преисполнившись гордостью оттого, что, в конечном счете, он приобщился к чуду рождения.

В хижине Келли вымыла ребенка и мать, уложила их поудобнее и собрала запятнанную кровью

одежду. Мигель услышал, как она тихо восхваляла мужскую силу. Через несколько минут Келли вышла с кучей окровавленного тряпья. Мигель взял тряпье из рук Келли и швырнул его в огонь. Келли устало опустилась на землю возле колодца. Вздохнув, она помассировала шею, посмотрела на испанца и спросила:

— Вы устали, да?

Мигель прислонился к краю колодца и ничего не ответил. Келли представлялась ему прекрасным

видением прошлых раз, хотя сейчас ее платье было запачкано кровью, а волосы растрепались, и она ничем не была похожа на обычную утонченную и изысканную сеньориту. И все же Мигель подумал, что он никогда не видел более красивой девушки.

Келли рассмеялась. Она распустила волосы, и теперь они золотистыми волнами падали ей на лицо

и плечи. Девушка тряхнула головой, откидывая их назад. Она вдруг обратила внимание на свое платье.

— Я стала нелепой и смешной.

— Вовсе нет. Вы прекрасны.

Их взгляды встретились, но на этот раз Мигель не отвел в сторону свой взгляд, а устремил его на

губы девушки. Келли встала, не обращая внимания на протянутую ей мужскую руку. Ей вдруг стало неловко, возможно, оттого, что она ждала от испанца чего угодно, только не галантности. Заметив, что покраснела, Келли сделала вид, что отряхивает юбку.

— Спасибо Вам за помощь.

— Это было ужасно — пробормотал Мигель.

— Не говорите так, — Келли посмотрела на него, — рождение ребенка это нечто очень прекрасное.

— Конечно. И очень болезненное.

— С этим нельзя не согласиться.

— В таком случае мне трудно понять тягу женщин к продолжению рода.

— Это чистой воды инстинкт. Для того, чтобы Вы родились, Вашей матери пришлось пройти через

то же самое. Или Вы считаете, что пришли в этот мир в сундуке?

Неожиданная, открытая улыбка Мигеля обезоружила Келли. Всегда угрюмое лицо испанца

удивительным образом преобразилось. Девушка снова осознала, насколько привлекателен этот мужчина, и на ее лице отразилось жгучее искушение погрузить пальцы в его черные волосы. Ее глаза задержались на его зеленых озерах, которые несмотря ни на что таили в своей глубине сдерживаемую ярость. Келли догадывалась, что этот мужчина мог осложнить ее жизнь.

Келли отошла от него подальше, изящно наклонив голову в знак благодарности. Он вел себя необычно, и Келли не забыла бы этого, однако что-то призывало ее держать между ними дистанцию. И все же низкий мужской голос задержал ее:

— Вы не заплатите мне за помощь?

С тех пор как в его жизни появилась золотоволосая сирена, Мигель не мог думать ни о чем другом. Образ девушки был помехой его лихорадочной жажде мести, но в те минуты для Мигеля больше ничего не существовало. Он не видел ничего, кроме ее сочных губ, манящего, стройного тела и стремительных, ранящих глаз. В Мигеле острым жалом пробудилось спесивое самодовольство, возможно потому, что он мог напугать ее. Мигель знал, что это было ребяческим, копеечным возмездием, но все-таки возмездием. Ему нужно было хоть что-то, иначе он просто сошел бы с ума.

Келли отлично поняла его намек. Разумнее всего было бы уйти, не слушая его, но девушке хотелось остаться здесь, и она не двинулась с места. Мушка, угодившая в горшочек с медом, была в меньшей степени пленницей, чем она. Когда Мигель подошел к ней ближе, Келли смогла только сглотнуть ком, стоявший в горле.

Мозолистые от непосильного труда руки Мигеля легли на плечи девушки, а затем он медленно придвинулся к ней и поймал губами ее губы. Мигель ожидал сопротивления, но не нашел его.

Чувствовать вкус правильно очерченных губ испанца было для Келли подобно вознесению на седьмое небо. Она желала этого с тех самых пор, как увидела его на невольничьем рынке, затем в полях, а потом и дома. Девушка тысячу и один раз спрашивала себя, какие на вкус его губы, а теперь у нее был ответ — губы Мигеля имели вкус греха. Сдержанность и благоразумие исчезли, предоставляя дорогу срочной необходимости. По жилам Келли струились языки огня. Девушка прижалась к Мигелю, положив ладонь на его голую грудь.

Податливость Келли возбудила испанца. Его и без того лихорадочная страсть к этой девушке возросла еще сильнее. Келли была очень красивой, а Мигель слишком долго постился, не имея женщины.

Не отрывая друг от друга губ, они спрятались за хибарками, служившими им своего рода укрытием. Келли не думала ни о чем, отдавшись на волю тысяче разнообразных возбуждающих чувств, пробегающих мурашками по коже, пока губы Мигеля играли с ее губами. Она хотела слиться с этим мужчиной, подчиниться ему, трепеща каждой клеточкой тела.

Мигель опустил ее на колени и, потянув девушку к себе, повалил ее на землю, а она обхватила руками его широкие плечи. Ладони девушки, проскользив вдоль разгоряченной, мягкой как шелк спины Мигеля, остановились, нащупав отметину от кнута. Губы мужчины оторвались от девичьих губ, чтобы завладеть ее шеей, ключицей и основанием груди...

Мигеля разъедало всепоглощающее желание. Его восставший, твердый член требовал удовлетворения, а руки нетерпеливо шарили в поисках застежек платья. Мигелю срочно нужна была женщина, но не любая, а именно эта.

Келли сходила с ума, полностью осознавая, что руки Мигеля забрались ей под юбку, оставляя открытыми ее ноги. О, боже, как она этого желала! Она извивалась и стонала под Мигелем, неосознанно возбуждаясь и еще больше распалая пожиравший ее огонь... Она открылась ему навстречу...

Неожиданно начавшийся дождь и некстати раздавшееся бестактное урчание опоссума разрушили этот столь сладостный миг, возвратив Келли к реальности. Чувство вины

безжалостно заставило ее очнуться. Девушка уперлась руками в грудь Мигеля и изо всей силы оттолкнула его.

— Нет!

Это единственное слово остановило его. Он приподнялся, опираясь на ладони, и его зеленые глаза внимательно всмотрелись в ее. Келли была похожа на испуганную газель, но она не могла скрыть своего явного смущения и замешательства, когда порочно-греховные губы мужчины, слившись с ее губами, просили большего. Нельзя отрицать — Келли желала Мигеля столь же сильно, как он ее, но отказ девушки был столь категоричен, что был сродни приказу, который истинный дворянин никогда не нарушил бы, а Мигель был истинным кабальеро. Его не учили брать женщину силой, и сейчас он не собирался этого делать не только потому, что в этом случае рисковал их с Диего жизнями, а из принципов, которые не стал бы попираť ни за что на свете, как бы ему этого не хотелось. Мигель встал и протянул Келли руку, помогая ей подняться. Девушка принялась отряхивать юбку, будучи не в силах посмотреть в глаза Мигелю.

— Развлечение закончено, миледи, — услышала она яростный шепот Мигеля.

— Забудем о случившемся, — выдавила Келли с большим трудом.

— Не так-то легко мне будет забыть, что хозяйская племянница оказала мне кое-какие услуги в обмен на маленькую помощь, — угрюмо буркнул Мигель.

— Вы снова стали грубияном, — в голубых глазах девушки полыхнули молнии упрямого бунтарства.

— А я и не переставал им быть, так же, как не перестал быть рабом, — отрезал Мигель, и пошел было прочь, но потом остановился и оглянулся. — Если вдруг когда-нибудь тебе захочется перепахнуться, то ты знаешь...

Келли прикусила себе язык, чтобы сдержаться. Одно ее слово — и этот несчастный был бы обезглавлен. Она вонзила ногти себе в ладони, а Мигель направился в сторону давальни. Позже, наедине с собой, он горько сожалел о неудавшемся шансе и о своей неподобающей грубости с девушкой, которая помогала новоиспеченной матери. Мигель собирался разыскать Келли.

А Келли старалась забыть испанца в поисках развлечений. Она ездила за покупками, а по вечерам с головой погружалась в чтение только что купленных книг. Девушка больше ни на шаг не приближалась ни к полям, ни к дробилке. Келли не видела также ни юную мать, ни ее ребенка, но она посылала к ней служанку, чтобы убедиться, что у той есть все необходимое. Пару раз она навещала Вирхинию.

Вирхиния по-прежнему оставалась ее близкой и доверенной подругой и единственной отдушиной от снедающих ее нетерпения и беспокойства. Вирхиния не упрекала ее и не давала советов относительно Мигеля, она просто приняла этот факт, хотя и не одобряла странного, неподобающего поведения подружки, потому что это могло привести обоих к пагубным последствиям.

Прожив две недели в полном неведении о Мигеле, Келли вернула себе былое спокойствие, но такова уж судьба, что не нам выбирать путь-дорогу, и испанец снова возник на ее пути.

Келли слышала обрывки спора между дядей и кузенком. Она вовсе не хотела проявлять излишнее любопытство и подслушивать, но голоса были слишком громкими. Из разговора Келли поняла, что это Эдгар являлся отцом ребенка, которому она помогла появиться на свет. Девушка прижалась к двери и слушала, как Колберт-старший гневно отчитывает своего

сына. Когда Эдгар заявил отцу, что во всей этой ситуации его беспокоило только одно — ему не следовало обращать внимания на черномазую — Келли с отвращением попятилась от двери. Девушка выскочила из дома, как ошпаренная. Или она уберется подальше от этих двоих, или кончится тем, что она сама совершит какое-нибудь зверство. Келли снова спросила себя, добралось ли по назначению ее письмо, в котором она просила у отца прощения и рассказывала ему о жизни в “Поддающей надежды”.

Колберт, как и остальные землевладельцы, поставлял часть переработанного сахарного тростника на собственную винокурню. Там тростниковый сок сначала нагревали, а после охлаждения сахарную накипь процеживали в перфорированные бочки. Оставшаяся патока сливалась, а потом из нее гнали ром, который поставлялся в другие страны. Эдгар лично проверял крепость произведенного рома, и если он не достигал пятидесяти градусов, то дистиллировался еще раз.

В те дни Мигель по распоряжению надсмотрщика был направлен в винокурню. Все надсмотрщики получили от Колберта личное распоряжение направлять испанцев на самую тяжелую работу, поэтому, когда на винокурне возникала необходимость в работнике, один из братьев оказывался для этого самым что ни на есть пригодным, поскольку бочонки были очень тяжелыми.

Как-то раз поздно вечером, по окончании тяжелого рабочего дня, работники направлялись к своим хижинам и огородам. Все, кроме Мигеля, которому надсмотрщик велел приготовить на следующий день солому и сложить ее в кучу. Мигель, хоть и был вымотан до предела, не мог послушаться. Как раз в то время, когда он укладывал солому, на склад ворвался и закружился вихрь желтых юбок. У штабелей бочонков появилась Келли.

— Дженкинс! — услышал Мигель ее голос. — Дженкинс! Вы здесь? — позвала она, не замечая Мигеля. Нахмутив брови и сжав губы, девушка решительно шла вперед. — Проклятье, будь ты неладен! Перестань пить, как идиот, и иди сюда, у нас проблема.

“И когда только у этой чертовой девки не было проблем?” — подумал Мигель. Тот тип, которого она звала, не появлялся, и Келли стала нетерпеливо притопывать ногой о пол, выглядывая его по всем сторонам. Следовало бы уйти и забыть о ней. Следовало бы продолжать заниматься своей работой, но это было невозможно. Мигеля подстегивала мысль снова задеть ее, уколоть, и безумная идея одерживала верх над благоразумием.

— Если вы не выйдете прямо сейчас, клянусь, я!.. — пригрозила Келли.

— Снова роды, принцесса?

От неожиданности Келли подпрыгнула и обернулась. Ее глаза расширились, и она снова отметила про себя, что этот испанец был слишком красивым мужчиной. Мысленно она осудила его за то, что он был полуголый, но вслух сказать не решилась. С другой стороны, это было глупо. словно во сне, Келли снова пережила их жаркую интерлюдия, и по ее спине пробежала дрожь.

— Ты видел Дженкинса?

— Я даже не знаю, кто это. Повивальная бабка?

Глаза девушки угрожающе прищурились, образуя голубые щелки, таящие опасность. Мигель не искал столкновения, а потому шагнул вперед, примирительно подняв руки.

— Какая-то проблема?

— Проблема у Каприза.

— Каприза?

— У моей лошади.

— Понятно, — не придавая большого значения этому делу, Мигель направился к выходу. Лошадь была ему безразлична.

— Вы можете мне помочь? — Вопрос Келли остановил Мигеля на полпути. Не скрывая иронии, он взглянул на нее через плечо.

— Твой дядя сказал, чтобы ты нашла себе другого конюха. Это, должно быть, тот самый Дженкинс, который, кажется, куда-то подевался?

— Можешь засунуть свои издевки себе в!.. — взорвалась Келли, но передумала. Какого черта! Ей нужна была помощь, и Мигель — единственный, кто был у нее под рукой. На самом деле он всегда оказывался поблизости, когда у нее возникала проблема. — Ты разбираешься в лошадях или нет?

Мигель нагло пожирал ее своими драгоценно-зелеными глазами. Девушка была прекрасна, и у Мигеля начинала напрягаться определенная часть тела, о которой он не хотел даже вспоминать. Келли Колберт была слишком соблазнительным искушением, а он был не каменный. Попав под обаяние девушки, Мигель сдался.

— Ладно, — услышал он свои слова, попутно обвиняя себя в тупости, — поглядим, что случилось с животинной.

Келли решительно прошла мимо него, неся с собой аромат мяты, который он вдохнул как небесное благословение. Мигель едва удержался, чтобы не протянуть руку, обнять девушку за талию, прижать ее к своей груди и снова целовать ее губы. Он едва не... Мигель судорожно сглотнул и сжал кулаки. Он должен идти за ней, держась на некотором расстоянии, чтобы контролировать чувства и сдерживать напряжение. Ведь он уже не был испанским дворянином, наследником титулов и состояния — он был грязным, оборванным и потным рабом, скотским бесправным холопом, который ничего ни для кого не значит.

Каприз оказался чудесным, статным белоснежным жеребцом камаргарской породы с розовым носом и темно-синими глазами. Словом, жеребец был первоклассным. Согнув правую ногу, он потряхивал головой и нервно бил копытом землю.

Келли ласково и успокаивающе поглаживала и похлопывала коня, а Мигель послушно осматривал ногу. Он немного помедлил и не сразу сказал о проблеме.

— Великолепное животное, — сказал он, вставая.

— Правда? — Келли поцеловала жеребца в морду, а он в ответ толкнул ее в плечо. — Что с ним? Что-то серьезное?

— Осколок стекла впился в копыто.

— Ну так выгони его, — попросила Келли и снова ласково погладила жеребца по голове. — Вот видишь, Каприз, любимый мой, ничего страшного.

На щеках девушки появились ямочки, и Мигель, неожиданно почувствовавший возбуждение, использовал коня как ограждение. Он не хотел ни видеть Келли, ни слышать ее, ни чувствовать ее запах, он не хотел приближаться к ней... Вернее, это было не совсем так. Мигель ненавидел ее за то, что она была племянницей Колберта, проклятой англичанкой, но потребности его члена не вникали в тонкости территориальных границ.

— Ты можешь раздобыть мне что-нибудь острое?

— А именно?

— Нож, например.

Келли напряглась. Давать ли ему оружие? В своем ли он уме? Маленький кинжал, который она

всегда носила за подвязкой, жег ей кожу. Конечно, она носила с собой кинжал! Какая осторожная и предусмотрительная женщина не носила бы с собой нож в таком месте как Ямайка, да еще в такие времена?

Каприз все беспокойнее бил копытом, и Келли пользовалась этим, чтобы в свое удовольствие

наблюдать за испанцем, пока тот успокаивал лошадь. Девушка зажмурилась. Она пьянела, слушая мягкий баритон Мигеля, гортанно приговаривавший по-французски:

— Все хорошо, малыш. Все хорошо.

Сколько еще секретов должна она открыть в этом человеке? Она находила Мигеля неотразимым,

хотя на нем были одни только отвратительные штаны, и больше ничего. Смуглая, загорелая кожа мужчины была бархатистой на ощупь и блестела от пота. А его черные как бездонная пропасть волосы! А глаза, похожие на шотландские озера! И с Капризом он был ласков... Келли спрашивала себя, могла ли эта огрубевшая от нужды и непосильного труда рука быть нежной в интимной близости, и тут же отвечала — да, могла. Разве не чувствовала она ее нежность на своей коже? Да, чувствовала, но только частично.

Порыв дать нож Мигелю был очень сильным, но и опасливая осторожность была не меньшей. Кто

даст гарантию, что он не воспользуется ножом, чтобы перерезать ей горло и сбежать?.. Печальное ржание лошади прогнало прочь все ее сомнения.

— Отвернись.

— Простите? — Мигель посмотрел на Келли.

— Отвернись. Я всегда ношу с собой маленький кинжал.

— Но где?

— Не твое дело, где! — резко ответила Келли, стараясь сдержать свое смущение. — Отвернись!

Значит, эта английская проныра таскает с собой нож? Вот так открытие! Да, она была настоящей

коробочкой сюрпризов. Чтобы чуточку подстегнуть Келли, Мигель гаденько ухмыльнулся и обронил:

— Надо же! На днях я этого не заметил. — Он с наслаждением наблюдал, как от смущения щеки

девушки приобретали цвет переспелого персика, но Келли не спасовала.

— На днях я не брала с собой нож, испанец, а сегодня взяла, — с достоинством сказала она, и

добавила с вызовом, — и, уверяю тебя, я отлично знаю, как им пользоваться.

— Правда? — на этот раз Мигель от души расхохотался, не сумев сдержать смех, да и не желая

этого делать.

Видя столь бурную реакцию, Келли лишилась разума. Этот чертов весельчак был крайне

привлекательным, и если бы не ее осторожность, она явно переоценила бы его. Мигель протянул руку, и Келли отступила.

— Ладно, обещаю использовать нож только для того, чтобы вытащить осколок стекла из ноги жеребца. Ну что, ты довольна?

— Не знаю, верить ли тебе.

— Ради всего святого, барышня! Я не могу находиться здесь всю ночь. Разве ты не знаешь, что в этом проклятом поместье для рабов существует комендантский час?

От напоминания Мигеля Келли смутилась, он был прав. Когда она попросила его осмотреть лошадь, Мигель бросил свою работу, которую, несмотря на усталость, должен был закончить. Келли часто видела и знала, что если раб приходил в свою хижину после наступления комендантского часа, его пороли плетями. А тут еще она со своими проблемами вела себя, как глупая девчонка. И Келли решилась.

— Хорошо, я тебе верю. Только отвернись.

— Вот дерьмо! — сквозь зубы пробормотал Мигель, но к радости Келли поступил как истинный дворянин, каковым он и являлся.

Минуту спустя, в руках у Мигеля уже был нож. От удивления брови мужчины поползли вверх — настолько крошечным был кинжальчик. Неужели эта голубоглазая тигрица и вправду думала, что этим ножичком она сможет разубедить кого бы то ни было нападать на нее? Мигель вздохнул и начал вытаскивать стекло из конского копыта, а Келли принялась успокаивать Каприза ласками и поцелуями. Покончив со стеклом, Мигель вытер нож о свои штаны и отдал его Келли.

— Можешь снова засовывать его за подвязку.

— А-а-а...

— Знаешь, принцесса, — посмеиваясь, сказал Мигель, — у меня на родине женщины прячут кинжалы там же, только прячут они настоящие ножи, а не игрушку. Что происходит с англичанками? Вы даже защитить себя не можете.

— Еще как можем! — рассердилась Келли, раззадоренная его насмешливой уловкой.

— Вот этим?

— Да, этим!

— Сильно сомневаюсь, что Вы в состоянии апельсин разрезать такой игрушечкой, миледи.

— Не только апельсин, но и шею наглеца, если представится случай! — раздраженно выпалила Келли. Желчная ирония испанца доводила ее до белого каления.

“Господи, как она красива, когда злится!” — подумал Мигель. Ему нравились непокорные

личности, и племянница Колберта, само собой, входила в их число. Ее сапфировые глаза вызывающе сверкали, небольшая, высокая грудь поднималась и опускалась в такт учащенному дыханию, а ее губы... О, боже, ее губы! Она так очаровательно хмурилась, что Мигеля властно тянуло к ней. С угрюмым выражением лица он резко шагнул вперед.

Келли тут же попятилась. Изумрудно-зеленые глаза испанца напряженно рыскали по телу

девушки, словно глаза дикого зверя, сидящего в засаде. Подумай Келли убежать отсюда, это было бы тщетно — ее ноги отказывались двигаться. Мигель схватил ее за руку, притянул к себе и прижал к груди. Глазами они бросали вызов друг другу, в то же время задавая немой вопрос, но прежде чем Келли успела что-нибудь сделать, Мигель наклонил голову и его губы

зажали ей рот.

Лава расплавленного огня пробежала по ее жилам, смывая остатки здравого смысла. Как во сне

она приоткрыла свои жаждущие, алчные губы, и маленький кинжальчик безвольно повис в ее руке. Последней мыслью Келли было воспользоваться им.

Сжав девушку в объятиях, Мигель с наслаждением мял ее тело. Казалось, они были не прочь

соединиться, но это безумное желание и необдуманные действия длились всего лишь миг. Держа Келли за плечи, Мигель с трудом отстранился от нее. Он затравленно посмотрел на девушку, точно хотел ее сожрать. Эти секунды были для Келли целой вечностью.

Потом, кляня самого себя, Мигель отвернулся, чтобы не видеть страстное желание в ее зрачках.

Успокоившись, он снова посмотрел в глаза Келли, выхватил из ее руки нож и, прежде чем девушка успела возразить, задрал ей подол, сунул нож за подвязку, прижав его к разгоряченному телу, и одним махом опустил юбку.

— Если хочешь быть в безопасности, миледи... позаботься о том, чтобы наши пути больше не

пересекались, — предостерег девушку Мигель.

Келли осталась на месте, не зная, что делать, и что сказать. Когда к ней вернулся разум, и она

осталась одна, Келли зажала рот рукой и подавила всхлип. Она дала себе слово твердо следовать совету испанца.

Диего де Торрес, казалось, уже смирился, что рабство и непосильный труд составляют часть его жизни. Все дни он проводил, почти ни с кем не разговаривая, и Мигель начал всерьез беспокоиться за брата. В душе Мигеля продолжали гнездиться жажда свободы и ненависть к поработителям. Подвернись подходящий случай, и он сумеет сбежать вместе с братом, но если Диего замкнется, погрязнув в своей апатии, то ничего не выйдет, а о том, чтобы бросить брата и сбежать одному, Мигель даже не думал.

Он винил себя в том, что не смог защитить Карлоту и спасти Диего от этой позорной новой жизни. Мигель всегда был для младшего брата своего рода телохранителем. Он следил, чтобы тот не ввязался в какие-нибудь проблемы, или же вытаскивал его из этих самых проблем, а вот теперь не мог. Мигель до одури твердил себе, что был бессилен против моргановских пиратов, но боль от этого не утихала.

Мигель не догадывался, но Диего был весьма далек от смирения. Ради брата он держал в себе свою ненависть и жажду мести, боясь, что того накажут, но рано или поздно стакан переполняется, и вода выливается через край. Постоянные унижения, наказания, презрение, полный произвол и страх, написанный на лице каждого раба... все это порождало в юноше безнадежность.

Несколько дней назад их направили на расчистку и ремонт удаленной от плантации дороги на юге острова. Они слышали разговоры надсмотрщиков, что эта дорога сберегала много времени при транспортировке товаров в порт, однако, поездки по ней были нелегким делом. В том районе не было ни полей, ни кустарниковых зарослей, как на западных участках. Вдоль берега там тянулся настоящий тропический лес.

В первые дни тамошняя работа оказалась для рабов поистине губительной. Подгоняемые плетями своих надзирателей, они ножами прорубали просеки. Впредь, вероятно, работать будет легче, хотя Мигель был уверен, что к тому времени Колберт придумает для него с братом какую-нибудь другую работенку, чтобы загнать их до смерти. Он старался сгубить их работой и даже не скрывал этого, так же как его сын не скрывал своего пристрастия к подневольным негритянкам и мулаткам. Именно эта тяга к рабыням породила последующие события, обернувшиеся трагедией для Диего.

С самого начала дорожных работ Эдгар Колберт лично следил за каждой пядью отвоеванной у леса земли, развлекаясь тем, что время от времени цеплялся к какой-нибудь молоденькой невольнице, раздающей рабам воду и еду. Одной из таких милых темнокожих девчушек по имени Поэбе, на которую он положил глаз, едва исполнилось тринадцать. Она была рождена в неволе. Колберт купил ее несколько месяцев назад. Девчушка всегда старалась проскользнуть так, чтобы хозяин ее не заметил, но ястребиные глаза сластолюбца не отрывались от ее начавших формироваться женских округлостей. Несмотря на свой юный возраст, Поэбе была стройненькой и довольно статной, в силу чего представляла интерес для англичанина, развратного и похотливого борова. Эдгар подзывал ее, просил воды и бессовестно лапал. От таких тисканий девчушку бросало в жар, она быстро подавала воду и поспешно отходила.

Как-то уже ближе к вечеру Эдгар напился больше обычного. Он пил, не просыхая, с самого рассвета. На днях он крупно проигрался в порт-ройальском борделе, и теперь заливал свое горе. Его личные телохранители поговаривали, что сумма долга была столь

значительна, что старик Колберт сдерет с сына шкуру, если ему придется его оплатить.

Одним словом, в этот злополучный вечер, Поэбе стала центром внимания младшего Колберта. Потеряв интерес к работе рабов и развалившись на валуне возле крутого обрыва, Эдгар подозвал к себе девушку. Поэбе с готовностью подбежала к хозяину и подала воду в оловянной кружке.

— Оставь кувшин.

— Господин, — ответила девушка, опустив глаза, — я еще должна раздать воду остальным рубщикам.

— Поставь кувшин, я сказал, — Не осмеливаясь поднять на хозяина взгляд и вся дрожа, Поэбе выполнила приказ. — Снимай рубашку.

Черные миндалевидные глаза девушки широко раскрылись от страха. От других девушек она знала, как обращается с ними хозяин, когда увлекается какой-нибудь из них. Они рассказывали, что в постели он — чистая скотина, особенно когда пьян. Поэбе была девственницей и не могла скрывать своего отвращения, но именно это распалило англичанина.

— Пожалуйста, хозяин, пожалуйста... — Эдгар, не спеша, встал, и его рост внушал ужас. Поэбе отступила на шаг назад, но в ответ он лишь с безжалостным равнодушием презрительно скривил рот. Неожиданно он поднял руку и с силой ударил девочку по лицу. Поэбе упала навзничь и закричала от боли.

— Делай сейчас же, что велят, грязная черномазая сучка!

Находившиеся поблизости рабы несколько секунд молча взирали на них, а потом равнодушно продолжили свое дело, ни во что не вмешиваясь. Что они могли сделать, чтобы помешать, если сами боялись стать жертвами? Если хозяин увлекся девушкой, он заполучит ее в любом случае. Любое их вмешательство лишь повлечет за собой наказание или смерть.

Вот только Диего думал иначе. Вдали от Мигеля он вместе с другими мужчинами выкорчевывал огромный пень только что срубленной пальмы. Диего видел грязные домогательства Колберта, и по его телу пробежал болезненный жар, а руки крепче ухватили жердь, служившую ему ломом.

— Почему бы вам не оставить девушку в покое?

При этих словах даже надсмотрщики на несколько секунд перестали дышать. Эдгар потерял к девушке всякий интерес, и его бешеные глаза с яростью уставились на испанца.

— Может, ты хочешь занять ее место? — с вызывающей издевкой спросил Колберт. Тишина нарушилась, атмосфера все больше накалялась — все предвидели грядущий взрыв.

Диего терпел уже слишком долго, и в его измученной душе вспыхнул фитиль, воспламенивший порох. Под напором накопленных за все время оскорблений и унижений, Диего бросился к Колберту, замахнувшись на него жердиной. Увидев нависшую над ним угрозу, Колберт нырнул в сторону, уклоняясь от удара, и упал на землю. Сила инерции вынесла Диего на край невысокого обрыва, под которым бились о берег волны. Лежа на земле, Эдгар выхватил из кобуры пистолет, который он всегда носил с собой и выстрелил.

Звук выстрела тревожным эхом разнесся окрест, привлекая всеобщее внимание. Мигель выпрямился и посмотрел в ту сторону, откуда раздался грохот. Кровь застыла в его жилах, когда он увидел, как брат, выронив жердь, схватился руками за живот.

— Дие-е-го-о-о!!!

Диего услышал тревожно-тоскливый вопль брата, повернул голову и посмотрел на него с легкой

улыбкой, словно только что обрел покой. Его смуглое, загорелое лицо выражало умиротворение. А потом, когда Мигель уже, сломя голову, мчался к нему, глаза Диего затуманились, тело дернулось, завалилось назад и полетело в пустоту. Когда Мигель подбежал к краю обрыва, тело брата уже исчезло, и единственное, что он смог разглядеть, это бьющиеся о скалы пенные волны.

Если смерть Карлоты давила на Мигеля, приводя его в ярость, то жестокое убийство младшего

брата превратило его в зверя. Проворным хищником метнулся он к Колберту, и его цепкие пальцы, как когти, впились в шею англичанина, намертво обхватив ее. Мигель ничего не слышал, кроме бешеного стука крови в висках и внутреннего голоса, твердившего: “Убей, убей его, убей!..”

Даже удары ружейных прикладов не могли оторвать Мигеля от горла Эдгара, который уже начинал

задышаться и синеть. Он размахивал руками, силясь ослабить крепкую хватку испанца и освободиться. Град ударов все же смирил Мигеля, для которого не существовало физической боли; его боль была иной — яростная и ужасающая, она разрывала душу.

— Свяжите его! — прорычал Эдгар, стараясь отдышаться и массируя себе шею. — Свяжите этого

ублюдка!

Мигеля подняли, заломили руки за спину и крепко связали запястья. Он дрался, как сумасшедший,

отбиваясь ногами и матерясь, но вмиг осмелевший теперь Эдгар ударил его кулаком в живот, и Мигель, открыв от боли рот, рухнул на колени. Он чувствовал, как его бьют по ребрам, а взгляд затуманивается под градом ударов по измученному телу. Прежде чем окончательно потерять сознание, Мигель услышал:

— Ах ты, сукин сын! Ты мне дорого за это заплатишь, проклятый испанец!

Колберт приказал рабам прекратить работу и садиться в телегу, чтобы вернуться в поместье. Те

послушно выполнили приказ, отлично зная, что будет потом, и сокрушаясь об участи, постигшей испанца. Все были уверены, что Эдгар Колберт повесит этого парня.

Однако намерения молодого хозяина были вовсе не такими. Ему было недостаточно просто

вздернуть этого дьявола с изумрудно-зелеными глазами на веревке. Ничего подобного! Ему нужно было получить с лихвой — сначала заставить Мигеля выть и просить пощады, и только потом повесить с позволения отца... или без него.

Келли собиралась на ежедневную верховую прогулку. Ее удивило, что часть рабов вернулась

домой раньше времени. Это было очень необычно, и девушка решила повременить с прогулкой.

Телега с теснившимися на ней людьми остановилась на площадке. Увидев слезающих с нее рабов,

Келли натянула поводья Каприза и направилась к ним. Двое из рабов стаскивали с телеги третьего, находившегося в ужасном состоянии. Как только его отпустили, он упал на колени, а потом повалился ничком. Келли застонала, узнав в нем испанца; сердце девушки

едва билось. Он с трудом удерживал сознание, и Келли поняла, что его зверски избили. Ни дядя, ни Эдгар не отличались состраданием к своим рабам, но они старались не слишком портить то, что называли товаром, ведь, в конечном счете, это были деньги. Однако они почему-то издевались над Мигелем. С тревогой в сердце Келли подъехала к одному из надсмотрщиков, между тем как кузен направил коня к дому. Отупевший от пьянства, с красными прожилками на щеках, выделявшимися больше обычного, Эдгар даже не заметил ее.

— Что случилось?

Тот тип, к которому подъехала Келли, снял сомбреро и почтительно наклонил голову.

— Он пытался убить хозяина.

Глаза Келли едва не вылезли из орбит. Он что, совсем свихнулся? Келли запаниковала, потому

что очень хорошо знала брата, и понимала, что все это могло закончиться трагедией. Не решаясь приближаться к раненому, она попыталась издали определить его состояние, и столкнулась с парой глаз, излучающих ненависть. Губы Мигеля кривились, выражая безграничное презрение. Девушка размышляла, как избежать неминуемого. Она спешила и протянула поводья одному из негров, велев ему отвести лошадь обратно в конюшню.

Испанец, упрямый, как всегда, попытался встать на ноги, морщась от боли. Келли шагнула к нему,

но надсмотрщик преградил ей путь.

— Сеньорита Келли, я бы на вашем месте не вмешивался. Ваш брат очень зол и способен на все, —

предостерег он.

В эту минуту безумство Эдгара не имело для Келли ни малейшего значения. Глядя на бледного,

избитого Мигеля с окровавленными губами, синяками на скуле и заплывшим, едва приоткрытым правым глазом, она чувствовала себя так, будто ей в грудь всадили нож. Возможно, ему отбили все нутро, потому что дышал он открытым ртом и с большим трудом. Келли негодовала на своих порочных и жестоких родственников, но к ее раздражению примешивалась жалость к пленнику.

— Отойди! — властно прошипела она надсмотрщику. Тот пребывал в нерешительности. Со времени

приезда в “Подающую надежды”, девушка часто вмешивалась в его работу, заступаясь за это отребье, работающее в полях, но она была племянницей хозяина, и ему приходилось подчиняться, выполняя ее приказы. Вот и на этот раз он предусмотрительно отступил в сторону, но девушке не удалось шагнуть вперед, потому что она услышала грозный окрик, раздавшийся за спиной и приковавший ее к земле.

— Привяжите его к столбу!

Келли обернулась — к ней подходил ее кузен с кожаным кнутом в руке. Келли угадала намерения Колберта. До них долетели стоны Мигеля, которого волокли к столбу. Сглотнув, девушка попыталась встать перед братом, но Эдгар грубо оттолкнул ее, так что она едва не упала. От ярости он сошел с ума и теперь сгорал от безудержной жажды реванша, и Келли не на шутку испугалась за жизнь испанца.

— Что ты собираешься делать?

Эдгар, казалось, только теперь обратил внимание на сестру. Он внимательно посмотрел

на нее и

скривился, поудобнее перехватив пальцами кнутовище. Он не мог притворяться и скрывать свое бешенство. Его ноздри раздувались так, словно ему было трудно дышать, и он искал воздух.

— Отойди, Келли, и держись в стороне, — угрожающе приказал он.

Надсмотрщики уже привязывали Мигеля к столбу. Глаза девушки беспокойно перебегали с

садицкого лица Эдгара к пленнику. Ее сердце бешено заколотилось; в ней вспыхнул дух бунтарства и изгнал страх, вызванный звериной свирепостью брата. Келли, не отрываясь, смотрела на Мигеля. В униженной позе, привязанный за руки и за ноги к столбу, он казался ей сейчас беззащитней, чем когда бы то ни было. Но и высокомернее тоже. Она видела его сжатые кулаки, напрягшееся тело и лихорадочный взгляд, устремленный на Эдгара. Келли трясло от властного порыва подбежать к нему.

Брат запрыгнул на помост, где находился пленник. Колберт буквально дрожал от еле сдерживаемой

ярости. Без всякого предупреждения, он нанес первый удар, и тело Мигеля произвольно дернулось от полоснувшего по спине ременного кнута.

В толпе напуганных хозяйской дикостью рабов, наблюдавших за истязанием, раздавалось

приглушенное невнятное бормотание. Келли до крови искусала себе губы. Из ее груди вырвался тоскливый стон, и она снова бросилась к брату, чтобы остановить второй удар кнута.

— Ради бога, Эдгар!.. — взмолилась она. — Не делай...

Грубый толчок заставил ее отступить, и Келли упала на колени. Тут же два раба помогли ей

подняться, но брань брата парализовала ее.

— Я разорву на части этого скота! — пролаял он. — И когда покончу с ним, он даже на корм зверям не

подойдет... Так что предупреждаю, Келли... Прочь с моей дороги!

При новом щелчке кнута Келли снова вздрогнула. На спине испанца появилась еще одна алая

полоса. Удар заставил Мигеля скользнуть по деревянному столбу, к которому он был привязан. Келли больше не думала об этом. В голове вилась всего одна мысль, ставшая целью — остановить это безумие. Она бросилась к ближайшему надсмотрщику,хватила у него пистолет и сжала его обеими руками. Упиваясь зрелищем наказания, мужчина не сразу это понял. Он попытался, было, отнять оружие, но Келли решительно прицелилась прямо в его напрягшееся тело:

— Стой или я тебя убью! — выкрикнула она, и тот предусмотрительно попятился назад, обмениваясь

понимающими взглядами с Эдгаром, снова переключившим свое внимание на Келли. С бьющимся где-то в горле сердцем, Келли бросала брату вызов, а пистолет дрожал в ее руках. Девушка посильнее сжала оружие, боясь, чтобы оно не выскользнуло из рук, и пошла к ненавистному родственнику, к которому всей своей душой питала отвращение.

— Отойди от него!

Колберт оцепенел. Эта сучка перед всеми рабами осмелилась бросить вызов его власти?

Неужели

она сделала это на самом деле?

— Ты сама не понимаешь, во что лезешь, Келли, — сплюнул Колберт, не выпуская кнута из рук.

— А ты не понимаешь, чем рискуешь. Я ведь могу прострелить тебе голову! — ответила она,

стараясь казаться твердой, хотя и боялась. — Отойди от него, Эдгар, или я за себя не отвечаю!

Этого короткого спора хватило, чтобы надсмотрщик бросился к Келли и после недолгой борьбы

вернул себе пистолет. Келли поносила его самыми ужасными словами, какие только знала, но она была разоружена. Брат без всякого сострадания скорчил Келли веселую рожу, которая лишь сильнее огорчила ее.

Потеряв всякий интерес к Келли, Эдгар с еще большим ожесточением принялся за порку. Его мало

заботило, что Келли была свидетельницей наказания. Как говорится, оно и к лучшему, потому что если эта шлюшка питает к испанцу какие-то чувства, как ему показалось, то когда он покончит с этим ублюдком, сестрица увидит, что от него ничего не осталось, кроме куска мяса, висящего на дереве.

Девушка начинала сходить с ума, и в отчаянии бросилась к дому, сдерживая рыдания и чувство

вины. Ей было отвратительно сознавать, что в ее жилах течет та же кровь, что и у этого лютого извращенца. Она истово молилась, чтобы испанцу удалось избежать верной смерти.

Эта порка должна была стать образцом наказания, и Колберт порол Мигеля с небывалой жестокостью. Всякий раз, когда ременный кнут истязал плоть испанца, губы Эдгара растягивались в довольной улыбке. Ему хотелось показать всем, кто в поместье повелевает, а то в последнее время надсмотрщики начинали оспаривать кое-какие его приказы в силу его конфликта с отцом из-за игровых долгов. Нужно было получить сполна за все оскорбления, и снова, как раньше, иметь полный кошелек, когда определенная информация наполняла его карманы, и не зависеть вечно от жалкой подачи своего родителя. Эдгар был его наследником, и когда-нибудь эти земли станут принадлежать ему, а вместе с ними и все рабы. Да-да, когда-нибудь, — и этот день не за горами, мысленно приговаривал он, продолжая махать кнутом. Старик всегда отодвигал его назад. С самой колыбели его любимчиком был покойный ныне брат. Итак, брат погиб, а он уже устал быть псом, побитым могуществом Себастьяна Колберта. Чем раньше окочурится старый тиран, тем будет лучше. Тогда он станет безраздельным владыкой — куда хочу, туда и ворочу. Месть, что испытывала на себе спина испанца, была лишь малой толикой той жажды мести, которую Эдгар питал к отцу.

Мигель переносил наказание с самоубийственным стоицизмом. После десятого удара боль становилась все невыносимее, а удары не заканчивались, но Мигель сознавал лишь одно — Диего погиб — и он винил себя за то, что продолжает жить.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Мигель старался не думать о мучениях, чтобы убежать от них. Он монотонно и хладнокровно

считал каждый удар. Одиннадцать... Двенадцать... Тринадцать... Колберт без устали бил и бил его. Потом Мигель перестал считать, потому что разум его туманился, а исполованное тело вздрагивало с каждым ударом и слабело с каждой секундой.

Двадцать? Двадцать пять? Для Мигеля это было не так важно. Если Колберт и дальше продолжит

свою порку, то совсем скоро неважным станет вообще всё, потому что он присоединится к Диего, где бы тот ни находился.

Двадцать шесть? Двадцать семь? А может, тридцать?.. Неожиданно ад, превративший его спину в

сплошную кровавую кашу, прекратился. Мигель пожелал, чтобы Колберт закончил порку и тут же повесил бы его ко всем чертям.

Вспотевший и побагровевший от усилий Эдгар тяжело сопел. Задыхаясь от ярости, он заметил,

что за время всего наказания пленник не издал ни звука.

— Я заставлю тебя умолять, скотина, — пропыхтел он, — заставлю.

Он не получит удовлетворения до тех пор, пока не услышит крик. Из какого теста был сделан этот

выродок, раз перенес порку без единого стога? Другой на его месте орал бы или потерял сознание. Продолжить наказание Эдгар считал делом личной чести. Он убьет мерзавца, но позже. Отдышавшись, Колберт обрушил на Мигеля новый удар.

Мигель не был к этому готов. Он тяжело вздохнул, и его колени подломились. Ад продолжается,

подумал он, с трудом выпрямляясь и готовясь перенести надвигающуюся пытку. Нет, он не доставит Колберту удовольствия, прося пощады. Но следующего удара не последовало. Сквозь густую пелену мучительного тумана он расслышал гневный приказ Себастьяна:

— Эдгар, прекрати сейчас же!

Багровый от злости хозяин поместья бежал по пятам вслед за Келли. Девушка вскрикнула и тут же

прикрыла рот, заглушая крик, а Себастьян вырвал кнут из рук сына.

— Он — мой, отец! — молодой Колберт шагнул навстречу отцу, бросая ему вызов. —

Он пытался меня

убить!

— В этом поместье нет ничего твоего, мальчишка, — веско ответил отец. — И этот раб тоже не твой!

Он стоил мне нескольких добрых фунтов, и я не собираюсь допустить его смерти по твоей прихоти.

— Проклятье! Ты не можешь помешать мне! Я же сказал, что он пытался меня убить!

— До сих пор мне на него не жаловались. Ты считаешь меня дураком, щенок? Почему он рисковал

своей шеей, напав на тебя?

На мгновение Эдгар смутился.

— Я убил его брата, — наконец, признался он.

Все, без исключения, знали, что для Себастьяна Колберта два купленных им испанца представляли интерес лишь в одном — он хотел отомстить им за смерть старшего сына, намереваясь убить их не сразу, а постепенно. Убив одного из них, Эдгар частично обрубил задуманную им месть. Мало того, теперь он собирался прикончить второго.

Себастьян подошел к сыну и секунду рассматривал его, а затем ударил его кнутовищем прямо по

лицу. Эдгар отшатнулся, побледнев от мучительного прилюдного оскорбления. Он провел по лицу рукой, стирая кровь. Открытая ранка на щеке саднила, но это было ничто по сравнению с испытанным им унижением.

— Ты — жалкое ничтожество, которое ничему не научилось! — в голосе Колберта проскальзывал

гнев. — С самого рождения ты доставлял мне одни проблемы, будь ты проклят! Это ты должен был умереть на месте брата.

— Отец...

— Заткнись, и хорошенько выслушай меня! — прервал сына Себастьян. — Это мой раб так же, как и

его брат был моим рабом. Всё, абсолютно всё, в этих владениях принадлежит мне, и перед богом клянусь, если он умрет — Колберт дрожащим пальцем ткнул в Мигеля — я выблюю его цену из твоих костей. Снимите его оттуда, к чертовой матери! — приказал он надсмотрщикам, уже спешившим на помощь Келли, которая была далека от упреков, и, еле сдерживая слезы, пыталась развязать пленника.

Себастьян в последний раз метнул разъяренный взгляд на сына, швырнул на землю извивающийся

змеей кнут и вернулся в дом своей характерной раскачивающейся походкой. Эдгар сглотнул ядовитую желчь, пристально глядя в спину отцу и горячо желая видеть его мертвым. Нужно покончить с ним, как можно раньше, убрать его с дороги. Этот сукин сын возомнил себя властелином мира, но Эдгар еще покажет ему, что никакой он не властелин. Не сегодня — завтра он поедет верхом, и с ним произойдет несчастный случай, уж это он возьмет на себя — Эдгар провел рукой по ране на щеке и подошел к Келли. Он вцепился ей в плечо железной хваткой и бесцеремонно встряхнул.

— Больше никогда не вставай на моем пути, сестренка, — угрожающе прошипел Эдгар. — Никогда, слышишь?

— Лучше ты никогда не приближайся к моему, милый братец, потому что, клянусь, мне не составит

труда выпустить пулю в твои кишки, если подвернется случай, — ничуть не страшась, громко ответила Келли, слыша бушующий огонь в ушах. — Меня тошнит от тебя!

Эдгар не ожидал столь категоричного ответа. Эта ведьма боролась с ним на равных, и это смутило

его. Могла ли она?.. Да, могла бы, подумал он, глядя в ее огромные голубые глаза, выражающие полное презрение. Ни капли не боясь, она бросала ему вызов прямо перед его мужчинами, которые растерянно старались отвести взгляд, смущенные их стычкой.

Внешне, Келли была готова ко всему, но внутри она дрожала, молясь, чтобы Эдгар не учуял ее

страх. Она сдерживала дыхание и оставалась твердой до тех пор, пока Эдгар не развернулся и не пошел прочь. Когда все закончилось, у нее чуть не подкосились колени. Никогда еще она не видела лицо смерти так близко, и теперь была уверена, что брат никогда не забудет эту обиду, впрочем, Келли тут же потеряла к брату интерес и сосредоточилась на Мигеле.

Она продолжала оказывать ему помощь, когда один из негров остановил ее и отрицательно качнул

головой. Какая-то усердная негритянка подошла к ней и сказала:

— Не беспокойтесь, мамзель, мы позаботимся о нем.

— Если вам что-нибудь нужно... какая-нибудь вещь... — Келли сдерживала желание разрыдаться,

глядя, как они тащат это истерзанное тело, лишенное сознания.

Мы позаботимся о нем, сеньорита, — повторила негритянка.

Побережье Мартиники. 1669 год

В кают-компании фрегата “Миссионер”, бороздившего моря под французским флагом, собрались на совещание Франсуа Бульян и капитаны остальных четырех судов небольшой флотилии. Никто не должен был знать, о чем шел разговор за стенами каюты, и потому экипаж судна получил позволение высадиться на землю. Лишь особо доверенные люди несли охрану снаружи.

Франсуа Бульян был молод, но опыта ему было не занимать, и все прочие прислушивались к нему. Ему было тридцать лет, но с длинными, слегка взлохмаченными, светлыми волосами и ясными зелеными глазами, он не выглядел на свои годы. По внешнему виду и предположить было нельзя, чтобы он командовал флотилией, но в морских кругах он заработал определенный авторитет удачными и своевременными решениями в трудные моменты.

Откинувшись назад, он по очереди оглядывал суровые лица остальных собравшихся в каюте людей. Много раз он сражался рука об руку с этими мужчинами, некоторые из них ради него рисковали жизнью, и за многих из них он отдал бы правую руку. Глядя на них, Бульян думал, что они были славной командой. Эти ребята придавали ему смелости, чтобы планировать и совершать набеги на суда. Они посвятили свою жизнь пиратству, и эти набеги приносили им немалую прибыль.

Все они занимались этим открыто, не скрывая того, что делали, и, не прикрываясь бумагами и печатями какого-либо королевского двора. Им не было нужды поддерживать какую-либо державную власть, они сами были державой и властью. Состоять на службе какого-либо двора, будь он английский, французский, испанский, португальский или голландский, означало бы делиться с ним своими трофеями, а так у них был свой закон, своя индивидуальность, и этим все заканчивалось. С восьми лет, едва научившись сморкаться, но мастерски владея саблей, Франсуа сделал пиратство образом своей жизни.

Его забавляло, если кто-то говорил, что он был всего-навсего зачуханным пиратом. Он никогда не притворялся и не скрывал свою сущность, называя себя корсаром или флибустьером, каковым не являлся. Не делали этого и люди, слушавшие сейчас его слова. Это верно, они поднимали французский стяг, потому что большинство членов экипажа были французами, но это было всего лишь видимой данью традициям и не подразумевало договор с правительством.

Воспоминания о родной земле давно быльем поросли. Своей отчизне он ничего не должен. Бульян уехал из Франции тысячу лет назад и научился у морских людей ремеслу грабежа. Он был прилежным учеником.

— Ну что же, господа, с датой все согласны? — спросил Бульян, позволяя присутствующим принять свое решение.

Трое подчиненных беспокойно зашевелились, а четвертый даже глазом не моргнул.

Депардье, угрюмый здоровяк, обычно отвечал за всех. Ничуть не сомневаясь, ответил он и в этот раз, пробурчав:

— Как пожелаете.

Бульян кивнул и поднялся, заканчивая встречу. Он видел, что остальным не терпится

спуститься на землю, чтобы присоединиться к своим экипажам, и он их понимал. После четырех долгих месяцев тяжелого труда, они заслужили отдых. Им удалось славно пожить, и пришло время потратить часть туго набитых добром мешков, добытых усилиями и кровью.

Капитан “Миссионера” подождал, когда все уйдут и повернулся к единственному человеку, который сопровождал его и днем, и ночью. Пьер Леду был на год моложе. У Пьера были такие же светлые и длинные волосы, как у него самого, да и фигурой они были схожи. Они могли бы даже сойти за братьев, не будь глаза Леду голубыми.

— Ладно, что ты думаешь? — спросил Франсуа Пьера.

— Это чертовски опасно, — пожал тот плечами.

— Я не люблю рисковать, Пьер.

— Так я и думал, — усмехнулся его товарищ, усаживаясь на стул и, не разуваясь, закинул ноги на стол, где еще лежали карты, разные документы и секстант. Прежде чем ответить, он налил себе стакан крепкого рома и осушил его одним глотком. Выдохнув, он приоткрыл глаза, чтобы взглянуть на своего друга и капитана. — Сдается мне, этот чертов Депардьё не очень-то согласен, хотя и принял все же твое предложение.

Франсуа неразборчиво пробурчал что-то сквозь зубы.

— Не нравится мне все это, Пьер.

— Что не нравится?

— Иметь паршивую овцу среди наших людей. Я давно приглядываюсь к Депардьё, и кажется мне, что он ищет, как бы ему освободиться.

— Мы могли бы найти столько капитанов, готовых присоединиться к нашему флоту, сколько рыбы в море.

— Знаю, но не потеря корабля меня тревожит, а то, что Депардьё может превратиться в соперника. Двум флотам в одном море тесно, и ты это знаешь.

Пьер неопределенно махнул рукой. Он понимал тревогу капитана, и что он имел в виду. Если Депардьё решил покинуть пиратский флот и сражаться в тех же морях, то возникнут разногласия и стычки. Все капитаны флотилии и каждый по-отдельности “рыбачат” на свой страх и риск, но, если того требовала добыча, они всегда присоединялись к “Миссионеру”, безропотно вставая под начало Бульяна. Пока они сохраняли свою независимость, но Пьер считал, что Адриен Депардьё может набрать свой собственный флот. Он находил его человеком эгоистичным, хотя до сих пор Депардьё всегда со всем соглашался. Помолчав с минуту, Пьер хитро ухмыльнулся и изрек:

— Тогда убей его. Протащи его под килем. [*прим: Таково было традиционное наказание для провинившегося моряка — его привязывали к веревке и бросали за борт с одной стороны судна, а вытаскивали с другой, протащив таким образом под килем судна*]

— Не мели ерунду!

— Почему ерунду? Когда есть проблема, лучше ее устранить.

— Пока нам нужно, чтобы он был на нашей стороне.

— Убей его, — повторил Пьер, убирая ноги со стола и вытягивая их вперед, чтобы облокотиться на колени. — Я могу взять это на себя. Мне будет нетрудно сунуть ему кинжал в ребра, пока он будет скакать верхом на какой-нибудь шлюхе.

Бульян искоса взглянул на Пьера и усмехнулся:

— Ты мог бы убить его в разгар боя.

— Можешь в том поклясться, — усмехнулся Пьер, и на его щеках образовались ямочки,

сводящие женщин с ума.

Франсуа вышагивал по каюте со сцепленными за спиной руками, поглядывая в иллюминатор. В порту царило оживление, и огни борделей начинали светиться.

— Дай мне подумать, дружище. Возможно, на днях, я сам с этим управлюсь. А теперь, скажи мне, что ты думаешь о Порт-Ройале?

Пьер налил себе второй стакан и пригляделся к капитану, прежде чем ответить.

— Этот порт — крепкий орешек.

— И хорошо защищен.

— И в нем полным-полно англичан, — язвительно заметил Пьер.

Франсуа снова нахмурил брови.

— Да, полным-полно англичан, — пробормотал он, — и мы с тобой не слишком-то жалуем их.

Собеседник бросил быстрый взгляд на бутылку, но забыл о ней. Он нашел на карте, которую они изучали, искомое место и ткнул в него указательным пальцем.

— Ты уверен, что хочешь напасть на них?

— Это наиболее подходящее место. Ты так не считаешь? Остальные, вроде, тоже согласны.

Пьер снова сосредоточился на карте.

— Где-то на юго-западе? — гнул свое Пьер и отрицательно мотнул головой.

— Ямайка — довольно гористый остров. Мы уже были там когда-то. Бросим якоря в маленькой бухточке, переберемся через горы и нападём на них, а в это время наши корабли окружат остров и будут ждать нас у Порт-Ройала. Никто и не узнает о нашем присутствии, пока не будет слишком поздно.

— Нет, даже не убеждай меня, Франсуа. Я голосую за то, чтобы напасть прямо на Порт-Ройал, ночью, когда никто не ждет, что наши пушки могут нарушить спокойствие их благословенного порта. Мы нападём внезапно и захватим его. Добыча будет внушительной, тем более после того, как Морган спустил там помаленьку золотишко, украденное в Маракайбо.

Бульян улыбнулся такому решению. Пьер понравился ему с самой первой минуты своей прямолинейностью. Если он атаковал, то делал это в лоб. Если должен был с кем-то драться, то чем раньше, тем лучше. Если нужно было покорить женщину, то он брался за это всерьез. В нем не было места колебаниям, он был решителен, и для Франсуа он был неоценимым помощником. Да, он принял великолепное решение — спасти ему жизнь, когда нашел его полумертвым на песчаном берегу пустынного кораллового острова с пулевой раной в боку. Своим поступком Франсуа заслужил у юноши уважение за спасенную жизнь. Пьер любил Франсуа как старшего брата.

Леду налил себе третий стакан и предложил товарищу. Тот согласно поднял стакан в ответ.

— Посоветуемся о перемене плана с остальными.

— И чем раньше, тем лучше.

— За нападение на Порт-Ройал!

— И за смерть англичан! — провозгласил свой тост Пьер.

— Аминь! За твоё здоровье, дружище.

Порт-Ройал. Ямайка

Темнокожая девчушка монотонно продолжала махать огромным, подвешенным к крыше, опахалом из перьев, стараясь нагнать прохладный воздух на мужчин, с удовольствием расположившихся на террасе.

Себастьян Колберт жутко потел. На безупречно чистой с утра рубашке и костюме теперь явственно проступали темные пятна вокруг шеи, подмышками и на груди. Неровные темные очертания виднелись даже на забытом на кресле сомбреро.

Для такого тучного человека, как Себастьян, этакая погода оказывалась сущим адом. Духота еще больше усугублялась из-за проливного дождя, шедшего всю ночь. Ливень не остудил воздух, но вызвал испарение и густой туман, который накрыл остров от севера до юга, и теперь этот горячий, липкий туман мучил и изводил людей. Многие боялись, что это могло быть предвестником урагана, время от времени обрушивавшегося на остров, хотя Ямайка страдала от подобных явлений не так часто, как другие острова.

Колберт глядел на рабыню, вполголоса проклиная расу, которая приспособилась к этому раздражающе-липкому климату:

— Эти чертовы негритосы выживут и в преисподней, да еще и замерзнут. Не понимаю, как они выносят такую жару.

Это бурчание Колберта привлекло внимание гостеприимного хозяина и Эдгара, который тоже находился здесь.

— Полагаю, они были рождены для того, чтобы переносить все это, не так ли? — ответил хозяин.

— Вполне возможно. Если бы господь не призадумался над этим, то кто стал бы собирать урожай на этом проклятом острове?

— Ну да бог с ним, вернемся к интересующей нас теме. Итак, что Вы думаете о моем предложении, господин Колберт?

Себастьян с сыном встретились с вышеупомянутым мужчиной в Порт-Ройале, на собрании торговцев, и он настойчиво приглашал их к себе перекусить, чем бог послал. Его роскошный, ослепительно-белый двухэтажный дом был выстроен в английском стиле. Во дворе перед домом раскинулся просторный парк. Имелась при доме и пристройка для экипажей. Мужчина проводил в своем городском доме большую часть времени, оставив заботы о поместье в руках управляющего.

Хозяина особняка звали Ной Хьюстон. Помимо земель, засаженных тростником и кофе, он владел двумя задрипанными притонами в порту для моряков, что приплывали на остров, и игорным заведением, которое посещали плантаторы и проходимцы с тугими кошельками, а также имел три борделя. Со времени своего возвращения из Англии Эдгар потерял весьма круглую сумму за игровыми столами Ноя, а также немало, сверх всяких разумных пределов, денег спустил на шлюх. Самая дорогая на острове гостиница тоже являлась собственностью Хьюстона.

Себастьяну совсем не нравился этот тип. У него было слишком много денег, власти и земель, и он был излишне сильным конкурентом, но Колберт не мог, да и не должен был воевать с ним, поскольку авторитет и связи Хьюстона оказывались полезными для

установления наивыгоднейшей продажной цены на произведенный ими товар.

Однако больше всего Хьюстон был ему неприятен теми слухами, что ходили о нем на вечеринках в тесных кругах. Поговаривали, что он был извращенцем, и не только с женщинами. Возможно, Хьюстон получал удовольствие, истязая купленных им юношей, или же тех, кто попал в его руки за карточные долги. Для Ноя Хьюстона не существовало различия полов: женщины или мужчины были для него без разницы, да он и не скрывал этой своей слабости.

— Мне нужно основательно подумать над этим, — ответил Себастьян. — Вам известна причина, по которой я купил этого белого, когда его привезли в Порт-Ройал.

Ной утвердительно кивнул и щелкнул пальцами, чтобы им подали еще один графин холодного лимонада.

— Решайте быстрее, Колберт, не стоит откладывать дело в долгий ящик.

Колберт в упор смотрел на собеседника. Этот важный, статный господин в свои без малого шестьдесят лет оставался весьма привлекательным, как немногие в его возрасте. “Да, он, безусловно, мог бы прельстить любую женщину” — с презрением и завистью подумал Себастьян. Однако, к несчастью немногочисленных порт-ройалских девиц на выданье, Хьюстона интересовала лишь покупка хорошеньких рабынь для своих борделей, да красоток для таверн, если в том была нужда. Множество невольников, не покладая рук, работали в его заведениях подавальщиками, уборщиками или кучерами. Лучших из них он приберегал для собственного дома. И все они, без исключения, силком ли, по доброй ли воле, проходили через его спальню.

Ходил слухок, хотя Колберт и не был уверен, что все было именно так, что несколько месяцев назад Хьюстон запал на здоровенного, крепкого как бык, негра, которого увидел на невольничьем рынке. Он купил его и попытался совратить, как делал это со всеми остальными, потому что совращение — говорил он — составляет часть очарования, другую часть составляют подарки и деньги, но свобода — никогда. Любопытно, но поговаривали, что Хьюстон даже предлагал тому рабу свободу, но тот отказался.

— В самом деле, Хьюстон... Почему Вас так интересует мой раб? — спросил Себастьян. Хьюстон хитро усмехнулся, но промолчал.

Колберт последовал дальше за нитью своих размышлений. Краем уха он слышал разговоры о том, что Хьюстон заставил того черного, как ночь, негра раздеться догола и велел привязать его к телеге, а затем выпорол его и изнасиловал. Покончив с этим, он выхватил пистолет и выстрелил рабу в голову, не придавая значения заоблачной цене, которую он заплатил за столь великолепный образец. Вполне допустима была мысль, что Хьюстон желал купить Мигеля для подобных же целей.

Хьюстон был неглуп и подождал, пока гости не станут чувствовать себя спокойней и вольготней. Как бы то ни было, а его предложение купить испанца немало удивило их.

— Откровенно говоря, дружище Себастьян, — наконец ответил Ной, — мне пришлось не по душе, что на торгах Вы перебили ставку моего управляющего. Если бы я мог прийти на торги, то не оставил бы Вам этого раба. Я заинтересован в его покупке, а кроме того, я слышал, что на Вашей плантации у него возникли кое-какие проблемы.

— Кто Вам это сказал?

— Черномазые болтают, порой, слишком много. Кто-то из Ваших рабов шепнул другому, а тот еще

кому-то, и еще, ну и пошло-поехало, знаете ли... Вот такие вот дела. К тому же,

подобные наказания не так часты. Говорят, что Ваш сын, — Ной посмотрел прямо на Эдгара, не приобщая, впрочем, того к разговору, — едва не забил его кнутом до смерти.

Колберт мрачно выругался, недовольный тем, что случившееся в его поместье смогло оказаться у

всех на языке, а пристыженный Хьюстоном Эдгар, в свою очередь, покраснел.

— Я купил этих двух испанцев, чтобы осуществить свою месть.

— Знаю, и не стану утверждать, правильно это было или нет. Я хочу поговорить лишь о делах. Вы –

умный человек. У меня есть свои осведомители, и, насколько мне известно, причиной проблем этого парня является его гордость. Мы с Вами знаем, что рано или поздно он забьет его до смерти или пристрелит, — Хьюстон с намеком снова посмотрел на Эдгара. — Пушечное мясо, что ни говори, и я ничуть не сомневаюсь, что Вы заставляли его расплачиваться за смерть Вашего сына все то время, что он был у Вас.

— Я должен придумать еще что-нибудь для этого ничтожества.

— Колберт, — Хьюстон наклонился вперед, — я предлагаю за него двойную цену, и мне неважно, что

Вы отдадите мне его несколько... попорченным.

— Вы готовы заплатить за него сотню фунтов?

Ной по-свойски хлопнул Колберта по колену, и этот панибратский жест очень не понравился

Себастьяну.

— Дружище, не забывайте, что мой управляющий был на торгах.

Колберт дернулся, но не отступил.

— Те торги — дело прошлое, а теперь у нас иная сделка.

— Подумайте, как следует, Колберт. Вы возвращаете себе капитал в двойном размере, а я получаю

то, что хочу. К тому же... не стану скрывать — мне известно, что мои маленькие шалости уже у всех на языке, так что ваша месть будет полной, если я куплю этого испанца. Полагаю, Вы знаете мои предпочтения...

Себастьян скрыл свое отвращение. Сделка была идеальной, и Колберт знал, что Хьюстон прав:

Эдгар убил одного и едва не прикончил второго. Себастьян не желал терять свои деньги, или разбивать голову сыну, но окончательно принял решение, представив, что предстоит пережить проклятому испанцу в лапах Хьюстона. Колберт протянул руку Ною, соглашаясь на сделку, и тот торопливо ее пожал.

— Через неделю он будет здесь, — уверил Себастьян Хьюстона.

Ной улыбнулся, как сытый, довольный кот, мысленно поздравив себя с тем, что будет хозяином

испанца. У Хьюстона наметились признаки эрекции, едва он подумал об этом. Безусловно, заплаченная им цена имела смысл.

Не имея ни малейшего представления о своей судьбе и о том, что ему уготовили, Мигель старался восстановить силы с единственной целью — отомстить Эдгару Колберту, его отцу и всем тем, в чьих жилах течет их кровь. После наказания его оставили на попечение одной негрятки, которая продолжала вытаскивать его из сущего ада. Много

дней Мигель метался в горячечном бреде, находясь между жизнью и смертью и упорно цепляясь за жизнь. Лихорадку вызвала не сама порка, а грязь, впитавшаяся в длинный кнут Эдгара. Две причины заставляли Мигеля жить дальше, не поддаваясь боли и безысходности: внимание, нежность и самоотверженная забота старой рабыни и беспредельная ненависть к Колбертам.

Минул почти месяц, но Мигель был все еще слаб. Он сильно похудел и осунулся; под глазами залегли глубокие тени, еще больше подчеркивавшие лихорадочный взгляд его зеленых глаз и демонический блеск, проскальзывающий в них.

Мигель живо помнил каждый удар, невыносимую боль и долгую, мучительную борьбу за выздоровление. У него из головы не выходил образ пристально смотрящего на него Диего, его окровавленные пальцы и тело, падающее в пустоту... Но образ брата не угнетал, а, напротив, поддерживал его, час за часом, минута за минутой подпитывая его ненависть.

Мигель ничего не делал, чтобы притупить воспоминания. Чтобы выжить, ему было необходимо снова и снова вспоминать все — каждый удар, приглушенное щелканье кнута по спине и смерть Диего, потому что только это придавало ему сил. Только злость и негодование могли помочь ему когда-нибудь покончить с этим родом кровавых и жестоких убийц.

Но вот Мигеля вновь погнали на работу. Блуждая растерянным взглядом по окружавшему его густому лесу, он поклялся перед богом, что не успокоится до тех пор, пока не отомстит за смерть Диего и Карлоты, пусть даже рискуя собственной жизнью.

— Как вы себя чувствуете?

Голос, раздавшийся за спиной, заставил напрячься каждый мускул Мигеля. Он медленно повернулся и вонзил свой взгляд прямо в глаза девушки. В глазах Мигеля была такая ярость, что Келли испуганно отступила на шаг, несмотря на то, что за ним приглядывал вооруженный надсмотрщик.

Мигель ничего не ответил, и только молча смотрел на нее. Глубина этих сапфировых глаз, жемчужная матовость ее лица и какое-то необычное очарование вмиг изгнали из его глаз ярость, чтобы тут же с большей силой возвратить ее в грудь.

Как эта ведьма осмелилась приблизиться к нему? Неужели ей было недостаточно увеселений и забав?

— Я не могла прийти раньше, — оправдывалась Келли, теребя банты своего красивого желтого платья, придающего ей вид феи, — дядя вынудил меня остаться в Порт-Ройале.

У Мигеля то пропадало, то возникало желание подойти к ней поближе, обхватить ее шею руками и сжимать, сжимать, сжимать...

Почти месяц наедине с собой он пережевывал свою ненависть, свою одержимость убить любого, кто носит фамилию Колберт. И вот теперь она стояла перед ним, и только он решал помиловать ее или казнить. Да что представляют из себя эти надсмотрщики? Что они значили для него?! Он за секунду мог бы разделаться с этой девушкой, заставить ее заплатить за смерть Диего, но... Какого черта эта женщина заставляет его отступить от жажды мести?

Мигель отвернулся, чтобы не видеть ее. Враждебность и неприязнь грызли его душу, но даже так он должен был прилагать усилия, чтобы не вспоминать, что Келли была женщиной, о которой он мечтал ночами. Он страстно желал сжимать ее в своих объятиях, целовать до тех пор, пока не услышит от нее просьбу о пощаде, мечтал шептать ее имя в миг величайшего наслаждения. Нет! Она была лишь проклятой англичанкой, родственницей

скота, который убил его брата, соотечественницей тех, кто убил Карлоту, а его и Диего превратил в человеческие отбросы.

— Мигель, — услышал он ее зов.

Мигель до боли стиснул челюсти и, молча, продолжил работу, не отвечая на ее призыв. Он терзался оттого, что Келли была рядом с ним, хотя и неизменно вожделел ее. А Келли душили беспокойство и печаль. Она старалась не смотреть на Мигеля, но ее глаза оставались прикованными к шрамам на его спине. Она снова испытала те же чувства, что терзали ее с тех пор, как она ступила на остров и узнала о рабстве, — его полное неприятие и решительное осуждение. Ничто в мире не могло оправдать, что одни люди владеют другими людьми, и ничто не оправдывало Эдгара, применившего варварское наказание к Мигелю.

Келли наблюдала, как Мигель снова и снова наклонялся, трудясь без передыху, и на нее накатила приступ гордости за него. Она не собиралась жалеть этого мужчину, это было бы последнее, что она сделала, потому что Мигель де Торрес был не из тех людей, кто нуждается в сочувствии, совсем наоборот, им следовало гордиться. Эдгар потерпел крах, не сумев добиться от Мигеля ни единого крика, и она гордилась испанцем. С самого начала разлада Келли с двоюродным братом их отношения день ото дня все больше ухудшались.

Келли послала домой еще одно письмо. В нем она написала отцу обо всем случившемся и поставила ультиматум: либо он забирает ее с Ямайки, либо она сама садится на корабль, плывущий в Европу. Это была чистой воды бравада, и она это знала, но в то же время это был единственный способ добиться возвращения в Англию. Ее влекло к этому надменному и гордому испанцу, и она терзалась, зная, что когда-нибудь с ним окончательно расправятся. Как этого избежать, если он сам, казалось, стремился к своей гибели? А она просто не хотела быть здесь и видеть, как он умрет.

Еще одно письмо она написала брату Джеймсу на его адрес в Йорке на случай, если отец не получит ее послание. Теперь оставалось только ждать, но не слишком долго. Кто-нибудь из них должен ей ответить, или она сама станет принимать решения, если они оставят ее здесь, открестившись от нее.

— Мигель, — настойчиво позвала она, направляясь к испанцу.

Мигель продолжал молчать, и Келли закусила губу. Он ни за что унижал ее, и это выражалось в его внезапном бунтарстве. Он обвинял ее в случившемся точно так же как обвинял Эдгара. Ну как его не понять? Любой человек имеет свой предел, и Мигель, возможно, дошел до своего. Девушка в последний раз взглянула на Мигеля, опустила голову и, прежде чем уйти, тихо сказала:

— Мне очень жаль.

Тяжесть в груди и желание заплакать были так сильны, что Келли развернулась и помчалась к дому.

Сверкающие кошачьи глаза жадно пожирали ее, пока она убегала все дальше, но Келли никогда так и не узнала об этом.

Келли узнала эту страшную новость за ужином.

Эдгар полностью игнорировал двоюродную сестру. Он не смотрел на нее и не разговаривал с ней, зато вел с отцом оживленную беседу о прилегающих к их владению землях. Отец с сыном, заинтересованные в приобретении этих земель, обменивались мнениями, а Келли слушала их бойкий диалог вполуха — ее ничуть не интересовало, будет ли “Подающая надежды” процветать, или сгорит в огне. Девушка могла думать только о Мигеле, о его презрении и горящем взгляде, полном ярости и гнева. Однако пристальное внимание Келли привлекло вскользь брошенное кузеном замечание:

— Я бы все же предпочел еще какое-то время подержать его на плантации, отец.

— Для чего? Чтобы убить? — угрюмо буркнул Себастьян.

Келли посмотрела на обоих. Эдгар досадливо поморщился; его лицо выражало огорчение, как у ребенка, у которого отняли игрушку. Келли почему-то сразу же подумала о Мигеле. Она отщипнула маленький кусочек хлебного мякиша, чтобы скрыть дрожь в руках, и настороженно ждала продолжения.

— Нет пути назад. Я его уже продал, обратно не вернешь.

Сердце девушки учащенно забилось. Мигель продан? Уход из “Подающей надежды” будет означать для него спасение, хотя он и будет принадлежать другому плантатору. В душе Келли радость и боль от ухода испанца сплелись воедино, вот только радость миг оборвалась, едва она услышала имя нового хозяина Мигеля. Не колеблясь ни секунды, она решительно обратилась к дяде:

— Но он же убийца, — воскликнула она, ужасно побледнев.

Колберт приподнял свои густые брови:

— Он как раз тот, кто укротит этого дикого зверя, племяшка.

— Но, дядя...

— Ты ничего не смыслишь в таких вещах, и не встревай. Знатной даме не пристало лезть в торговые дела.

Гнев овладел Келли. Она резко вскочила на ноги, опрокинув стул, швырнула салфетку на стол и, позабыв о приличиях, резко выпалила:

— Я забыла, что вы торгуете людьми!

— Рабами, — подчеркнул Себастьян.

— Людьми! — гневно выкрикнула она. — И ты говоришь, что продал человека этому извращенцу, о зверствах и жестокости которого говорят все вокруг. — Келли не хватало воздуха, и она часто дышала, хватая ртом воздух. Ее лицо покраснелось от вспышки ярости. — Вы мне отвратительны! Меня от вас тошнит! Вы хуже зверей!

Оба Колберта оцепенели. Над столом повисла плотная, густая тишина, и в сопровождении этой зловещей тишины, Келли опрометью выбежала из столовой.

Девушка пребывала в отчаянии. Судьба, уготованная Мигелю, была хуже смерти, потому что никто не ускользал из лап Ноя Хьюстона, если то, что говорили о нем, было верным. Едва Келли отошла от этого волчьего логова, ее вырвало от отвращения.

Ей нужно увидеться с Мигелем! Предупредить его! Помочь ему бежать!

Но когда она, бледная и запыхавшаяся, добралась до места, над которым возвышались лачуги рабов, было уже слишком поздно.

Мигеля со связанными за спиной руками заталкивали в телегу. Он не сопротивлялся, но двое вооруженных мужчин легко запрыгнули следом и уселись по бокам.

По щекам девушки текли слезы, и она возненавидела себя за то, что не родилась мужчиной, и сейчас не имела при себе пистолета. Она смотрела на небо, проклиная небеса. Что могла сделать женщина дядиным надсмотрщикам? Как она могла противостоять им? Нужно было что-то быстро придумать. Быть может, поехать в Порт-Ройал и попросить помощи у отца Вирхинии? А может, нанять нескольких моряков, чтобы они вытащили Мигеля из когтей Хьюстона и потом увезли с острова? И если в этой заварушке Нок Хьюстону суждено будет отправиться во владения сатаны, то туда ему и дорога!

Мигель почувствовал присутствие девушки и поднял голову. На несколько мгновений их взгляды встретились, и в глазах испанца читалось бесконечное презрение.

— О, боже! — простонала Келли, падая на колени, когда телега, увозившая Мигеля, скрылась за поворотом дороги. — О, Боже!

Жители Порт-Ройала не знали, что за ними наблюдали четыре пиратских корабля, и заканчивали день в привычных хлопотах неподалеку от причала. Торговцы закрывали свои лавки; матросы готовились к отплытию и загружали последние бочонки с водой и провизией, чтобы поутру выйти в море; проститутки прощались с клиентами, которых развлекали целый вечер, и подыскивали клиентуру посвежее...

Никто и знать не знал, что падет на них сверху.

Корабли из флотилии Франсуа Бульона открыли огонь из палубных орудий именно в тот момент, когда под покровом ночи телега, на которой везли Мигеля, проезжала по главной, мощеной булыжником, набережной порта.

Кое-кто из дозорных заметил корабли, но не придал этому слишком большого значения, поскольку на их мачтах развевались английские флаги, ведь фрегаты державной короны бросали здесь свои якоря постоянно.

Потом, когда флаги их Императорского Величества заменили на французские и черные с черепом и двумя скрещенными костями, трубить тревогу было поздно.

Ядро, пущенное с борта “Миссионера” первым достигло цели. Одна из лавчонок получила две пробоины, и передняя стена развалилась, будто сметенная ураганом, а ее обломки и загоревшиеся балки разлетелись по сторонам. Соседние здания тоже были разрушены, еще был поврежден один корабль, стоящий на якоре и часть приморской улицы, на которой образовалась огромная воронка от ядра.

Возница, правивший телегой, в которой ехал Мигель, был вынужден постоянно натягивать поводья, сдерживая лошадей, чтобы те не рванули и не понесли. Испытывая боль от впивающегося в рот мундштука, животные фыркали и вставали на дыбы...

Портовые улицы наполняли крики и паника; проклятия и приказы, отдаваемые солдатам, перемежались с оглушительным грохотом орудийных выстрелов. Гарнизон, защищавший Порт-Ройал, отреагировал слишком поздно, и к тому времени как солдаты начали отвечать на неприятельский огонь, добрая часть северной части форта уже пылала в огне.

Мирные жители, большая часть которых уже выбежала из своих домов, перекрывали улицы, пытаясь защитить то, что могли. Конечно же, Порт-Ройал уже переживал вражеские налеты, но этот, совершенно неожиданный, яростный натиск заставил людей бояться за собственную жизнь, как никогда прежде.

Неприятельские суда, развернувшись полукругом, накрывали своим огнем всю переднюю часть города. Непрерывный обстрел Порт-Ройала в первые минуты посеял в городе вселенский ужас.

Уцелевшая повозка из “Подающей надежды” кое-как проехала еще несколько метров. Возница старательно выискивал для лошадей путь к какому-нибудь маленькому проулку, но раздался новый пушечный залп, и снаряд угодил в здание муниципалитета, мимо которого они ехали. Обломки разрушенной стены взметнулись вверх и посыпались прямо на лошадей. От испуга те дико заржали и вскинулись на дыбы. Все закончилось тем, что телега опрокинулась вместе с лошадьми. Ужасное прямое попадание ускорило конец колбертовских приспешников среди конских тел и копыт. Мигелю крупно повезло: его выбросило из повозки, но со связанными за спиной руками он не смог смягчить падение, и, ударившись о землю, потерял сознание.

На борту “Миссионера”, довольные подобным развитием событий, Франсуа и Пьер продолжали

выкрикивать приказы своим людям, не прекращавшим обстрел.

— Еще несколько залпов, и мы сможем взять Порт-Ройал, как конфетку...

Бульян глянул в подзорную трубу и скривился.

— Вот дерьмо! — взревел он. — Дело, кажется, осложнилось, дружище. Посмотри туда. — Пьер

выхватил подзорную трубу из рук товарища и посмотрел в указанном направлении.

— Да, дело дрянь! — подтвердил он. — Какого дьявола он забыл нас предупредить, что здесь стоят на

рейде “Каноник” и “Тамаринд”?

“Каноник” был мощным, хорошо оснащенным испанским галеоном. Когда-то он был захвачен, а

потом его перестроили, и теперь это был маневренный, хорошо вооруженный военный корабль с высокими палубными орудийными надстройками на носу и корме. Словом, это был настоящий монстр сорока двух метров в длину. “Тамаринд” был не менее сильным кораблем, созданным в Англии специально для морских сражений. Оба корабля подчинялись английской короне. Осведомитель уверял Бульяна, что в последнее время их видели чаще на юге. Этот недочет мог очень дорого обойтись Бульяну, потому что корабли под командой капитанов Лионеля Ромманса и Ричарда Коннелли стоявшие на рейде вблизи порта, могли дать им отпор.

— С ними двумя нам не справиться! — проорал Франсуа, стараясь перекричать адский грохот своих

пушек. — Этот чертов Ромманс опасен, не говоря уж о Коннелли! Если они сумеют защищать порт достаточно долго, чтобы гарнизон успел перегруппироваться, нам хана!

Пьер разразился проклятьями. “Каноник” открыл стрельбу, и ядра, упавшие в море, окатили

палубу “Миссионера” соленой водой. “Тамаринд” не отстал от приятеля — его пушки громыхнули почти в унисон с орудиями “Миссионера”. Франсуа снова прильнул глазом к подзорной трубе: артиллерия, защищавшая Порт-Ройал, успела подготовиться к обороне.

Снаряд угодил напрямиком в корабль, которым командовал Депардьё, и Леду снова заорал благим

матом, разразившись бранью.

— Огонь, мать вашу! — завопил он во всю силу своих легких. — Огонь, будь прокляты эти английские скоты!

Французы поспешно перезарядили пушки и дали залп, но поддержка флота уже была не такой.

Несмотря на то, что в их распоряжении было четыре корабля, они понимали, что не смогут противостоять двум английским судам и огню портовой крепостной артиллерии. Бриг Депардьё развернулся и вышел в открытое море.

Бульян приказал своим людям потушить пламя на загоревшейся корме. Хотя урон и казался

небольшим, они находились ближе всех к английским кораблям, а потому были самыми уязвимыми, тем более что кое-какие повреждения уже имелись.

— Лево руля! — гаркнул Бульян рулевому. — Лево руля! Уходим!

Пьер Леду в ярости стиснул зубы. Он ненавидел англичан, и ему горько было прекращать набег, но

мериться силами с этими кораблями и дальше, было чистой воды безумием, а первейшим правилом было — не рисковать жизнями экипажа понапрасну. Они оказались в ловушке между двух огней, и единственным выходом было — вырваться оттуда.

Когда “Миссионер” развернулся и поплыл в море, удаляясь от порта, остальные три фрегата

последовали его примеру.

Мигель очнулся посреди хаоса — разрушенные здания вокруг и языки пламени, лижущие мешки с

кофе на складах порта, горевших как сухие поленья. Смертельно напуганные люди в панике разбежались кто куда. Все были слишком заняты, чтобы обратить внимание на перевернутую повозку и оглушенного мужчину.

Мигель, как мог, отполз подальше и укрылся за стеной. У него болела голова, от жгучего дыма

саднило горло, но это мало волновало его. Он поджал под себя ноги и попытался протащить под ними связанные за спиной руки. Ему это удалось, хотя кисти рук нестерпимо болели от стягивавшей их веревки. Ни один из его стражей не пошевелился. Мигель дал себе время, чтобы успокоить биение сердца и осознать свое нынешнее положение. Он не слышал ни голоса, ни тревожные сигналы, ни даже непрерывный грохот пушек налетчиков и защитников Порт-Ройала. В его мозгу была только одна неотступная мысль — бежать, а поскольку судьба сдала ему неплохие карты, он, пожалуй, сыграет по-крупному. Или пан, или пропал — слишком высока ставка.

Мигель встал и двинулся к повозке. Он знал, что надсмотрщики, даже имея при себе оружие, всегда носили нож, и теперь старательно искал какой-нибудь из них. Он зажал рукоять ножа между двумя досками и несколькими движениями разрезал стягивавшие его веревки. Освободившись от пут, Мигель потер затекшие кисти, чтобы уменьшить колющую боль и восстановить нормальное кровообращение, и внимательно осмотрел все вокруг.

Порт-Ройал представлял собой сцену из дантова ада. Но в море разыгрывалось нечто другое. Четыре корабля под пиратскими флагами непрерывно атаковали город, в котором

царили всеобщая паника и полная неразбериха. Тем не менее, два судна с английскими стягами перекрыли вход в порт и обстреливали неприятеля, отражая натиск.

На какую-то долю секунды Мигель подумал, что самым лучшим было бы убежать подальше от города, и спрятаться где-нибудь в глубинке, но только на долю секунды, а потом он прищурил глаза и стал внимательно наблюдать за одним из пиратских фрегатов, который с трудом отражал контратаку английского галеона.

Он не мог окончательно остаться на Ямайке. Рано или поздно Колберт нашел бы его, а он уже с лихвой отведal кнута и не хотел подвергаться новым мучениям. Мигель побежал к причалу. Он двигался зигзагами, чтобы не напороться на острые обломки камней и черепицы, выдранные из стен и крыш пиратскими ядрами, и смешанные с горящими, как факел, кусками балок. Подбежав к пристани, Мигель прикинул расстояние до фрегата и бросился в воду. Только добравшись до корабля, у него появлялась хотя бы призрачная возможность выбраться из этого ада. Мигель был все еще слаб, а потому не загадывал, что с ним будет, доплывет ли он до корабля, или утонет, а, быть может, его вообще вздернут на грот-мачте пиратского судна.

Он тысячу раз предпочел бы смерть, лишь бы не попасть снова в руки проклятых Колбертов. Лишь об одном жалел Мигель — он не смог выполнить свое обещание и отомстить.

Мигель быстро плыл, преодолевая резкую боль во всем своем измученном теле. Ему приходилось вкладывать все чувства и последние оставшиеся силы в этот безумный поступок. У него застыла в жилах кровь, когда он увидел, что пиратский фрегат развернулся, избегая сражения с английским галеоном, но упрямый испанец лишь удвоил свои усилия.

Мигелю удалось ухватиться за один из канатов, свисавших сбоку, и отгородиться от окружающей его действительности, где всё, казалось, взрывалось и трещало в огне, где грохотали пушки, и выстрелы отдавались в его ушах таким громом, что он боялся, как бы не лопнули перепонки. Полностью изнуренный, Мигель изо всех сил вцепился в веревку и, как мог, обвязал себя ею вокруг пояса. Фрегат набрал скорость, но ядра, выпущенные из крепостных пушек, едва не достигли цели. Фрегат содрогнулся и закачался от ужасной встряски, и Мигель судорожно раскачивался вместе с ним.

Он и сам не понял, когда снова потерял сознание. Ясно было только одно — пиратский флот чудом ускользнул от пушек “Каноника” и “Тамаринда” и выбрался из Порт-Ройала, и тогда капитан Бульян поднял на борт незнакомый ему балласт.

Остров Гваделупа. Несколько месяцев спустя.

Франсуа Бульян расхохотался, глядя на парня, которому после нескольких попыток удалось-таки схватить обслуживавшую его девицу, и теперь он усадил ее к себе на колени и целовал.

Франсуа был в доску пьян, как и все остальные. За всю свою грешную жизнь он никогда так не напивался, но их последняя добыча оказалась весьма солидной, а потому все мужчины, включая матросов с корабля Депардье, громко и с одобрением выкрикивали его имя в окружении огромных кружек пива и бочонков рома. Да что там говорить, даже сам Депардье — будь он трижды проклят! — не отставал от других. А все благодаря этому смуглому молодчику с суровым лицом, черными волосами и взглядом хищной птицы, пугающим любого. На его запястье посверкивал золотой браслет с изумрудами, а в левом ухе блестела серьга.

подавальщицы задрюпанной таверны, в которой они развлекались, обсуждали его с той минуты, как они вошли. Все, как всегда. Каждый раз происходило одно и то же. В каждом из борделей, куда они заходили, все девки только о нем и мечтали, и, кажется, этот плут уже сделал свой выбор на ночь.

Вот только одна из девиц была вовсе не согласна с его выбором. Она грохнула обратно на стол приготовленные к раздаче кружки, подошла к той, что жадно целовалась со смуглым красавцем, схватила ее за волосы, повалила на пол и поволокла за собой.

В таверне раздались восторженные крики; мужчины готовились стать свидетелями потасовки между двумя женщинами. В те времена и в тех широтах было не принято, чтобы женщины, продающие свое тело корсарам и пиратам с целью заработать себе на жизнь, дрались за возможного клиента, потому что, если какая-то из них пострадает в потасовке, то тем самым она лишится работы, а следовательно, и пропитания.

Бульян развернулся на своем месте и оперся локтями на колени, чтобы не пропустить подаренного им забавного зрелища.

Жертва нападения по змеиному обхватила щиколотки своей противницы, повалила ее на спину и тут же вскочила на ноги, готовая к борьбе. Носком туфли она пнула свою врагиню в бок, и ты взвыла от боли, выкрикивая оскорбления, неподобающие даме, но вполне обычные в среде портовых шлюх.

Смуглявый откинулся назад и положил руку на спинку стула, внимательно наблюдая за дракой, как и все остальные. Девица, выбранная им для постельных утех, была миленькой, несмотря на грязную одежду, растрепанные волосы и тощее тело. Впрочем, другая ни в чем не уступала первой: рыжая, с миндалевидными, ясными глазами и аппетитными изгибами в положенных местах. Она была отважна, и полна решимости отвоевать себе место в его постели.

— Эй, мошенник! — смуглявый обернулся и увидел Бульяна, сидящего на противоположном конце длинного стола, за которым они ужинали и пили без всякой меры. — С какой из них останешься?

Парень откинул голову назад и задорно расхохотался.

— С той, что выиграет!

Пьер Леду, сидящий рядом с ним, рассмеялся вслед за Франсуа, поддержав его шутку. Он сильно хлопнул парня по спине, чуть не заставив того поцеловать землю.

— Если еще раз стукнешь меня так, французский ты свин, я ни одну из них не ублажу, от меня мокрого места не останется.

Пьер поперхнулся от смеха.

А в это время две воинственно настроенных девицы, слегка согнув спину, широко расставив ноги и вытянув вперед руки, топтались в центре таверны в окружении ликующих и радостно гогочущих мужчин, присутствовавших на этом спектакле. Чтобы было ловчее драться, они задрали юбки и заткнули подола за пояс, чем вызвали одобрителльные хлопки и целый хор разного рода комплиментов.

Обе девицы представляли собой весьма соблазнительное зрелище, и смуглявый пират уставился на их голые ноги. “А они недурны”, — подумал он. Ему было все равно, кто победит, потому что, в конечном счете, выигрывал он: любая из них двоих была лакомым кусочком.

Команда “Миссионера”, разделившись на две группы, с жаром подбадривала обеих. Пьер немедленно встал на сторону рыжей, а Бульян поставил на брюнетку. Гвалт стоял невообразимый, со всех сторон неслись оглушительные вопли, но все были слишком пьяны, чтобы придавать этому значение. Двух недель не прошло, как они обчистили английское торговое судно, и теперь их карманы были в досталь набиты золотом, чтобы спускать его на выпивку и женщин.

Рыжая резко выбросила вперед руку, стараясь ногтями впиться брюнетке в лицо, но та ловко уклонилась от подлого маневра и быстро перешла в контратаку, ударив соперницу прямо в подбородок. Рыжеволосая упала на спину, вызвав всеобщее улюлюканье и одобрителльные прищелкивания языком. Теперь девицы уже катались по полу, намертво вцепившись друг другу в волосы. Разодранная одежда еще больше открывала все их прелести к восторженному одобрению зрителей, отпускавших сальные шуточки. Бульян хохотал во весь голос и громко хлопал себя по коленям, а владелец изумрудного браслета с довольной улыбкой продолжал турнир амазонок.

Брюнетке удалось ухватить противницу и толкнуть ее на один из столов. От удара стол опрокинулся, и грохот упавших на пол и разбившихся кружек вызвал легкий ропот недовольства тех, кто лишился своей выпивки, но драка быстро заставила их забыть о потере. Рыжеволосая быстро вскочила, взяла одну из кружек, разбила ее о край стола и, размахивая своим новым зазубренным оружием, двинулась на врага. Увидев острый осколок кружки, та побледнела и попятилась назад.

Темноволосый пират нахмурился. Если эта шлюха дотянется до лица другой, то она изуродует его. Он немного помедлил, выжидая, вдруг брюнетке удастся избежать столкновения, но в ее огромных глазах уже поселилась паника. Эти женщины живут за счет своих более-менее аппетитных внешних данных, ведь немногие мужчины лягут в постель с помеченной.

Брюнетка сделала еще шаг назад, но, к несчастью, поскользнулась в пивной луже и упала на спину. Приближалась развязка; крики смолкли, и в тишине раздался ужасающий вопль поверженной, поскольку рыжая воспользовалась удобным моментом, чтобы наброситься на нее в попытке дотянуться до лица.

Сильная смуглая рука крепко сжала запястье проститутки и вывернула ей руку, а потом подтолкнула женщину, заставив ее приземлиться на колени Бульяна, который не упустил

такой подарок и поцеловал ее. Она повернулась, решив продолжить потасовку, но увидела, что смуглявый пират протянул руку ее противнице и поднял ее.

— Будь ты проклят, испанец! — хрипло прорычал Пьер. — Ты же сказал, что останешься с той, кто победит!

Мигель де Торрес обхватил чернявую за талию и прижал к себе.

— Я не пойду против Франсуа, — сказал он, шутливо подмигнув французу, — а ему нравится та, что сидит у него на коленях.

Франсуа ответил одобрительным жестом.

— Благодарю, месье! — крикнул Мигель, выдерживая недовольные протесты моряков, которым он испортил развлечение.

Пока испанец вместе с прижимающейся к его бедру девчонкой поднимался на верхний этаж, рыжая запустила руку в волосы Бульяна, привлекая к себе его внимание.

— Тебе больше нравится Полетт?

— Ты же слышала моего дружка. Мне нравишься ты. Как тебя зовут, красотка?

Красотка кокетливо взмахнула ресницами, ласково прижалась к моряку и поцеловала в губы. Она предпочла бы смуглявого, но блондинчик тоже был неплох, и деньжата у него водились, чтобы расплатиться.

Девушка отлично знала свое дело, чтобы француз до последней монеты оставался с ней. Она проделывала это с другими, и с этим обстрелянным и закаленным в боях морским волком будет то же.

— Лиззи, — проворковала она, запуская руку под рубашку Франсуа и лаская его. — Меня зовут Лиззи, мой красавчик-капитан...

... Де Торрес проснулся от тоски весь в поту, и в растерянности приподнялся на кровати, не

понимая, где он. Рядом с ним шевельнулась миниатюрная, щупленькая фигурка, что-то нежно промурлыкала и ласково провела рукой по его обнаженному торсу.

Мужчина вздохнул и снова откинулся на подушки. Этот кошмар повторялся снова и снова с

завидным постоянством, и, как всегда, был ужасающе реальным. Мигель спросил себя, перестанет ли он когда-нибудь заново переживать эти зловещие эпизоды, закончится ли когда-нибудь эта пытка — постоянно видеть во сне Карлоту и Диего. Они словно обвиняют его откуда-то оттуда в том, что он ничего не сделал, чтобы спасти им жизнь.

Полетт нежно провела рукой по его груди вниз, к паху, но Мигель мягко отстранился:

— Не сейчас, малышка.

— Плохие сны?

— Ужасные, — признался он. Мигель отшвырнул в сторону скомканную одежду и подошел к

открытому окну. Легкий ветерок шевельнул его волосы. Мигель облокотился на подоконник и потерянно огляделся. Из проулка тянуло смрадом от копившихся там нечистот, и мужчина с отвращением поморщился. Внизу громоздилась и разлагалась на солнце куча отбросов, не представляющих интереса даже для нищих, и только пара оборвышей-пацанят копошилась в этом хламе.

Что он делает здесь, в этой глухомани?

Мигель решительно повернулся и начал одеваться.

— Придешь ко мне сегодня ночью? — спросила девица, потягиваясь и бесстыдно демонстрируя свою

наготу, всего лишь пытаясь снова привлечь к себе внимание Мигеля.

Полетт забавляла Мигеля. Он развлекался с ней с тех пор как они спустили паруса, решив

провести на острове несколько дней. Гваделупа был маленьким, сорока двух километров в ширину, клочком суши в океане. В действительности, архипелаг состоял из двух основных островов, разделенных между собой узким проливом — Бас-Тера и Гранд-Тера — и нескольких маленьких островков. Земля вулканов, невысоких округлых плато и многочисленных косогоров с глубокими, бесплодными и иссохшими долинами, продуваемыми пассатами. Место, где нечего делать, кроме как развлекаться, пережидая непогоду и надвигавшийся шторм. А может, это только он хотел отвлечься.

Грозил разразиться буря. Местные жители боялись напора стихии, потому что частые циклоны

губили урожай и разрушали дома. Впрочем, таверна, в которой они находились, выдержала последние шторма и, казалось, переживет еще не одно испытание. Здесь царил суматоха — весь персонал усердно готовился к очередному природному катаклизму. В таверне, по крайней мере, можно было рассчитывать на полный рома погреб и на таких хорошеньких женщин, как Полетт.

Мигель заправил полы рубашки, отделанной рюшами, в брюки. Он спрашивал себя, долго ли еще

выдержит это бездействие. Матросы не были готовы возвращаться в море, пока не отдохнут вволю. Если быть честным, он тоже не готов, но его подстегивало бешеное желание продолжать сражаться, поскольку это был единственный повод жить дальше. На данный момент он чувствовал себя удовлетворенным лишь наполовину.

— Эй, красотка, давай-ка поднимай задницу с кровати, или ты боишься встречи с Лиззи? — подначил девицу Мигель.

— Чертова ведьма... — прошипела она сквозь зубы. — Если бы ты не стащил ее с меня, она порезала бы мне лицо. Сука! Клянусь, когда-нибудь я убью ее. Тебе хотелось быть с ней.

Своими ласками Мигель усмирил женскую ярость. Он подошел к ней, наклонился и слегка коснулся губами ее темного соска. Полетт застонала и закинула руки ему на шею.

— Я тебе нравлюсь, мой капитан?

— Очень.

Полетт провела пальцем по подбородку мужчины и без тени сомнения сказала:

— Но в твоей голове есть кто-то еще, правда?

Мигель напрягся и криво усмехнулся, на его лице появилось презрение, которое ему не удалось скрыть.

— Кто-то еще?

— Другая женщина.

На краткий миг глаза Мигеля вспыхнули огнем, и Полетт едва успела заметить это. Не отвечая, Мигель сел на край кровати, надел сапоги, а потом взял саблю и пистолет.

Полетт внимательно наблюдала за ним. Кто ранил сердце этого закаленного в боях пирата? Интуитивно она чувствовала, что в прошлом ему причинили много боли, и жалела его, потому что капитан де Торрес был великолепным образчиком того, кого ей хотелось бы покорить. Тем не менее, Полетт предугадывала, что его душевная рана была так сильна и

глубока, что, вероятно, ничто не сможет излечить ее. А если это была женщина, как она боялась, то... кто может бороться с призраком?

Мигель с яростной силой вложил саблю в ножны. Простой вопрос снова столкнул с горы сани его ненависти. Он сожалел о своей злости и суровости, потому что в моменты отдыха Полетт давала так необходимые ему добро и ласку, но сейчас она попала прямо в цель, и это его раздражало. Да, была другая женщина, которая, как бур, вошла в его мысли, сердце и даже душу, вызывая глухую, не покидающую его боль. Женщина, которую он ненавидел. Женщина, которую он желал, как последний дурак, зная, что она никогда не будет его. Так было всегда с тех пор, как его ноги ступили на Ямайку.

— Не говори глупости, — выдавил он, наконец. — С тобой я не могу скучать ни по одной другой.

Мигель порывлся в камзоле, достал оттуда мешочек монет и бросил его на кровать. Полетт взяла мешочек; ее глаза расширились и стали, как блюдца, когда она прикинула его вес.

— Приди ко мне сегодня ночью, капитан.

— Я так и сделаю, куколка, — ответил Мигель и хитро подмигнул ей.

Полетт послала ему с кровати воздушный поцелуй и поздравила себя с тем, что ей удалось вырвать у него улыбку.

Хорошее настроение Мигеля, тем не менее, было всего лишь притворством. Когда он спустился в

зал, его воротило от кучи пьяных тел и вони перегара. Незнакомые женщины и мужчины, до смерти упившиеся ромом, были его товарищами. На этих разнузданных гульбищах он чувствовал себя неловко, но и увильнуть от них не мог.

Мигель взял яблоко, прихватил бутылку и вышел на улицу. Он нашел тихое местечко у входа в

порт, прислонился к стене, отгрыз кусок яблока и приложился к горлышку бутылки, сделав несколько торопливых глотков.

Океан был взбуроражен, как и его живот, как воспоминания, которые снова упрямо мучили его. Но

вот где-то вдали появился слабый луч солнца.

Мигель стремительно достиг высот на пиратском поприще. С тех пор, как его обнаружили в море

за несколько миль от Порт-Ройала привязанным к одному из канатов фрегата Бульяна, его жизнь повернулась на сто восемьдесят градусов. Мигеля подняли на палубу почти бездыханным, и только гораздо позже, очнувшись, он понял, что на борту “Миссионера” разгорелся спор о том, что делать с этим безбилетником.

Отметины Эдгара Колберта, оставшиеся на спине и кистях рук, ясно указывали французам, что об

английском шпионе и речи быть не может. Шрамы спасли ему жизнь; благодаря им, Мигелю удалось избежать участи быть выброшенным обратно в море или быть повешенным на рее. Бульян согласился оставить его на борту, по крайней мере, пока он не очухается, а там будет видно, не отправить ли его прямиком на корм акулам.

Едва Мигель очнулся, его крепко схватили за руки и потащили в капитанскую рубку. Франсуа и

Пьер стали расспрашивать его, и он не упустил случая выплеснуть злость и раздражение, которые сдерживал долгое время. Он без утайки рассказал о своем положении на острове, смерти Диего и чудесном побеге во время атаки.

— Посмотрим, умеешь ли ты делать что-нибудь еще помимо рубки тростника, — решил Бульян. —

Мы потеряли несколько ребят, и твои мускулы нам пригодятся.

Порученная ему работа мало чем отличалась от той, что он выполнял до сих пор. Драить палубу,

содержать в порядке такелаж, помогать коку — таковы были некоторые из его занятий, но где-то через месяц после того, как они покинули Порт-Ройал, Мигелю выпал шанс.

Два корабля пиратской флотилии из четырех были повреждены и ненадолго задержались в порту

на ремонт, а два других на выходе из полосы тумана внезапно столкнулись с двумя английскими галеонами. Увидев неприятельские суда, и растерявшись от неожиданности, они даже не успели толком подготовиться. Вражеские залпы достигли цели, угодив в борт “Миссионера”. Несколько моряков оказались ранены или убиты, а с палубы другого судна

англичане уже забрасывали крючья, чтобы взять их на абордаж.

У Мигеля не было времени на долгие раздумья. Английские галеоны были хорошо ему известны —

маневренные суда с низким гальюном и полубаком на единственной палубе. Экипаж галеона был открыт всем ветрам, поскольку фальшборта между ютом и полубаком не было; вместо него, в большинстве случаев, натягивалась сетка, которую укрепляли досками и тюками, и которая легко разрывалась. Несмотря на это, на английских галеонах пушек было больше, чем на их средиземноморских собратьях. Они несли на себе 18-ти или 19-ти фунтовые, достаточно дальнобойные и скорострельные кулеврины. [*прим:* *галюн* — свес в носу парусного судна для установки украшения; *полубак* — возвышение над верхней палубой в носовой части корабля; *ют* — кормовая надстройка судна или кормовая часть верхней палубы; *фальшборт* — ограждение по краям наружной палубы корабля в виде сплошной стенки с вырезами для стока воды, швартовки и.т. п.]

Теперь Мигель был с Бульяном и его людьми, и никто не собирался спрашивать его, почему.

Будучи изгоем, он сделал единственное, что мог, чтобы попытаться спасти жизнь — походя убить нескольких солдат Его Королевского Величества. Он окинул взглядом корабельную артиллерию, выкрикивая команды и показывая, куда нужно идти канонирам. Мигель не знал, но то ли от страха, то ли видя его уверенность, пушкарки прислушались к его приказам, и им удалось подбить вражеские суда. Затем, уже во время абордажа, Мигель разжился саблей одного из убитых и дрался локтем к локтю с Бульяном и Леду с такой отвагой, что, возможно, именно благодаря своей храбрости он нанес наибольший урон англичанам.

Он отражал удары нападавших, и одна сабля блестела в его правой руке, а другая на боку; он сражался с таким самозабвением, что даже не чувствовал боли от полученных ран. Им удалось захватить один из вражеских галеонов, а другой был охвачен огнем.

Позднее, когда остальные суда флотилии присоединились к ним, Бульян велел позвать Мигеля в свою каюту. Когда Мигель вошел, он застал там четырех капитанов и Леду, молча смотревших на него. Капитан “Миссионера” подошел к нему:

— Да, парень, по правде говоря, не хотел бы я быть дерущимся с тобой англичанином.

Мигель только что завоевал право стать полноправным членом экипажа. Ему вручили оружие, и он избавился от черной работы. Мигель продемонстрировал всем, что у него светлый ум и неоценимая отвага, когда речь шла об абордаже английских судов или нападении на порты, находящиеся под владением британской короны. Бульян, Леду и остальные три капитана советовались с ним, прежде чем начать какое-то дело.

Вскоре имя Мигеля зазвучало в тех местах, где они бросали якорь, но больше всего доставляло ему удовольствие то, что произносить его начали с определенным страхом.

Мигель поставил лишь одно условие — никогда не принимать лично участие в налетах на корабли, идущие под испанским флагом, но он также и не делал ничего, чтобы помешать другим брать их на абордаж. Время и беды привели Мигеля к заключению, к которому в свое время пришел и Франсуа: он ничего не должен королю, чьи прогнившие законы послужили причиной его бед и неудач, и, как следствие, способствовали смерти брата. Ему нужно было удостовериться в правильности своих мыслей, чтобы, наконец, осуществить свою месть, и он это сделал. С другой стороны, видеть, как тонут некоторые корабли и как расхищаются сокровища, украденные в Новом Свете, было возмещением за его потери и пищей для его

ненависти. Он никогда не одобрял тот низменный способ, благодаря которому испанская корона богатела за счет аборигенов, так что с этой стороны его совесть была спокойна. Отнять богатство из их, нагруженных золотом, сундуков было ничем иным, как воровством у грабителя.

Мигель заставил себя прогнать воспоминания и взглянул на корабль, стоявший вдалеке. Испанца

охватила гордость, когда он увидел его изящный контур, убранные паруса и галюнную фигуру на носу корабля — деревянного черного ангела. Сейчас для Мигеля этот корабль был единственным, действительно представлявшим значение. Это был его корабль с тех пор, как умер где-то в Провиденсе, самом поганом месте Кариб, тот презренный тип, его прежний хозяин. Речь шла о трехмачтовом фрегате, построенном в Англии, носящем имя “Лопатка”, легком, как ветер, и стройном и грациозном, как женщина. Изнутри капитанская каюта тоже была отделана со вкусом — полностью обшита деревом, с прочной мебелью и изысканными восточными коврами, настоящая роскошь для морского человека. Мигель мало что изменил, разве что набрал экипаж на Мартинике, где решил обзавестись собственными хоромами, и уже начал строить будущий дом.

И, естественно, он сменил кораблю имя.

Теперь фрегат назывался “Черным Ангелом”, и, плавая на нем, Мигель уничтожал англичан, мстя

за смерть Диего и Карлоты. В этой части мира де Торрес становился известным. Он начинал наводить страх, и, возможно, его начинали ненавидеть.

Не отрывая взгляда от фрегата, Мигель подошел к краю причала и остановился. Он стоял,

широко расставив ноги и скрестив руки на груди. В той же позе он обычно стоял на мостике фрегата в открытом море, управляя кораблем.

“Черный Ангел” исполнен гордости, — подумал Мигель. “Ангел” был воистину фрегатом с

большой буквы, тем самым Князем Ада, что нападал на английские суда, чтобы отправить их в преисподнюю. Этот корабль пришелся Мигелю как нельзя кстати, и он обожал его. Вступив во владение фрегатом, Мигель поклялся, что это имя когда-нибудь станут проклинать, и он добился своего.

Чья-то рука легла на плечо Мигеля, и он быстро повернулся, мгновенно выхватив саблю из ножен и изготовившись к бою.

— Разрази тебя гром! — сердито взревел Пьер, живо отскочив назад и удерживая дистанцию между ним и испанцем. — Совсем спятил? Еще чуть-чуть и ты меня проткнешь насквозь!

— Прости. — Мигель вложил клинок обратно в ножны и снова устремил взгляд на корабль. — Больше не подкрадывайся ко мне так неслышно. В другой раз я и впрямь могу не успеть остановиться, и проткну тебя как маслину.

Пьера позабавило это предупреждение. Должно было пройти немало лет, чтобы молниеносная реакция этого чертова сына исчезла. Морской найденыш был проворен, и одинаково ловко обращался с саблей и пистолетом. Испанец был скор, как удар кнута, и опасен, как змея. С момента их знакомства никто не мог одолеть Мигеля в сабельном поединке. Нелегко было драться с ним и в кулачном бою, потому что этот чертов негодяй прыгал из стороны в сторону с такой скоростью, что приблизиться к нему было почти

невозможно. В большинстве случаев, когда противнику удавалось стукнуть Мигеля, тот в ответ успевал нанести пару мощных ударов, оглушающих, как молот.

Увидев в первый раз, как дерется Мигель, Пьер расхохотался от удовольствия и сказал, что он похож на уличного акробата. Однако, как правило, в драках Мигель побеждал противника вчистую, не позволяя ему даже коснуться лица. Пьер даже попросил испанца научить его драться. Уроки Мигеля не пропали даром и принесли свои плоды. Теперь Пьер тоже мог похвастать своей ловкостью...

— Он прекрасен, как женщина, верно? — спросил Пьер Мигеля, восхищаясь силуэтом фрегата, в эти минуты купавшегося в слабых лучах восходящего солнца. Мигель посмотрел на него через плечо и улыбнулся.

— Прекраснее любой женщины, — кратко ответил он.

— Будь осторожнее, дружище, смотри, чтобы его у тебя не отняли, — заметил Пьер. — Этот красавец вызывает зависть, как и ты.

— Кто-то по-прежнему желает завладеть им? — пожал плечами Мигель.

— Депардьё — самый горячий из его почитателей.

Услышав имя капитана “Дофина”, Мигель насторожился.

— Депардьё дурак, — с отвращением ответил он.

— Но дерется хорошо, и знает, как подговорить команду на бунт.

— Что ты имеешь в виду?

— А вот что... — Пьер потерев мочку правого уха, в котором поблескивала серьга, давнишний подарок какой-то девчонки, и шагнул к Мигелю. — Я тут слышал краем уха... болтовню напившихся в таверне... Поговаривают, он предлагает кое-кому из твоих людей пять процентов от добычи с абордажа, само собой от доли, причитающейся капитану.

Порыв ветра швырнул волосы Мигеля ему в лицо, и тот быстрым движением откинул их назад. В его ухе блеснула серьга. Смуглое красивое лицо Мигеля медленно осветилось едва заметной дьявольской усмешкой, и он неожиданно расхохотался. Пьер не понял, что развеселило испанца, ведь он только что рассказал ему об определенной опасности. Ради всех дельфинов океана! Депардьё пытался настроить экипаж Мигеля против него, подстрекал к мятежу, а он воспринял все, как шутку.

Мигель успокаивающе хлопнул Пьера по плечу. Между ними двумя установились прочные узы после того, как Мигель много раз спасал шею француза, и эти узы товарищества были обоюдны. Он знал, что Леду сделает все, чтобы помочь ему, даже рискуя жизнью.

— Не волнуйся, дружище, я это улажу.

— Само собой, и я ничуть не сомневаюсь в этом, но ты не думал убить его?

— Возможно, — загадочно ответил Мигель. — Похоже, у тебя навязчивая идея убрать его.

— Погань он, гнилье. Франсуа тоже не слишком доверяет Депардьё, но говорит, что он ему нужен. Мерзавец в любой день предаст нас. Ты убьешь его? — снова спросил Пьер.

— Возможно, — повторил Мигель.

Случай убраться Депардье подвернулся несколько дней спустя после этого разговора, но вопреки всем предсказаниям Мигель не захотел воспользоваться им.

Бульян пригласил четырех своих капитанов и их мастеров в свое поместье на севере Мартиники, неподалеку от земель, купленных Мигелем де Торресом. В общей сложности было десять человек. Это было похоже на сборище соратников с единственной целью — пару дней развлечься и отдохнуть от гвадалупской суеты, где команда продолжала спускать свои деньги, но Мигель догадывался, что речь шла о чем-то еще, и не ошибся. [*прим: мастер — эксперт и главный советник капитана по всем вопросам морской практики, кроме боевой*]

После сытного, роскошного ужина, приготовленного Хулиетой, кухаркой и ключницей Бульяна, неопределенного возраста и скверного характера коренной островитяжкой цвета кофе с молоком, принесли чарки, и Франсуа объявил собравшимся, почему они здесь.

— Если наши парни и дальше продолжают тратить деньги, как делают это сейчас, то скоро нам снова придется выйти в море.

После долгих месяцев, проведенных на корабельных палубах, перспектива нового плавания не воодушевила собравшихся.

— По мне, так я начинаю ценить это поместье с его удобствами, но вот ребята, едва опустеют их мешки, потребуют выхода в море, и я хочу знать, на кого мне рассчитывать.

— Мы всегда идем за тобой, Франсуа, но почему бы не подождать еще несколько дней? — поинтересовался капитан “Дельфина”, высокий и тонкий, как тростинка тип, с лицом, изрытым оспой, откликающийся на прозвище капитан Краб.

— Я с вами, — подал свой голос Барбоса, португалец, на чьем попечении был “Святой Базилио”.

— А ты, Адриэн?

— По мне, так мы можем поднять паруса прямо на рассвете, — Депардье пожал плечами и посмотрел на Мигеля, который, казалось, не следил за разговором, погрузившись в свой собственный мир и вертя в руках чарку. — Что скажешь ты, испанец?

Мигель поднял взгляд.

— У меня пока нет дома, — ответил он, — и мне многого не хватает, чтобы подготовить земли к посадкам, так что на Мартинике меня ничто не держит. Как проголосуете, то мне и подойдет.

— Ладно, дело за тобой, Пьер. Скажи им, что знаешь, — обратился Бульян к своему помощнику и правой руке.

Мнение француза пользовалось большим уважением, хотя он был всего лишь боцманом. Прочие пираты его ранга могли только высказать свое мнение, но не голосовать, так что Леду были предоставлены определенные привилегии.

— Три судна под английским флагом вышли из Порт-Ройала курсом на Старый Свет, — Пьер помолчал немного, наполнив глаза одних интересом, а других алчностью. — Древесина, сахар, кофе и какао, а в дополнение к ним многочисленные собранные налоги, которые направятся прямоком в сундуки Его Милейшего Величества.

— Сдается мне, это лакомый кусочек, — капитан “Дофина” воспринял новость, как манну небесную.

— Потому-то, друзья мои, я вас и собрал. Возможно, нам придется выйти им навстречу, перехватим их... и вуаля!

Название Порт-Ройал перевернуло в Мигеле все его нутро, но он ничего не сказал, предоставив другим углубиться в споры о целесообразности как можно раньше отдать швартовы. В конце концов, капитаны порешили дать команде еще парочку дней на развлечения, и Мигель нехотя согласился. До этого момента он и сам склонялся к тому, чтобы продлить свое пребывание на Мартинике, и понаблюдать, как идут работы над будущим домом и на землях, хотя и не говорил об этом. Однако последнее обстоятельство все в корне изменило. В его душе снова появился запал мести, который он не мог и не хотел игнорировать. Как-никак, человек, расторопно и с умом управлявший его собственностью, доводился служанке Бульяна свойственником, и Мигель полностью доверял ему. К тому же охотиться на англичан было более заманчивым и захватывающим, нежели заниматься землей и хозяйством.

Согласовав план действий, все выпили еще по чарке. Депардье отдал боцману какой-то приказ, и тот ушел выполнять распоряжения капитана.

— Сегодня вечером у меня тоже есть для вас кое-что неожиданное, — загадочно произнес француз.

Вскоре вернулся доверенный посланец, таща за собой напуганного, тощего мальчишку с веревкой на шее. Войдя в гостиную, он рывком дернул веревку, и мальчишка упал на колени. Мигель с огромной досадой отметил, что у парнишки рассечена кожа. Мальчишка не издал ни единого стога, но по его впалым щекам катились от боли слезы.

— Я нашел его возле таверны. Этот оборвыш говорит по-французски, но он не француз, — сообщил Депардье. — Я, пожалуй, поклялся бы, что он англичанин, и расскажет нам много интересного.

Мигель терпеть не мог жестокость и произвол по отношению к безоружным существам, которые он испытал на собственной шкуре. Это было ему глубоко противно, и вызывало отвращение, с другой стороны, это демонстрировало черствую душу Адриэна. Стоя на коленях и трясясь от страха, парнишка не отрывал взгляд от пола.

— Какую важность может представлять для нас этот салажонок, будь он хоть от самого дьявола? — жестко спросил Мигель. — Или мы теперь боимся сосунков?

Депардье напрягся и повернулся к де Торресу, взбешенный насмешливым тоном Мигеля.

— Я никого не боюсь, испанец, но я пришел к выводу, что этот мальчишка — шпион.

— Что за чушь! Шпион? Чей? Разве что мальчишка на побегушках у той шлюхи, с которой ты спал вчера. Может, ты не заплатил ей за услуги?

Адриэн подскочил, как на пружинах, собираясь ответить на дерзкий вызов, но Леду встал между ними.

— Я не желаю драк в моем доме, господа, — заметил Бульян.

— Да это же малец совсем, — сказал португалец.

— Оставь его, приятель, пусть себе идет, — вмешался третий, — он же просто малыш.

Но Депардье не отступал. Он люто ненавидел всех англичан, и слепо верил, что этот сопляк был кем-то вроде осведомителя. Мигель силился понять, что увидел Депардье в этом мальчишке, что так его взбесило. Не оставалось никаких сомнений, Депардье был фанатиком. И он был опасен.

— А ну давай, говори, свинья! — Депардье потянул за веревку, болтавшуюся на шее

парнишки. — Признавайся, мерзавец, кто послал тебя шпионить.

Мигель сжал кулаки, и медленно подошел к французу. Пьер заметил движение Мигеля и, усмехнувшись, отошел в сторону, заметив дьявольский блеск в глазах испанца. Он не сомневался в смерти Адриэна.

Почти все косо смотрели на ослепленного злобой Депардье, но вмешиваться не могли, если хотели соблюсти порядок. Франсуа решил, что если дело пойдет слишком далеко, он сам вырвет мальчишку из когтей Депардье, несмотря на последствия.

— Но, что, господин?.. Что ты хочешь... узнать?

Француз вцепился в драную рубашонку, закрывавшую тощее тело парнишки, поднял его на две пяди от земли, хлестнул по лицу, а затем отпустил. Рубашонка окончательно разорвалась, и Мигель бросив быстрый взгляд на парнишку, увидел отметины, исполозовавшие его костлявую спину.

Мигель встал между Депардье и мальчишкой, помешав французу пнуть мальчишку ногой. В нем проснулось дикое желание покончить раз и навсегда с этим злобным мерзавцем, но он находился в доме Франсуа, и это обстоятельство помешало ему дать волю накопившемуся гневу.

— Ты английский подданный? — спросил Мигель пацаненка, встав перед Депардье.

Мальчишка с уважением посмотрел на него. Теперь с ним разговаривал не грязный, безобразный и угрюмый тип, а видный мужчина в обтягивающих черных бриджах, такого же цвета рубашке с воланами и сапогах с высокими голенищами. Парнишка отрицательно мотнул головой, потому что слова застряли в горле.

— Ты не англичанин?

— Нет, господин, — с трудом выдавил парнишка. — Точнее... мой отец родом из Дувра, а мать была бельгийкой.

— Ну, что я вам говорил? — бахвалился Депардье.

— А где они сейчас?

— Померли... от лихорадки, — мальчишка вытер нос тыльной стороной руки, — тому уж месяца четыре, господин.

— Сколько тебе лет? — поинтересовался Мигель теперь уже на чисто французском языке.

— Почти четырнадцать, господин.

— Что значит почти?

— До четырнадцати мне не хватает всего десяти месяцев, — ответил мальчишка, гордо выпятив грудь.

Мигелю пришлось по душе этот горделивый жест, но он не подал виду.

— Молокосос, — бросил он мальчишке и грозно повернулся к Депардье, — молокосос, чье тело еще не выросло для того, чтобы охаживать его плетью.

— Он — мой пленник, и я делаю с ним, что хочу. Говорю тебе, он — англичанин! От него разит на тысячу миль!

— Я бы сказал, что это от тебя разит, — насмешливо обронил Мигель.

— Я родился в Бельгии, — отважился пояснить паренек, снова привлекая к себе внимание. — Родители померли на корабле, и капитан Марсель Гриньо до недавнего времени заботился обо мне.

— Гриньо! — сквозь зубы процедил Депардье. — Этот мозгляк, который тюленя не отличит от лягушки, и который, к тому же, мертв!

— Значит, мы не можем спросить его, так? — продолжил Мигель со своим обычным спокойствием.

Леду и остальные, молча, наблюдали за этой сценой. Ни один из присутствующих не захотел открыто выступить против этого душевнобольного человека, вклинившись между ним и его пленником, потому что каждый капитан отстаивал свою независимость, и то, что он делал в промежутках между сражениями в открытом море, было его личным делом. Но, по существу, они злились оттого, что де Торрес поставил его на место.

— Оно ни к чему кого-то там расспрашивать! — примирительно сказал Адриэн. — Мальчишка — мой, и кончено. Я приволок его, чтобы мы немного развлеклись, но... — он хитро усмехнулся, — если он так волнует нашего юного и чувствительного испанского капитана, то... — Депардь обошел Мигеля, сжал в руках веревку и дернул парнишку, чтобы увести его, прежде чем испанец поймет его саркастичный намек, но стальная рука вцепилась в его игрушку.

— Я покупаю его!

Француз откинул голову назад и расхохотался Мигелю в лицо.

— Он не продается. Я тут задолжал одному гвадалупскому типу, любителю молокососов.

Вспышка черной ярости сверкнула в зрачках Мигеля, а его слова прозвучали в ушах Пьера ангельским небесным пением:

— Тогда сразимся за парнишку.

Услышав эти слова, Адриэн подрастерял часть своего апломба и выпустил из лап добычу, которая тут же отступила назад и забилась в угол. Адриэн прищурился и долго смотрел на Мигеля, выпятив вперед нижнюю губу и размышляя о брошенном ему вызове. Предложение драться было для него наилучшей и долгожданной возможностью осуществить мечты. Мигель тоже не внушал ему доверия. Депардь завидовал Мигелю. Тому, что испанец был таким, каким был; тому, что, сколотил великолепный экипаж, приведя на свой фрегат отребье, и превратил корабль в самый лучший из пяти кораблей их флотилии; тому, что завоевывал женщин одним лишь своим присутствием. И тому, что он был капитаном “Черного Ангела”! И теперь испанец преподносил ему корабль прямо на блюде.

— Драться за это никудышное отребье, испанец, было бы глупо, но мы могли бы подраться за нечто более стоящее, — предложил Депардь.

— Карты на стол.

— Если ты проиграешь, “Черный Ангел” мой.

Став на секунду серьезным, Мигель разразился смехом.

— Разрази меня гром, приплыли! — вскричал он. — Вот проклятье, не больше не меньше, как “Черный Ангел”!

— Не хочешь потерять корабль, забудь о мальчишке.

Лицо Мигеля сразу посуровело. Он ничего не сказал и направился к двери. Мужчины молча переглядывались, спрашивая себя, неужели стальной испанец отказался драться. А Депардь похвалялся перед ними... пока не услышал:

— Начнем! Не всю же ночь терять.

Адриэн ринулся к двери, и все остальные пошли за ним.

— Огня сюда, живо! — приказал Бульян.

Слуги бросились расставлять факелы, и вскоре во внутреннем дворике стало так же светло, как в гостиной. Соперники молча изучали друг друга, остальные встали вокруг и,

приняв чью-то сторону, еще до начала дуэли принялись подбадривать дуэлянтов одобрительными криками. На стороне Депардье были два человека — его верный товарищ, да еще один мастер с борта португальского корабля. Остальные поддерживали испанца. В стороне остался только Франсуа, который не любил вступать в стычки капитанов, а вот Леду горел желанием видеть Адриэна нанизанным на шпагу.

От плотного кольца зрителей отделился один высоченный пират. В силу своего большого роста он отлично видел происходящее и на расстоянии. Богатырского телосложения и угрюмого вида мужчина, почти не открывавший рта с тех пор, как они ступили в поместье, приобнял мальчишку за плечи и прижал к себе. Арман Бризе, боцман и первый помощник Мигеля, знал наверняка, кто победит в этой стычке. Парнишка еще крепче прижался к Бризе, услышав свист вытащенных из ножен шпаг.

— Не бойся, сынок, если капитан не покончит с этой мерзкой свиньей, я сам разделаюсь с ним — пират ласково потрепал мальчугана по грязным волосам.

Противники встали в позицию, изготовившись к бою. Оба опасно и настороженно двигались по кругу, а затем скрестили клинки.

Мальчишка широко открытыми глазами следил за боем, крепко вцепившись в полы камзола Бризе. Движения француза были мастерскими, но несколько вялыми; он был неповоротлив из-за своей грузности. Его противник в черном, напротив, был легок, быстр и уверен в себе. Арман тоже смотрел на ловкие, кошачьи движения своего капитана. Это было все равно, что наблюдать за кошкой, играющей с мышью. Мигель атаковал и отступал, нанося удары направо и налево, вверх и вниз, а потом снова вверх...

От каждого удара летели искры. Сторонники и того, и другого подбадривали обоих, но ни один из них, казалось, не слышал криков, полностью сосредоточившись только на противнике.

Депардье нанес ужасающе сильный удар. Мигель с большим трудом парировал его, поскользнувшись на каменных плитах двора, и тогда француз усилил мощь атаки, уверенный в том, что душа Мигеля находится уже на острие его рапиры, а самое главное, “Черный Ангел” теперь его. Однако Депардье ошибся, потому что испанец не только вмиг восстановил равновесие, но и ответил серией молниеносных ударов, заставивших француза отступить.

Мигель знал, что его главным преимуществом была скорость, и собирался загнать противника. Он заставит попотеть этого сукина сына, нагонит на него страху. Мигель забавлялся, продлевая этот бой, и даже позволяя Адриэну вернуть себе определенное преимущество. Так они и продолжали попеременно атаковать, пока Мигелю не наскучила эта забава. Когда он устал играть, ему хватило всего трех резких, уверенных и точных ударов, чтобы шпага Депардье взмыла в воздух и приземлилась у ног Армана, который лениво и невозмутимо подобрал ее.

Капитан Депардье отступил на шаг. Он тяжело дышал, как жертвенный бороз, а его противник, казалось, всего лишь репетировал. Никогда прежде он не разоружал противника так точно и чисто.

Острые шпаги Мигеля коснулись горла Депардье, и тот перестал дышать. Страх пронзил его до мозга костей.

— Ну что, Адриэн, этого достаточно? — твердо, но спокойно спросил испанец.

Депардье не осмелился даже моргнуть, и только еле слышно проблеял что-то, соглашаясь с испанцем, и не решаясь шевельнуть ни единым мускулом. Мигель вложил

шагу в ножны, взглядом отыскал мальчишку и поразился, что тот стоял рядом с боцманом. Он жестом подозвал его к себе, и парнишка живо подбежал к нему. Радостный блеск его огромных глаз был достаточным вознаграждением для Мигеля.

— Как тебя зовут, парень?

— Тимми, мой капитан. Тимми Бенсон.

— Ступай в порт, в таверну “Голубая акула”, найди человека по имени Свенсон и скажи ему, что ты пришел от меня. Он укажет, где ты будешь жить, и накормит тебя, а также хорошенько вымоет, потому что от тебя воняет. С этой минуты, парень, ты — юнга “Черного Ангела”.

На лице мальчишки был написан восторг, а на губах появилась широкая улыбка. Он выпрямился, расправил плечи, поднес правую руку к виску и задорно выпалил:

— Да, мой капитан.

— И пусть он купит тебе одежду, — крикнул Мигель вслед убежавшему Томми.

Людской круг распался, все возвращались в гостиную. Пьер подошел к испанцу, не веря тому, что тот только что сделал.

— Ты дашь ему уйти? Мне кажется, ты напрасно дрался.

— Ошибаешься, Леду, — Мигель пожал плечами, — когда Тимми поднимется на борт моего фрегата и будет находиться там, это будет напоминать Депардье, кто там главный. Забавно... — Он повернулся, чтобы посмотреть на пепельно-серое лицо Адриэна, осознавшего свое унижение, — мои люди верны мне... Даже если какая-то мразь пытается подкупить их, чтобы они взбунтовались против меня. Так будет, потому что вместо обещанных ничтожных пяти процентов капитанской доли... я даю им десять, — обронил Мигель.

Перегнувшись через борт, Келли дышала соленым ветерком, трепавшим ее волосы. Она устремила

взор на бескрайнюю ширь морских вод, темных, таинственных и пугающих в эти часы. Ее завораживал белопенный, колышущийся на черной ряби океана, след, оставшийся за кормой корабля. Келли испытывала определенный страх при мысли о том, сколько миль лежит между нею и землей, но бескрайний бархатный небосвод, осыпанный мириадами ярко сверкающих, словно подмигивающих ей звезд, приглушал ее испуг.

Девушку охватывало бесконечное счастье — она возвращалась в Англию. Да, она возвращалась

домой, и ее сердце было переполнено счастьем.

Слишком много времени и множество вещей остались позади: плантация, дядя, мстительно-

злобный и неуравновешенный кузен, рабы. Жестокость и унижения, которые она хотела, но не могла искоренить.

Девушка радовалась, проезжая верхом по землям “Подающей надежды” и сожалела о том, что ей придется покинуть Каприза, но она так скучала по дому, что колющая душу боль от расставания с лошадью смягчалась воспоминаниями о буйной зелени английских полей. Она могла бы взять жеребца с собой, но ни на одном из трех кораблей для него не нашлось места в трюмах, заваленных товарами.

Голоса матросов среди корабельной суеты звучали в ушах Келли сладостной мелодией, потому

что они приближали ее к семье. Девушка почти полностью отбыла срок ссылки, назначенный отцом, и так истосковалась по родным, что позабыла о своих разногласиях и спорах с ним. Ей просто очень сильно хотелось обнять их всех.

Когда от отца пришло письмо, в котором говорилось, чтобы она села на один из английских

кораблей, прибывших в Порт-Ройал, и отплывавших обратно через две недели, Келли от радости едва не сошла с ума. Отец добавлял также, что они скучали по ней, и с радостью и надеждой ждали ее возвращения, но о ее жалобах и недовольстве даже не упоминалось, что сильно интриговало Келли. Она написала в Англию множество писем, и в каждом из них возмущалась тем, что творилось в “Подающей надежды”, а отец даже не упомянул об этом. Как такое было возможно? Почему всегда в своих ответах он пропускал мимо ушей ее жалобы? И почему письма, которые она получала от брата, всегда были без обратного адреса, и в них тоже не было отклика на ее просьбы? Загадкой для Келли было и то, что отец принял решение позволить ей вернуться только после того, как прочитал письмо, которое она отправила Джеймсу больше года назад. Брат собственноручно написал ей, что путешествовал по Европе, а письмо ему передали, когда он вернулся в Англию. Словом, Джеймс был в неведении происходящих дел, но... отец?

— Это вполне естественно, Келли, — попыталась убедить подругу Вирхиния, когда та рассказала ей о своих сомнениях. — Ты писала ему о недопустимых вещах со стороны его родственника, но, как ни крути, кровь есть кровь.

— Для меня кровь ничего не значит, если дело связано с варварской жестокостью и

бесчеловечностью, — мрачно ответила Келли. Тем не менее, она решила забыть о бродящих в голове мыслях, своих сомнениях и глухой боли, вызванной странным поведением отца. Ненавистное поместье и тоска оставались позади, и нужно было думать о будущем.

“Конечно, не все воспоминания о прошлом были неприятными”, — с грустью подумала Келли.

Ветерок обрызгал ее пенными каплями, и Келли глубоко вздохнула. Какого черта! Она была безмерно счастлива и хотела забыть эти годы, но... сердце неожиданно обвиняюще екнуло. К чему обманывать себя? На самом ли деле она хотела забыть действительно все, что пережила на Ямайке? И этого невероятного человека тоже? И его изумрудные глаза, продолжавшие мучить ее долгими, непорочными ночами?

Келли тяжело выдохнула, вызывая в памяти ужасно соблазнительное смуглое, мужественное лицо и тело, по которому она еще вздыхала. Нет, ей никогда не забыть этого гордого, отважного испанца, мысленно призналась самой себе Келли. При воспоминании о Мигеле душа девушки разрывалась на куски.

— Снова мечтаешь? — услышала Келли обращенный к ней вопрос. Не оборачиваясь, она пожала плечами и ответила:

— Это плавание обернется для меня вечностью.

— Наберись терпения, у нас впереди еще несколько недель пути.

— Мне так хотелось бы оказаться уже дома. Вирхиния, ты даже не знаешь, как я рада, что ты едешь со мной! Я никогда не смогу полностью отблагодарить твоего отца.

— Это я должна благодарить тебя, Келли, — возразила Вирхиния, пристраиваясь рядом с подругой, — иначе мне никогда бы не удалось совершить это путешествие, хотя я еще не отошла от морской болезни, — пошутила она. — Правда, капитан совсем недавно сказал мне, что завтра мы пойдем на борт “Еврипида”. — Эта новость весьма заинтересовала Келли, и девушка вопросительно подняла бровь. — Что-то вроде торжественного ужина, — пояснила Вирхиния. — Капитан хочет отметить двадцать пять лет своего плавания по морям.

— Это обещает быть забавным, — промолвила Келли, снова глядя на меняющийся пенный рисунок за кормой. След, оставленный кораблем, был похож на свет маяка и четко выделялся на темной воде.

Вирхиния посмотрела на подругу и поморщилась. Судя по лицу Келли, девушка вряд ли находила этот план забавным.

— Тебе не нравится идея праздника? Мы уже довольно давно отплыли из Порт-Ройала, и путешествие начинает наводить тоску. Даже не представляю, что со мной будет еще через несколько дней! Я имею в виду, что ужин с музыкой и танцами нам бы не помешал.

— Наверняка.

— Думаю, я буду танцевать с тремя капитанами!

Келли рассмеялась. К счастью, во время плавания Вирхинии удавалось развеселить ее, она всегда придумывала что-нибудь, чтобы убить время. К тому же, Келли удалось уговорить дядю подарить ей Лидию, и едва они поднялись на корабль, она сразу же в присутствии двух свидетелей — капитана и боцмана — подписала для рабыни вольную. Девушка оказалась изумительной подружкой, бойкой и смышленной. Наверняка это было оттого, что теперь Лидия осознавала себя полноправным человеком. Хотя, если быть честной, больше всех во время плавания развлекала девушек Аманда Клери, шестидесятилетняя неразлучная компаньонка Вирхинии, ее дуэнья. С тех пор, как они сели на корабль, она не давала им

скупать, безостановочно рассказывая разные забавные истории о своей родной Ирландии.

— Дамы, я вижу, что предстоящий праздник поднял вам настроение, — услышали подруги за своей спиной.

— Добрый вечер, капитан, — поздоровалась с Мак-Кеем Келли. — Подружка рассказала мне о завтрашнем событии. Небольшое развлечение и в самом деле будет очень кстати.

— Мы сделаем все возможное, чтобы вы не думали, будто старые морские волки скучны и неинтересны, — улыбнулся капитан. — А сейчас, прошу вас вернуться в вашу каюту.

— Вы даже не позволите нам подняться на палубу? — жалобно спросила Вирхиния.

Продубленное морскими ветрами, загорелое лицо капитана Мак-Кея смягчилось. Капитан был невысок, но кряжист, и его скуластое лицо было слишком угловатым, чтобы казаться милым, но Мак-Кей был славным человеком, и с лихвой доказывал, что он не только превосходный моряк, но и радушный хозяин.

— Дамы, не забывайте, что вы плывете не на пассажирском судне, и еще какое-то время не ступите на землю. Не следует, чтобы экипаж пялился на вас, не знаю, как бы это объяснить... Словом, не возникло бы какой неловкости...

Причины были вескими, и девушки это понимали, тем более, что их уже предупредили об этом до того, как они поднялись на борт. А кроме того, как они могли спорить, если получили билет исключительно благодаря вмешательству отца Келли? И как могли ослушаться, если капитан принял на борт четырех пассажиров, отобрав каюту у одного из своих надежных моряков. Они слишком многим были обязаны капитану, и не собирались доставлять ему хлопот. Девушки прекрасно понимали, что женщины на борту корабля в течение длительного плавания могли создать проблемы, и не забывали, что тоже подвергались определенной опасности, находясь среди множества мужчин, долгое время не заходивших в порт, но по ночам они ненадолго с удовольствием выходили на палубу.

Мак-Кей проводил их до каюты и попрощался, пожелав приятного отдыха и спокойной ночи.

Следующий день с самого рассвета выдался пасмурным, и Келли, высунувшись в иллюминатор, от души выругалась. Она ждала такого же яркого, сверкающего дня, как и предыдущие, но стихия, казалось, была против торжественной годовщины капитана.

Келли весь день молила небеса, чтобы прояснилось, и можно было бы отметить праздник на палубе “Еврипида”, но погода с каждым часом все ухудшалась.

Несмотря на грозящий разразиться шторм, капитан приказал спустить на воду шлюпку, чтобы переправиться на другой корабль. Четыре пассажирки, боцман и он сам сели в шлюпку, на которой и доплыли до флагманского корабля.

Они чувствовали себя сравнительно уверенно, плывя в сопровождении еще двух кораблей, поскольку, по словам Мак-Кея, в этом случае вероятность нападения пиратов была меньше, а именно это обстоятельство и не позволяло кораблям плавать в одиночку. Ко всему прочему, “Дух моря”, корабль, с которого они сейчас уплыли, и “Святой Георгий” были неплохо вооружены, чтобы защитить “Еврипида”, несущего на себе самый ценный и тяжелый груз, и, следовательно, представляющего особую значимость.

Маленькая шлюпка качалась, как скорлупка, в течение всего короткого пути от корабля до корабля, но девушки были довольны этим маленьким, необычным приключением. Лидия и дуэнья Вирхинии думали иначе, поскольку их животы взбунтовались.

— Добро пожаловать, — капитан Тернер и Фергюсон, капитан “Святого Георгия”,

радушно встретили гостей, едва те поднялись на борт. Этот вечер обещал быть особенным даже для экипажей всех трех кораблей, на каждом из которых для матросов открыли по бочонку рома.

Но вот погода не способствовала празднику. Столовую устроили в личной каюте Тернера, просторной, но по-спартански простой. Келли была растрогана тем, что в их честь капитанский салон был украшен самодельными гирляндами розового цвета, изготовленными руками моряков. И это было лишь одним из проявлений уважения. Стол ломился от множества блюд и напитков, а прислуживавшие им за ужином матросы, были чисто и опрятно одеты. Дамы были от души благодарны за оказанную им честь.

Нестройным хором присутствующие поздравили капитана Мак-Кея, провозгласив тост за его двадцать пять флотских лет. Как это было принято, на первое подали нежнейший черепаший суп.

Келли была уверена, что этот вечер обещал быть необычным. Так и случилось, но по иным причинам, которые она даже не могла вообразить...

... А в это время под покровом сгущающейся на морских просторах темноты, неподалеку от трех английских судов, некий человек держал их под прицелом подзорных труб.

С “Миссионера” просигналили флажками, и пиратская флотилия Бульяна начала занимать позиции. Полученная информация об английских судах была весьма своевременной и удачной. Пираты знали, что перевозилось на каждом из кораблей, а главное, что хранилось в трюмах флагманского судна. Прежде чем пуститься в погоню за англичанами, капитаны распределили корабли между собой, и каждый из них знал свою цель. “Миссионер” и “Черный Ангел”, самые быстроходные и лучше других вооруженные, как один, нападут на “Еврипида”. Депардьё займется “Духом моря”. Португалец и капитан “Краб” возьмут на абордаж “Святого Георгия”, а потом всю добычу поровну поделят. Это правило было нерушимым, и все свято соблюдали его, если хотели остаться во флотилии Бульяна.

Непогода и приближавшийся шторм благоприятствовали пиратам, и Мигелю страстно хотелось побыстрее вступить в бой и помериться силами с англичанами, скрестив с ними шпаги.

Отважный капитан “Черного Ангела” опустил подзорную трубу, но его глаза по-прежнему были прикованы к четко вырисовывающимся силуэтам трех вражеских кораблей.

— Идем за ними, Бризе, — сказал Мигель своему помощнику. — Еще чуть-чуть, — он взглянул на небо, моля, чтобы разразилась буря, — и мы подойдем к ним.

Видимо, боги услышали его мольбу, потому что небо вмиг разверзлось, и крупные капли проливного дождя омыли палубу. Арман Бризе поспешно отдал все необходимые приказы, и изящный корабль помчался по волнам, бороздя море так неслышно, словно несся на крыльях смерти.

Со своего места Мигель бегло оглядел членов экипажа и артиллерию. Он отказался от крупнокалиберных орудий, тяжелых и малоэффективных, и предпочел снарядить фрегат большими по размеру поворотными кулевринами, способными стрелять тридцатифунтовыми ядрами. Эти пушки были весьма устойчивы при стрельбе, и их установили на нижней палубе.

Команда тщательно готовилась к атаке и последующему абордажу. Промокший до костей Мигель прошел по палубе и поднялся на бак, чтобы следовать подаваемым с корабля

Франсуа указаниям.

Не подозревая о подстерегающей их опасности, экипажи англичан праздновали вовсю. Матросы пили ром и горланили песни, несмотря на проливной дождь, заливающий палубы. Ливень раскачивал корабли, заставляя их, порой, опасно накреняться, но если ночью ром согревает желудки, то не велика важность, что стихия взбунтовалась, и на дворе непогода.

В главной каюте “Еврипида” Келли и Вирхиния танцевали без остановки со всеми капитанами, оспаривающими друг у друга право на танец. Девушки без отдыха переходили из рук в руки. Один из моряков играл на скрипке, привнося оживление в праздничный вечер. Извлекаемые им ноты соревновались со звучанием бури, хлещущей снаружи.

За ужином обе девушки выпили по чарке рома и теперь веселились, позабыв о скуке и хандре. Мак-Кей с удовольствием наблюдал за отважным соперничеством своих товарищей-капитанов и боцманов за двух девушек.

Капитан “Святого Георгия” пригласил на танец миленькую мулатку, сопровождавшую Келли, но девушка отказалась, залившись румянцем от смущения. А вот добродетель Аманды сдалась, и дуэнья согласилась потанцевать с ним после тысячи возражений и ссылок на свой преклонный возраст.

Праздник удался на славу, и шел себе своим чередом, пока вдруг с грохотом не распахнулась дверь, сильно ударив по стене, и какой-то белый, как мел, матрос не прокричал:

— Пираты!!!

То, что случилось потом, было больше похоже на всеобщее помешательство. Капитаны и боцманы врассыпную бросились из каюты и живо поднялись на палубу.

Мак-Кей с полпути вернулся и, снова заглянув в каюту, приказал:

— Дамы, оставайтесь здесь и ни за что на свете не выходите отсюда! — с этими словами он захлопнул дверь.

С палубы до женщин доносились голоса и приказы, скрип и лязг от передвигаемых вещей, проклятия и брань. Фергюсон громко требовал шлюпку, чтобы вернуться на “Святого Георгия”. Мак-Кей помог опустить шлюпочные тали, чтобы вернуться на свой “Дух моря” и принять командование над экипажем.

Келли и Вирхиния испуганно переглянулись, а мисс Клери, плача, принялась молиться. Лидия, напротив, была бесстрашна и невозмутима, и хладнокровно раздавала указания остальным. Девушка привыкла к рабскому подчинению и покорности, а посему, попасть в лапы пиратов было не хлеще рабства. Как ни крути, едва ли пираты будут обращаться с ней хуже Колбертов. Впрочем, Лидия думала не о себе, а о Келли и Вирхинии, ведь у этих двух девушек были причины бояться бездушных пиратов, осмелившихся напасть на корабль.

Лидия закрыла дверь каюты и задвинула засов, а потом начала придвигать к ней тяжелую мебель,

создавая, своего рода, деревянное ограждение. Келли поняла ее намерения, и тоже принялась за дело.

— Пираты... — причитала, заливаясь горячими слезами Аманда. — Пираты... О, боже! Что же с нами будет? Что с нами будет? Что?..

— Замолчи ты, ради бога! — раздраженно оборвала дуэнью Вирхиния, никогда прежде не решавшаяся на подобное. — Ничего с нами не случится! Не забывай, что у нас три хорошо вооруженных корабля. Эти мерзавцы не посмеют напасть на нас.

Келли искоса посмотрела на Вирхинию и толкнула ее в бок. Она отнюдь не разделяла

уверенность своей подруги. Келли слышала о пиратах леденящие кровь истории. В них говорилось, что это было скопище ужасных, кровожадных дикарей. Если они решали идти на abordаж, то вражеские пушки им были нипочем, они не придавали значения опасности. Келли задохнулась и ощутила острый запах страха, лишь только представив, что пираты могут подняться на борт корабля. Мысль о том, что они, в конечном счете, могут оказаться в руках отъявленных негодяев, так потрясла Келли, что она остолбенела. Девушка поняла, что если все для них обернется плохо, она больше никогда не увидит своих родных, и от этого в животе поселился ледяной ком панического ужаса.

— Ну давайте же, сеньорита, — поторопила ее Лидия, толкая к двери стол.

Келли мгновенно пришла в себя, она не могла допустить, чтобы ее страх передался остальным. Келли встала рядом с Лидией и решительно заявила, чтобы Вирхиния присоединилась к ним. Девушки обрели немного уверенности и попытались успокоиться, поскольку им казалось, что открыть эту дверь никому не по силам. Келли села рядом с Амандой и погладила ее по плечу.

— Вирхиния права, — сказала она. — С нами ничего не случится, но на всякий случай, нужно подготовиться. Береженого бог бережет!

Женщина снова принялась громко молиться дрожащим голосом, и Келли была готова как следует встряхнуть ее. Далекие от реальной помощи, эти полные ужаса мольбы нагоняли на девушку страх. Позабыв об Аманде, Келли начала открывать рундуки. Лидия, видимо, прочла ее мысли, и тоже рылась в вещах. Вирхиния присоединилась к ним, не понимая, что они делают.

— Что мы ищем?

— Оружие, — коротко ответила Келли. Ее лицо засветилось от радости — в одном из больших рундуков девушки обнаружили саблю, пару превосходных кинжалов и три пистолета. “Для начала довольно”, — подумала Келли. Она осмотрела пистолеты, и расправила грудь — они были заряжены и полностью готовы к использованию. Келли молча поблагодарила капитана Тернера за предусмотрительность и протянула один пистолет Вирхинии, а другой — Лидии. Третий пистолет она оставила себе.

— Ты знаешь, как им пользоваться? — Вирхиния вертела пистолет и так и этак.

— Не бойся, я стреляла много раз, — успокоила ее подруга.

— А я ни разу не стреляла, госпожа, — сообщила Лидия.

Келли не испугалась, и после короткого объяснения показала мулатке, что ей нужно делать.

— Держи его крепче... вот так, так. Сожми сильнее, и не подноси близко к лицу.

— Я не знаю, мамзель, смогу ли выстрелить, если дойдет до дела.

— Если кто-то войдет в эту дверь, то только чужаки, — ответила Келли. — Нажми на курок, Лидия, и все. Только нажми на этот чертов курок!

Келли выглядела твердой и решительной, но внутри у нее все дрожало. Она задавала себе тот же вопрос — сможет ли она хладнокровно выстрелить. Крики, доносящиеся с палубы и пушечный грохот тут же дали ответ, развеяв все сомнения. Безусловно, она выстрелит. Она сделает все, что сможет, чтобы защитить свою жизнь. Если пираты захватят корабль, вполне возможно, все погибнут, но сначала она прихватит с собой кого-нибудь из них. Один залп, и следом за ним другой прогремели в ночи, и Аманда разрыдалась пуще прежнего.

“Миссионер” и “Черный Ангел” первыми вступили в бой. Когда они подошли к неприятельскому кораблю на расстояние пушечного выстрела, Мигель просигналил руками и крикнул, чтобы англичане сдавались.

Под аккомпанемент адской бури и хлещущего, как из ведра, дождя с “Еврипида” не замедлил прийти ответ: три одновременных залпа, которые едва не достигли цели. Соленая вода забрызгала палубу “Черного Ангела”, и глотки пиратов, готовых вступить в бой, издали дружный рык. Капитан де Торрес откинул голову назад и сурово нахмурился, что являлось первым признаком гнева. Затем он приказал дать одиночный залп, и его пушки послали смертоносный привет англичанам, хотя он четко велел побережь корабль, поскольку пустить его ко дну было бы глупой расточительностью.

В это время фрегат Бульяна присоединился к бою, и еще четыре залпа вспенили воду вокруг “Еврипида”.

Между тем корабли Депардье, “Краба” и Барбосы выполняли свои задачи, окружив “Святого Георгия” и “Духа моря”, которые поспешно и беспорядочно отстреливались, впрочем, безо всякого успеха.

Английские капитаны тут же заметили преимущество вражеских фрегатов. Три их корабля, хоть и хорошо вооруженные, с трудом могли отразить нападение пиратов, а поскольку речь шла не об одном корабле, это могло означать, что нападение было спланировано заранее. Оказывать сопротивление одному пиратскому судну было само по себе рискованным делом, а уж несколькими сразу — просто безрассудным.

“Святой Георгий” первым поднял белый флаг, вторым был корабль Мак-Кея. На палубах пиратских кораблей раздались победные вопли, и Тернеру не оставалось ничего другого, как последовать примеру двух первых капитанов, приказать поднять белый флаг и сдаться. Не в первый раз он сталкивался с подобными дикарями и надеялся остаться в живых, чтобы впоследствии поквитаться. Он, не отрываясь, смотрел на два развевающихся на мачтах флага: один был французский, но вот другой, череп со скрещенными костями, любой моряк связывал с кровью и жестокостью.

— Чертов флаг, черный, как сама преисподняя! — проворчал Тернер.

В предыдущие налеты эти мерзавцы брали его корабль на абордаж и забирали весь товар, но в этом случае его угнетало то обстоятельство, что он не имел возможности защищаться. И все же ему следовало подумать об экипаже и, особенно, о женщинах, которые плыли на борту его корабля. Проклиная сквозь зубы свою судьбу и невезение, Тернер внимательно смотрел на спокойно приближающийся корабль, готовый к абордажу.

... Мигель тоже не прыгал от радости. Эти несчастные дьяволы почти не сопротивлялись, а он жаждал боя по всем правилам. Англичане слишком быстро подняли этот чертов белый флаг, а его принципы обязывали отдать приказ о прекращении огня. Мигель знал, что зачастую корабли, на которых развевалось белое полотнище, все равно топили, но у него был свой кодекс чести, повелевавший не атаковать сдавшегося врага, хотя его до крайности бесило, что развлечение сорвалось. Он жаждал всей душой, чтобы проклятые англичане показали зубы, чтобы выдрать их один за другим. Его так и подмывало избавить мир от нескольких подданных Его Английского Величества.

Погруженный в свои дьявольские искушения, Мигель не замечал маневра

“Миссионера”, пока едва не стало слишком поздно. Проклятый Франсуа пытался опередить его, и первым взял на бордаж “Еврипида”.

Подстегнутый этим вызовом, Мигель вскочил на планшир и показал Франсуа кукиш. Тот не остался в долгу и отвесил в ответ шутовской поклон.

— Месье Бризе! — гаркнул Мигель со всей мочи, и буквально через секунду Арман уже был возле него. — Бульян хочет опередить нас!

— Ставлю два бочонка рома, что ему не удастся обойти нас! — осклабился Бризе.

И Мигель, и Франсуа подбадривали людей, призывая первыми взять англичан на бордаж. Речь шла о состязании двух капитанов. До Армана доносился звучный баритон Мигеля, пробивающийся сквозь не покидающий их штормовой рокот:

— Четыре бочонка черного рома, парни, если мы обставим “Миссионера”!

Рев нескольких дюжин глоток послужил ответом, и “Черный Ангел” заскользил по волнам на всех парусах. На корабле Франсуа тоже слышались подбадривающие голоса, и это подстегивало Мигеля. Ведь в этой игре пока побеждал Франсуа. С тех пор, как Мигель присоединился к флотилии Бульяна, они частенько соревновались. Ставка всегда была одна и та же: в первом же порту, где они вставали на причал, проигравший одну ночь оплачивал выпивку и женщин. В четырех случаях выигрывал Франсуа, трижды побеждал Мигель, и сейчас он мог отыгратья...

... Сбившись в кучку в углу каюты на борту “Еврипида”, Келли, Вирхиния и Лидия бросали друг на друга испуганные взгляды, а мисс Клери продолжала молиться и рыдать.

В каюте грохот боя был уже почти не слышен, за исключением нескольких далеких пушечных залпов да суеты и беготни на самом “Еврипиде”. Все они думали, раз корабельные пушки так быстро замолчали, значит, кто-то уже сдался, но, насколько им было известно, пираты редко сдавались.

Келли спрашивала себя, что же происходило там наверху. На самом деле она предпочла бы оказаться на палубе, а не запертой в этой каюте в ожидании дальнейших событий. Келли никогда не любила оставаться в стороне, потому что с самого детства боролась со своими страхами. Чтобы хоть как-то подбодриться, девушка прикинула на руке пистолет. Умирать от страха, не зная, что происходит, было для нее хуже, чем принимать участие в бою. Там, она, по крайней мере, знала бы, с чем столкнулась.

— Эх, родись я мужчиной... — пробормотала она сквозь зубы.

— Тебя уже убили бы из-за твоего упрямства и строптивости, — ответила Вирхиния...

... Эту партию Мигель выиграл — бордажные крючья “Черного Ангела” первыми дотянулись до борта “Еврипида”.

Торжествующие пираты с победным кличем под проливным дождем атаковали английский корабль и захватили его. Мигель приказал своей команде не бесчинствовать на борту, поскольку англичане сдались без сопротивления. Как и в других случаях, он велел забрать все ценное, что везлось на корабле, и уплывать.

Какой-то высокий англичанин отделился от своей команды и подошел к Мигелю, пока люди де Торреса приказывали побежденным матросам спуститься в трюмы и оставаться там до конца грабежа. Англичанин вытащил саблю из ножен и протянул ее Мигелю эфесом вперед. Мигель взял саблю и восхитился чудесным клинком, изготовленным на совесть, а затем с великодушием победителя вернул ее владельцу.

— Я капитан Джордж Тернер, — представился англичанин. — Мой корабль в Ваших руках, и я прошу Вас сохранить жизнь моим людям. Надеюсь, вы уважите мою просьбу, хотя

и понимаю, что обращаюсь не к дворянам, — добавил он. Мигель смерил его холодным взглядом. Если бы этот хлыщ знал, как хочется ему, Мигелю, пролить английскую кровь, он не глумился бы над ним с такой легкостью. Но, как бы то ни было, Мигель ответил:

— Даю Вам слово, капитан, а теперь, будьте добры спуститься в трюм вместе с Вашими людьми. Мы с большим удовольствием облегчим вашу ношу.

Тернер напрягся, но пошел вместе со своим экипажем, однако, сделав два шага, остановился и повернулся к Мигелю лицом. Англичанин беззастенчиво разглядывал демона в черном одеянии и прищурился, увидев в ухе золотую серьгу. С минуту Тернер колебался. Несмотря на промокшую насквозь одежду и разделявшую их враждебность, у него создалось впечатление, что перед ним стоит не флибустьер, а человек образованный и воспитанный.

— Если когда-нибудь мы встретимся с Вами при других обстоятельствах... — тихо произнес он, наконец, — будьте уверены, что я не забуду Вашего лица.

— Надеюсь, что так оно и будет, капитан Тернер, — отчеканил Мигель, гордо откинув голову назад. — Сейчас не время, но, уверяю Вас, мне бы очень хотелось при случае сразиться с Вами... если наши дороги снова пересекутся. Насаживать англичан на кончик шпаги — моя любимая игра.

Тернер отпустил ехидную колкость, а потом его подтолкнули к люку. Он не сопротивлялся, хотя его разъедал гнев. Мысль о том, что эти гады одолели его без борьбы, а теперь собираются грабить его корабль, была невыносима, но жизнь экипажа и, в особенности, жизнь женщин, находившихся на борту, была важнее. Тернер горячо молился, чтобы дамы хорошенько спрятались, и пираты их не нашли. Он не мог предугадать судьбу женщин, если эта шайка проходимцев найдет их.

Экипаж “Миссионера” присоединился к команде Мигеля, и тут же начался грабеж. Франсуа широкими шагами подошел к Мигелю и тихо проворчал что-то себе под нос, признавая поражение. Неразлучный со своим капитаном Пьер подошел следом.

— Пропади ты пропадом, чертов сын! — пробурчал француз. — Надеюсь, этот проигрыш обойдется мне не слишком дорого!

— Не будь так уверен, — расхохотался в ответ испанец.

— Тебе повезло со шквалистым ветром, поганец, он был попутным.

— Брось, Франсуа, признай, что моя команда лучше твоей, и только! К тому же, им было предложено несколько бочонков рома, а ты ведь знаешь, ром творит чудеса.

Бульян ухмыльнулся, хлопнул Мигеля по плечу, и они направились на бак, чтобы присмотреть за работой.

Пока парни Мигеля и Бульяна вытаскивали из трюма “Еврипида” рундуки и баулы, на двух других кораблях происходило то же самое. “Святой Георгий” и “Дух моря” тоже подвергались грабежу. Довольные Мигель и Франсуа помогали пиратам перетаскивать на свои корабли ценные товары: древесину, мешки с пряностями, кофе, какао, сундуки, груженные золотом и серебром.

— Похоже, наш осведомитель получил новости из первых рук, — радостно сказал Бульян. — Этот груз стоит целое состояние.

— Какой куш попросил этот наш дружок?

— Весьма солидный, но, как видишь, он того стоит.

Несмотря на то, что груз, и в самом деле, был весомым и ценным, чувствовалось, что люди были не совсем довольны. Им нравилось завоевывать добычу в бою, и все же ни один из них и пальцем не тронул экипаж поверженных врагов, строго выполняя приказы

капитанов относительно жизни англичан, по крайней мере, на “Еврипиде”. Относительно других кораблей у Мигеля не было в том полной уверенности, да и Пьер тоже не доверял проклятому Депардье. Де Торрес старался отбросить подальше свои сомнения. Какая ему разница, если этот негодяй прикончит всю команду? Ему и так найдется о чем побеспокоиться, есть вещи поважнее. Погрузка товаров с “Еврипида” отнимала все время. Дождь все не прекращался; он лил и лил, как из ведра, мешая переносить груз.

— Я возвращаюсь на “Ангела”, — доложил Мигель своему соратнику.

— Хорошо, я присмотрю за перевозкой товара.

Сидя верхом на планшире с мотком веревки в руке, Мигель заметил нескольких приближавшихся к нему мужчин. Они тащили на плече какой-то груз, и, похоже, им было нелегко.

Женщины!

Крепко выругавшись про себя и отбросив в сторону веревку, Мигель снова спрыгнул на палубу. Женщины сулили неприятности, а на кой черт ему эти проблемы!

Келли была кулачком по костлявому плечу типа, который небрежно взвалил ее себе на плечо, словно она была мешком маиса, но вот, наконец, ей удалось перевернуться. Келли вцепилась в длинные, сальные волосы пирата и изо всех сил дернула их. Пират остановился, нагнулся и, не глядя, стряхнул ее с плеча на сырую палубу. Ударившись о палубу, Келли закричала, и тут же повернулась и встала на колени, чтобы подняться, но оцепенела, увидев вокруг себя каких-то грязных типов, не сводивших с нее глаз.

Она постаралась думать быстрее. Им не удалось укрыться за мебелью, которой они подпирали дверь каюты, потому что эти негодяи разрушили преграду и ворвались силой. Конечно, они защищались, и ранили двух флибустьеров, пусть и легко, но силы были неравны. Их быстро усмирили, хоть Келли и продолжала беситься. Потом пираты взвалили их на плечо, и поднялись с ними на палубу, хохоча, матерясь и давая волю рукам.

Келли дрожала от страха, зная подобного сорта людишек. Они медленно приближались к ней, и их похотливые рожи со всей определенностью отражали намерения этого отребья.

Келли затравленно озиралась, как косуля, на которую вот-вот набросится стая голодных волков. К ее горлу подступали рыдания, потому что поблизости не было видно ни одного из моряков. Неужели их всех убили и бросили в море? Девушке даже не пришло в голову сдать, ведь борт судна был совсем рядом. Пусть это было безумием, но она и не подумает остаться здесь. Она не позволит лапать себя этим мерзким, грязным рукам.

Тип, схвативший ее, почесывал голову в том месте, за которое она его дернула. Мерзко ухмыльнувшись, он начал подходить к ней, подбадриваемый возгласами и хохотом своих приятелей. Эти звуки смешивались с рокотом моря и далекими выстрелами. “Музыка смерти”, — подумала Келли и попятилась назад. Пелена дождя едва позволяла различить что-либо; мокрые волосы слипшимися космами свисали на лицо; тяжелая, промокшая одежда, с которой ручьями текла вода, мешала свободно двигаться. Келли стиснула зубы, чтобы подавить страх, вызванный грязными намерениями этого скота, что сейчас тянул к ней обе руки. Девушка стояла на палубе, как вкопанная, но ее душа пребывала в смятении. Когда пират подошел к Келли достаточно близко, она со всей силы ударила его ногой. Послышался громкий, болезненный вопль, и Келли мысленно поздравила себя, поняв, что попала туда, куда хотела. Она повернулась, и как полоумная побежала к борту. Она предпочитала тысячу раз утонуть в морской пучине, чем быть изнасилованной толпой голодранцев.

Неожиданно кто-то встал на ее пути. Столкнувшись с этим самым кем-то, Келли пошатнулась и едва не упала снова. Железные руки подхватили ее, и она обезумела. Она снова и снова бросалась вперед, нанося удары руками и ногами, кричала изо всех сил, но каждый раз натыкалась на непробиваемую стену, которая останавливала ее. После недолгой борьбы силы девушки иссякли. Келли безумно устала, и истерично разрыдалась, сознавая неизбежную, грозящую ей опасность, и не имея возможности сбежать. И тут она услышала голос, который, казалось, вернул ее из могилы.

— Акулы не лучше нас, мисс.

Келли застыла от неумолимо сдавившего ее страха; она была не в силах сдвинуться с места, но ее сердце принялось болезненно биться в груди. Девушка не могла дышать и лишь дрожала, как осиновый лист. Этот голос! В это нельзя поверить!

Стоя в окружении бушующей толпы орущих разухабистых грабителей, Келли прищипывала свою уязвленную гордость, но та оставалась бесчувственной перед гранитной грудью, которая тряслась от смеха, продолжая задерживать ее.

Келли подняла голову, и ее глаза встретились с двумя изумрудно-зелеными озерами, заставившими сердце девушки екнуть, потому что ее страх не испарился, а приобрел новую жизнь. Перед ней стоял вымокший до костей мужчина в черной одежде, сливающейся с темнотой. Этот мужчина лишил ее сна с того момента, как она его узнала, а теперь он притягивал ее, как никогда, подчиняя своей власти. Келли выпрямилась и резким, как щелчок кнута, голосом сказала:

— Освободи меня немедленно, Мигель.

Мигель и ухом не повел. Его мышцы напряглись, и он лишь крепче сжал девичье тело, которое вернулось к нему, как сон. Он не мог выдержать взгляд Келли. Ее лицо, ее голубые, как сапфир, глаза сводили Мигеля с ума, лишая разума. Сколько раз он мечтал обладать ею? Сколько бессонных ночей провел, вспоминая ее поцелуи? Сколько женщин было у него с тех пор, как он сбежал из Порт-Ройала и присоединился к пиратской флотилии Бульяна, но все они затерялись где-то, исчезли в никуда. Что значили они для него, кроме забавы? Да так, ничего, простое развлечение. Ни одна из них не поселилась в его сердце, потому что его украли англичанка, которую он ненавидел. И сейчас она стояла перед ним!

— Эй, капитан! — крикнул пират, вытащивший Келли из каюты. — Это я схватил девчонку!

Он сделал, было, шаг, чтобы подойти к Келли и увести ее с собой, но одного движения Мигеля было достаточно, чтобы остудить его.

Келли хотела воспользоваться моментом и вывернуться из рук Мигеля, но добилась только того, что он еще крепче прижал ее к себе, схватил рукой за волосы и откинул ее голову назад.

Келли взглянула на Мигеля и задрожала, потому что увидела на его губах властную улыбку и почувствовала, что ее судьба будет хуже, чем она представляла.

— Вот мы и встретились снова, мисс Колберт, — вкрадчиво прошептал ласковый голос.

Келли, как разгневанная кошка, металась из стороны в сторону по каюте, в которой ее заперли. Ее поместили отдельно от попутчиц. В последний раз, когда она видела Вирхинию, какой-то высокий, светловолосый тип схватил ее, не давая подойти к подруге. Она дралась, как дикий зверь, но добилась этим только того, что доставила удовольствие тому мерзавцу. Об Аманде и Лидии она вообще ничего не знала и была как на иголках, испытывая страх за судьбу подруг, хотя, если быть честной, за себя она боялась больше.

Сидя взаперти в своей каюте, Келли то и дело поглядывала в иллюминатор. Значит, с недавних пор прежний дядин раб стал пиратом!

Келли оглядела каюту, присматриваясь к окружавшим ее вещам и спрашивая себя, как напавший на них корабль мог быть таким уютным. Просторная каюта была отделана с большим вкусом. Кровать, стоящая параллельно кормовому балкону, который сейчас был наглухо закрыт, дабы она не натворила каких-либо глупостей, больше подходила для дома, нежели для корабля. Мебель была расставлена по своим местам. Ее было немного, зато вся она была добротной и удобной. А еще были ковры. Словом, каюта была уютным уголком, которым Келли, в силу теперешних обстоятельств, не могла насладиться.

Она ломала голову, размышляя, какой случай свел Мигеля с подобного рода людишками. После нападения на Порт-Ройал все считали его погибшим и погребенным по грудой обломков, как многие другие, чьи изувеченные тела было совершенно невозможно опознать после того, как их достали из завала. В ушах Келли все еще звучали дядюшкины проклятья из-за понесенных им убытков. И вот теперь, как по щелчку фокусника, Мигель снова ворвался в ее жизнь. Разве она не стала забывать его? Келли посмотрела на свое отражение в зеркале, привинченном к полу, и иронично усмехнулась. Забывать его? Какого дьявола она хотела обмануть? Она никогда не забывала Мигеля. Все это время ее тело трепетало при воспоминании о нем. Немало горючих слез пролила она, думая, что Мигель мертв.

По спине Келли пробежала дрожь. Она испугалась, вновь вспомнив обвиняющий взгляд испанца, когда того затаскивали в телегу, которая должна была увезти его из поместья. И тем не менее, взгляд Мигеля той ночью, когда они встретились снова, обвинял ее вдвое сильнее. Девушка заметила, что в его зеленых холодных глазах сохранилась не только ненависть, но и тень неудержимой мести.

Сдерживая дыхание, Келли села на краешек кровати. Какое-то время снаружи не было слышно ни звука, словно фрегат опустел. Спокойствие и умиротворение овладели кораблем, и тишина была почти такой же гнетущей, как прежний невообразимый гвалт.

Но нет — дверь с шумом распахнулась, и в каюту ввалился какой-то невысокий, коренастый и сильный, как бык, тип. Сердце девушки отчаянно забилось. Она попятилась назад, но матрос, не глядя на нее, подошел к столу, грохнул на него блюдо, и лишь после этого во все глаза вытаращился на Келли. Он ухмыльнулся и сделал шаг вперед. Келли открыла рот, чтобы закричать, и тип остановился. Он с головы до ног пожирал ее глазами, похотливо облизывая губы языком. Келли судорожно сглотнула, но тип вышел из каюты и снова запер дверь на ключ.

С минуту Келли не решалась даже шевельнуться. Сердце продолжало бешено колотиться в ее груди, и девушка снова села на кровать, проклиная свою судьбу и невезение.

Келли посмотрела на еду, но есть не хотелось. Ну как тут проглотишь хоть кусочек, когда от этого кошмара в животе ужасная свистопляска? Она постаралась рассуждать логически. Итак, они находились в руках злодеев. Но что, в конечном счете, интересовало пиратов, кроме денег? Выходит, у нее оставалось только одно средство — попытаться поторговаться с ними. Если пираты их не тронут, то она позаботится, чтобы они получили хороший выкуп. Нет сомнения — за ее освобождение отец заплатит, сколько они попросят. Она не знала ни одного вора, который отказался бы от золота. Впрочем, подумала Келли, впадая в панику, пираты могли продать их в качестве рабынь.

Погрузившись в свои мрачные мысли, Келли не заметила, что в каюте она уже не одна. Девушка пребывала в сомнениях и не обращала внимания на постороннего. Выпятив вперед нижнюю губу, она сосредоточенно накручивала на палец один из локонов. Раздавшееся за спиной тихое покашливание заставило ее подскочить, как на пружинах, и обернуться.

Мигель неслышно вошел в каюту и стоял, прислонившись плечом к косяку двери. У Келли глубоко изнутри поднялся к горлу какой-то ком, и она, сама не желая того, сделала шаг назад. Мигель усмехнулся, словно беззащитность девушки забавляла его, и именно эта лукавая усмешка придала ей сил на достойный отпор. Келли вздернула подбородок и с вызовом посмотрела на Мигеля, спрятав дрожащие руки за спиной.

Мигель, в свою очередь, равнодушно поглядел на нее и захлопнул дверь каблуком сапога. Он промок до костей и досыта навоевался с командой, оспаривавшей свою часть добычи, еще не оценив ее. Сейчас ему хотелось только переодеться и отдохнуть. За окном уже светало, он не спал больше суток, так что сухая одежда, легкий ужин и кровать — вот и всё, чего он желал.

Во всяком случае, таковы были планы, которые строил Мигель в своей усталой голове до тех пор, пока не увидел Келли, а потом всё рухнуло в одночасье. Он просто не мог отвести от нее своих глаз. Мигель сразу узнал Келли, и его первым побуждением было свернуть ее милую шейку, но это длилось всего лишь мгновение. Он должен был осуществить свою месть, получить сполна за то, как обошлись с его братом и невестой, а краткие секунды агонии, пока он станет душить англичанку, послужили бы недостаточной компенсацией.

Келли холодно и гордо продолжала смотреть на Мигеля в упор, но он знал, что девушка боится. Страх был там, в зрачках ее сапфировых глаз, и он чувствовал его запах. Ему нравилось пробуждать в ней страх, это тоже было, своего рода, компенсацией. Используя Келли, он, наконец-то, поквитается за свою безграничную боль и унижения. “Эта английская куколка, — говорил он себе, — должна узнать, как платит за себя испанский дворянин”.

Проблема для Мигеля состояла в том, что перед этой беззащитной женщиной, так отважно бросающей ему вызов, в его безжалостном сердце открылась маленькая щелка нежности. Другая на ее месте рыдала бы, умоляла. Любая другая, но не Келли. Тысяча чертей! Да что с ним происходит? Почему она по-прежнему так желанна?

— Я требую разговора с капитаном.

Вот черт, она еще позволяла себе требовать. Мигель прикусил щеку, чтобы скрыть улыбку. Подумать только, эта ничтожная паршивка требовала. Она не просила, а приказывала. Неужели она действительно знала, кем он был на корабле?

— Зачем?

— Я хочу предложить ему сделку.

— Это его не интересует.

— Тогда пусть он сам мне об этом скажет. Я прошу Вас отвести меня к нему.

— Мисс Колберт, я же сказал Вам, что никакие сделки с пленницей капитана не интересуют. — Тон Мигеля был таким категоричным, что Келли онемела.

Устало вздохнув, Мигель прошел по каюте, открыл рундук с вещами и достал оттуда рубашку и штаны, а затем из соседнего рундука вытащил сапоги с высокими голенищами.

Келли решила настаивать на своей просьбе, а потому продолжала свои маневры, с интересом наблюдая за Мигелем и стараясь унять свое часто и беспорядочно бьющееся сердце. Она увидела, как мужчина отцепил саблю, висевшую на бедре, и бросил ее на кровать. На долю секунды в голову Келли закралась мысль разделаться с Мигелем, но она поспешно отогнала ее прочь, ведь ей не удалось бы даже дотянуться до клинка. Когда Мигель снял рубашку, в глазах девушки появилась нежность. Она любовалась его стальными мускулами, смуглой кожей, широким разворотом его саженных плеч...

Мигель повернулся к Келли спиной, и девушка едва не застонала — на спине испанца еще были заметны белесые рубцы, оставшиеся от кнута Эдгара. Мигель сел на край кровати и стащил сапоги.

— Советую Вам смотреть в другую сторону, мисс Колберт, если не желаете краснеть. — Мигель сунул большие пальцы за пояс штанов и стянул их. Заглушив крик, Келли отвернулась, чувствуя, как жар заливает ее щеки. А позади нее... Неужели он смеялся? Конечно, да! Он смеялся над ней, но Келли, сцепив руки, продолжала внимательно наблюдать за действиями Мигеля.

В стекле иллюминатора, ее верном союзнике, ясно отражалось сильное и ладное тело мужчины. От вида Мигеля у Келли неожиданно защекотало в животе. В свете керосиновых ламп она видела смуглокожего брюнета, чьи коротковатые волосы еще больше подчеркивали ширину его плеч. Келли сосредоточила свой взгляд на золотой серьге, украшавшей ухо пирата, и золотом браслете с изумрудами, красовавшемся на его запястье.

Вот он, алчный и продажный наемник! Келли сдержала обвиняющие охи и вздохи, потому что Мигель был еще более красив и привлекателен, чем она его помнила. Келли крепко зажмурилась и не открывала глаз, пока Мигель не сказал:

— Все, можешь смотреть на меня.

Келли медленно повернулась к нему, и ее глаза округлились — на Мигеле были только плотно облегающие бедра черные штаны и сапоги. На его голой, смуглой, мускулистой груди еще поблескивали дождевые капли.

Присутствие Келли в каюте, видимо, означало для Мигеля чуть больше, чем просто живая душа за компанию, если он даже забыл о своем неумном желании, не покидавшем его с того момента, как он узнал ее. Мигель вытерся рубашкой, отбросил ее в сторону и сел за стол. Он снял с блюда крышку и приступил к еде.

Келли не двигалась, но в ее голове начали возникать тысячи мыслей и вопросов. Какое место занимает Мигель на пиратском судне? Почему он действовал с такой уверенностью? И что он делал в этой каюте?

— Ты говорила, что хочешь побеседовать с капитаном... — не переставая есть, начал разговор Мигель. Келли молча кивнула, хотя стояла за спиной Мигеля, и он не мог ее видеть. — Тогда можешь говорить, что хотела.

Вот оно что! Значит, Мигель был капитаном! Она находилась в капитанской каюте, а он командовал этим кораблем! Келли отступила на шаг и ухватилась рукой за спинку кровати. Эта новость сразила ее наповал. Она находилась в руках человека, который когда-то был

рабом у дяди, а теперь верховодил шайкой злодеев. Келли приложила все силы, чтобы успокоиться, и с напускной уверенностью произнесла:

— Мой отец заплатит вам хороший выкуп, если вы вернете нас целыми и невредимыми.

Келли показалось, что мускулы на спине Мигеля напряглись. На минуту в каюте воцарилась тишина, а затем Мигель ответил:

— К этому времени, мисс Колберт, я накопил богатства более чем достаточно, чтобы меня соблазнил Ваш выкуп.

Келли проглотила свою гордость и подошла к Мигелю.

— Никто не отказался бы от столь значительной суммы денег, — тихо сказала она.

— А я отказываюсь! — рявкнул Мигель и резко привстал из-за стола, вынуждая Келли снова отступить. К величайшему удовольствию Мигеля в зрачках сапфировых глаз отразился страх. Эта английская гарпия была в его руках, и сейчас она заплатит за все! Однако Мигель заставил себя успокоиться и снова сел. — Если хочешь что-нибудь поесть, то здесь хватит на двоих. И забудь о том, чтобы выйти отсюда.

Келли не могла и пальцем шевельнуть, казалось, она окаменела и была похожа на статую. Судя по категоричности ответа, ее сомнения превращались в очевидность. Келли боялась Мигеля, потому что он слишком сильно изменился с того дня, когда она увидела его в последний раз. Он уже не был рабом, которого Эдгар едва не заporол кнутом до смерти, и которого от зари до зари заставляли гнуть спину на полях сахарного тростника. Эти раны никогда не затянутся полностью. Теперь Мигель был свободным; он стал жестоким и бессердечным, почти как дьявол, и Келли чувствовала себя как никогда уязвимой.

— Где остальные дамы?

Мигель повернулся к ней, чтобы ответить. На секунду он показался ей снова тем человеком, который покори́л ее в “Подающей надежды”, но только на секунду, пока не произнес:

— Молодую белую переправили на другой корабль, а старая и мулатка на борту.

— С ними все... хорошо?

— Вам следовало бы беспокоиться о себе, мисс.

— Возможно, но я спрашиваю о них.

— Желаете знать, не изнасиловали ли их?

Это вполне могло произойти, и у Келли слегка закружилась голова.

— Я хочу знать, все ли у них в порядке, и не издевались ли над ними.

— Какая женщина не чувствует себя прекрасно, славно покувыркавшись в постели?

— Подлец! Выродок!

“Ну и дамочка, черт ее возьми! — подумал Мигель. — Все так же заносчива и тщеславна!”

— А ты не растеряла своих королевских замашек, Келли, правда?

Раз от раза Келли все больше теряла уверенность, и теперь она молча слушала Мигеля. Ей нужно было знать ответ на свой вопрос.

— Бризе, моему боцману, похоже, приглянулась эта красотка цвета кофе с молоком. — При этих словах в животе Келли образовался огромный, тяжелый ком. — А кто та, другая женщина?

— Дуэнья моей подруги.

— Отлично, — Мигель снова отвернулся и продолжил есть. — Ей нечего бояться, она слишком стара, чтобы понравиться моим парням.

— Ты хочешь сказать, что у Лидии есть все основания, чтобы бояться?

— У Лидии? Кто это?

— Моя служанка.

Мигель развлекался игрой, гоня еду по блюду.

— Арман Бризе никому не позволит и волоска ее коснуться, — небрежно обронил он. — Сдается мне, он решил оставить ее себе.

— Военный трофей, не так ли?

— Вот именно.

— А я?

Быстрый ответ Мигеля стал для Келли пощечиной:

— Ты? Ты — мой трофей, красотка.

Мир мог вдребезги разбиться и разлететься на тысячи осколков — Мигелю было все равно. Для него не существовало ничего, кроме губ Келли, отвечающих его губам. Они были такими же сладкими, какими он их помнил. Их пленительный вкус порабощал его, привязывал к ней.

Остались далеко позади, сброшенные в бездну забвения, многочисленные, ничего не значащие любовные интрижки. В эти минуты существовала только она одна, женщина, сводившая его с ума, похитившая волю, та женщина, под чью дудку он плясал.

Мигель оторвался от девичьих губ, чтобы прижаться к ладоням девушки и любоваться ею. Келли обнимала его за шею, закрыв глаза и часто, прерывисто дыша. Она приподняла бедра и пошевелилась в его объятиях, словно нуждаясь в его страсти. Ее податливость подстегивала желание Мигеля слиться с ней воедино.

Он подхватил Келли на руки, подошел с ней к кровати и бережно положил на нее, словно она была самым чудесным и драгоценным сокровищем. “Что со мной сделала эта женщина? — спрашивал себя Мигель, глядя на порозовевшее лицо Келли, обрамленное, словно солнечными лучами, локонами ее волос. — И кто же из нас теперь пленник, если одно ее слово свергло бы меня с небес в крошечный ад? Кто из нас раб?”

— Оскорби меня, — мысленно молил Мигель, — всего раз оскорби, чтобы это помогло мне освободиться от болезненной тяги к тебе.

Но Келли не слушала его. Мигель видел только пару горящих желанием глаз, затерявшихся в его глазах и освещавших его мрачное существование. В зрачках девушки читался призыв и те же чувства, что испытывал он сам.

Не отрывая взгляда от этого чудесного пиршества, преподнесенного ему судьбой, Мигель нагнулся, стянул сапоги, снял рубашку и снова поцеловал Келли. Затем он поднялся, чтобы стянуть штаны.

Глаза девушки расширились, когда она увидела обнаженное тело мужчины, и член Мигеля стал еще тверже. Келли ласкала испанца взглядом, и он снова погрузился в вихрь давно подавляемой страсти. Несчастный мечтатель, он напрасно считал, что справился с ней.

Келли не могла и не хотела отрывать от Мигеля свой взгляд. Если он притягивал ее и в одежде, то видеть его обнаженным было все равно, что слушать прекрасную музыку. Это была симфония для глаз, которую невозможно описать словами. Если бы она была скульптором, то изваяла бы это тело в бронзе, чтобы им любовались в грядущие столетия. Тело мужчины было поистине прекрасным: смуглая кожа, ни грамма жира, и мускулы, похожие на натянутые канаты. Нимало не смущаясь, без проблеска стыда, Келли смотрела на дерзко и гордо торчащее посреди гнезда темных, мягких завитков достоинство. Он казался ей богом и удивлял ее своей мощью, а ведь она только смотрела на него. Келли улыбнулась.

Остатки здравого смысла, сдерживавшие Мигеля, испарились, и он накрыл ее своим телом. Он пил ее, как пьет пчела нектар с цветов. Он снова овладел губами Келли и восхищался ими, его язык отыскивал ее и сплелся с ним, пока еще неопытным, состязаясь в страсти. Для Мигеля именно неопытность девушки была наилучшим из подарков. Она еще больше возбуждала его.

Келли подавила тихий вскрик, когда жаркие губы Мигеля оторвались от ее рта, чтобы сполна насладиться грудью. Жидкий огонь струился по ее венам, и девушка чувствовала, что задыхается от незнакомых доселе ощущений. Келли была не готова к такому наплыву страстей и могла только цепляться за Мигеля, как цепляется за соломинку утопающий.

Мигель сдержал свои стоны, вернувшись к губам Келли, а его руки подобно сладострастным змеям терялись в ущельях и возвышенностях ее тела. Целиком отдавшись во власть Мигеля, девушка подумала, что ее тело уже не ее. Она хотела ласкать Мигеля, почувствовать его внутри, хотела слиться с ним воедино, стать одним существом, одним дыханием. Ее пальцы царапали шрамы испанца. На миг девушка застыла. Мигель оперся на локоть и был поражен, увидев, как по щекам Келли скатились две слезинки. Он неправильно истолковал девичьи слезы, а, может, ему хотелось думать, что англичанка плакала оттого, что расплатится с ним своей честью. Как бы то ни было, но Мигель уже не мог остановиться. Если бы он остановился, то просто умер бы. Он коленом раздвинул ноги девушки и вошел в нее. Келли едва не задохнулась. Она так страстно хотела этого, что почувствовала только легкий укол, а затем ее поглотил вихрь, подстегивавший увлечь частичку желанного мужчины еще глубже в себя, поглотить, чтобы никто не смог разъединить их. Келли приподняла бедра, помогая Мигелю, пока kloчущий внутри него вулкан не извергся, достигнув вершины. Среди резких толчков послышался хриплый мужской стон, слившийся с произвольными криками девушки.

Истощенная и физически, и морально, Келли расплакалась. Она так и уснула вся в слезах. Во сне девушка обнимала Мигеля, не зная, что его душа разрывалась на части, ведь он не догадывался, что ее плач был порожден мрачными воспоминаниями о его страданиях в “Подающей надежды”, и был убежден, что она отвергала его.

Обняв колени, Келли сидела на кровати и перебирала в памяти последние часы. С того момента, как она проснулась, девушка не переставала спрашивать себя, как это случилось. Как она могла вести себя так и допустить подобное? Ведь она не только отдалась ему, но и упивалась его ласками. Келли даже теперь краснела, вспоминая, как они ласкали друг друга.

Она совсем потеряла голову. Келли старалась убедить себя, что Мигель все равно овладел бы ею, даже если бы она сопротивлялась, но ведь она не сопротивлялась, наоборот, сама упала в его объятия, потому что так желала. Она вела себя, как дура, потому что хотела его. Будь он проклят! Она хотела его с тех пор, как увидела впервые в Порт-Ройале на торгах, где он был выставлен на всеобщее обозрение, но держался на помосте с горделивым достоинством.

Келли ненавидела себя за то, что страстно хотела его. Ненавидела, потому что знала — Мигель использовал ее, как любую другую женщину. Все сводилось к тому, что он удовлетворял свои потребности заносчивого самца. Она была молода и, судя по словам других, красива, а он... он был любителем приключений на море и в постели. Ему ничего или почти ничего не стоило лишить ее девственности, для него это не имело особого значения. К тому же, в ушах Келли еще звучали презрительные и злые слова Мигеля, напоминающие о том, что она здесь рабыня. Вот он и взял от рабыни все, что хотел, только и всего.

Келли горько плакала, сознавая, что всё обстояло именно так, что она принадлежала Мигелю и ничего не могла исправить. Она рыдала все сильнее, потому что при мысли о нем ее охватывало какое-то глубокое и теплое чувство.

— Будь ты проклят! — всхлипнула Келли. Она была пленницей Мигеля, и могла лишь

терпеть это, будучи самой несчастной женщиной в мире, потому что испанец ненавидел англичан, и посему питал к ней отвращение. У Мигеля были веские причины для ненависти, но Келли страдала от этого. Девушке было так больно, словно ее раны посыпали солью.

В дверь постучали, и Келли быстро прикрылась простыней.

— Войдите!

В каюту со своей обычной непринужденностью вошел Тимми Бенсон, и Келли спрятала лицо за волосами, стараясь скрыть опухшие глаза и тайком утирая слезы краешком простыни.

— Хотите что-нибудь поесть, госпожа?

— Нет, спасибо, — Келли изобразила слабую улыбку. — Я хочу, чтобы ты сел и рассказал мне кое-что.

— Ты плакала? Он плохо обращался с тобой? — не взирая на уловки, спросил паренек.

— Мы, женщины, плачем по любому поводу, Тимми, — уклончиво ответила Келли, не желая спорить. — Побудь со мной немного, — она хлопнула рукой по матрасу, приглашая мальчонку присесть.

— Что ты хочешь, чтобы я рассказал? — снова спросил парнишка, неловко переминаясь с ноги на ногу и подозревая, что из одежды у девушки была только простыня.

— Ну что же ты? Садись. — Тимми смирился и присел на самый краешек кровати у нее в ногах. — Расскажи мне, какой он, твой капитан?

Тимми шмыгнул носом и пожал плечами.

— Капитан... ну он и есть капитан, — ответил он, словно и так все было ясно, мол, что тут объяснять.

— Но ты же плаваешь с ним, живешь рядом с ним. Как он с тобой обращается? Как?

— Капитан — хороший человек, добрый. Знаешь, он спас меня от капитана Депардьё. Тот боров бил меня палкой и хотел убить, а капитан бросил ему вызов. Сомневаюсь, что он сделал это только из-за меня-бедолаги, думаю, скорее всего, он ненавидит Депардьё. Он вызвал его на дуэль и поставил на кон “Черного Ангела” против меня.

— А что это такое “Черный Ангел”?

— Да это же наш корабль, госпожа. Самый лучший фрегат во всей пиратской флотилии капитана Бульяна.

— А кто такой этот Бульян?

Так, мало-помалу, Тимми подробно рассказал ей о своей жизни, о днях, проведенных на корабле, и о главных действующих лицах. К концу разговора Келли уже знала по именам всех капитанов флотилии, названия их кораблей и, конечно же, ей стали известны все подвиги Мигеля в сообществе пиратов в изложении восхищенного мальчика, а также слухок об имевшей место на острове Гваделупа драке двух женщин за благосклонность капитана с “Черного Ангела”. Из разговора с парнишкой Келли сделала два вывода: первый — Мигель был не так свиреп, каким хотел казаться, и второй — он нажил очень опасного врага в лице Адриена Депардьё.

— Тебе нечем заняться, сопляк? — Тимми и Келли одновременно обернулись.

Мальчишка вскочил с кровати с быстротой пули и вытянулся в струнку, сцепив руки за спиной и глядя в пол.

— Тебе нравится моя кровать, малец? — паренек ждал, затаив дыхание. — Или тебе нравится то, что в ней? — глаза Мигеля дерзко оглядели тело девушки, отмечая натянутую ею до подбородка простыню.

Веснушчатое лицо паренька покраснело, как перезрелый помидор, и он только молча разевал рот, как рыба на суше, которой не хватает воды. Мигель схватил мальчишку за ремень, приподнял, отнес к выходу и носком сапога дал под задницу легкого пинка, а затем захлопнул за ним дверь.

— Ты не считаешь, что кое для чего он слишком молод? — насмешливо спросил Мигель.

— Живя среди таких подонков, как вы, он быстро всему научится, — молниеносно ответила Келли, не дав ему и дух перевести. Она хотела защитить Тимми, которого Мигель унижал, но тот воспринял ее слова, как личное оскорбление. Двумя шагами он подошел к кровати и схватил девушку за волосы.

— Научится он или нет, но я никому не позволю виться среди моих вещей, — спокойным голосом категорично и резко сказал он. — А ты принадлежишь мне! Поняла? — от Келли так приятно пахло, и она была так близко, что ее губы притягивали Мигеля, как магнит. — Если я снова увижу здесь этого молокососа, то я его...

Пощечина прозвучала, как щелчок кнута.

Оцепенев от изумления, Мигель испепелял Келли гневным взглядом. Она осмелилась поднять на него руку? Обуреваемый противоречивыми чувствами, де Торрес не шевельнулся. Его лицо находилось вплотную к лицу девушки, и Келли отчетливо видела эти чувства, но не понимала, что они означают. Мигель выпустил из рук ее волосы и вышел, обронив на ходу:

— Не испытывай мое терпение, английская ведьма, или я забуду, что ты женщина, и применю к тебе то же воспитание, что получил от твоего двоюродного братца.

Пока Келли проводила взаперти остаток дня, экипаж “Черного Ангела” во главе с капитаном праздновал свою победу над английскими кораблями. Как и обещал Мигель, были открыты бочонки рома, и вся команда кутила напропалую, за исключением вахтенных.

Находившийся на баке Бризе, облокотился на борт и искоса посмотрел на капитана, который продолжал хранить молчание. Мигель не проронил ни слова с тех пор, как поднялся на палубу. К тому же он пил, как сапожник, что было ему отнюдь не свойственно. Хотя Арману и казалось, что крепкий ром совсем не действовал на Мигеля, он прожил с ним достаточно долго, чтобы понять, что капитана что-то гложет.

— Все благодарны тебе за ром, капитан.

— Я всегда выполняю свои обещания, — ответил он, едва повернув голову. Но не о том своем обещании, подстегнувшем парней первыми взять на абордаж “Еврипида”, думал он сейчас, а о той клятве, что дал себе, увидев смерть младшего брата Диего.

Бризе тоже молчал, сознавая, что Мигель снова горит в своем собственном аду. Боцману было жаль капитана, потому что человек не может жить вечно озлобленным, слепым ко всему, кроме своей закоренелой ненависти.

— Что будем делать с женщинами?

— А что с ними? — поинтересовался Мигель, выйдя из оцепенения.

— Так ведь это... пленные составляют часть добычи, капитан. Парни подумывают о выкупе, который мы можем потребовать.

— Выкупа не будет, — угрюмо пробурчал Мигель. — По крайней мере, для той шлюхи, что в моей каюте. Она — моя!

— Как Вам известно, капитан, это не по нашим законам. Если Вы будете настаивать на том, чтобы оставить ее себе, у нас будут проблемы.

— Из всей добычи я возьму себе только ее, Арман. И не будем больше об этом!

Француз замолчал. Он взял флягу и отхлебнул ром прямо из горла. Мигель выхватил флягу у него из рук и, тоже глотнув рома, вернул ее товарищу.

— Не знаю, может, я лезу, куда меня не просят, но...

— Лучше помолчи.

— На кой черт сдалась тебе эта девица? — поинтересовался боцман.

Мигель так крепко вцепился в борт, что побелели костяшки пальцев.

— Она племянница того сукина сына, что купил меня в Порт-Ройале, и кузина убийцы Диего.

— Приблизительно это я и представлял, но ведь она никого не покупала и не убивала.

— Ради всего святого! — воскликнул Мигель. — Что наболтала тебе в твоей каюте эта мулатка? Это она просила тебя заступиться за нее?

— Нет, — спокойно ответил Бризе. Благоразумие подсказывало боцману не торопиться и действовать осторожно. Он хоть и не боялся вспышек Мигеля, но не хотел злить капитана еще больше. — До этого момента я мог говорить все, что думаю, и впредь намерен делать то же самое.

— Это верно, молчать не в твоих привычках, — признал Мигель.

— Вы не должны заставлять ее платить за чужие грехи. Это неправильно.

— Ты так считаешь? Не я ли сражался с любым английским кораблем, встретившемся

на моем пути? Так вот любая грязная британская свинья, оказавшаяся передо мной, заплатит за все, что они мне сделали.

— Я считаю, что вы слишком много выпили, капитан.

Мигель едва сдержался, чтобы не ударить Бризе. Мигель признавал, что Арман во многом был прав, он хлебнул лишнего, но не хотел сдаваться — он и так слишком часто делал это на Ямайке. Бормоча под нос проклятия, Мигель спустился в кают-компанию.

Бризе прищелкнул языком, глядя, как удаляется капитан. Или он круглый дурак, или эту золотоволосую красотку связывало с капитаном многое, и об этом можно было только догадываться. Однако боцман также понимал, что возникнут проблемы, когда Мигель объявит команде, что он отказывается от своей доли добычи, но оставляет себе девушку. Бризе снова отхлебнул из фляги и направил свои мысли к девчонке, находившейся в его собственной каюте. Сладость ее золотистой кожи сполна заслуживала его внимания. Капитан и сам отлично справится с парнями, а он, Бризе, до самой Мартиники собирается наслаждаться вкусом конфетки, положенной ему в рот провидением.

Мигель размахисто прошел по кораблю и спустился к матросам, но, положив руку на дверную щеколду кают-компания, спасовал. Перед глазами возникла Келли... Он развернулся и направился обратно к трюмам, где хранился ром, но остановился. Какого дьявола? Куда он шел? Он не мог бегать от этой ничтожной девки, но именно это и делал. Проклятье! Ведь это же его корабль, его команда, а она всего лишь пленница...

Келли изнывала от скуки, сидя взаперти, и не знала, как убить бесконечно тянущиеся часы. К счастью, какое-то время ее развлекал малыш Тимми. Она расспросила его о громком шуме и криках, доносившихся с палубы, и парнишка пояснил, что все празднуют и веселятся, захватив добычу у ее соотечественников, правда, особо рассказывать ему было нечего.

— Ты можешь раздобыть мне иголку с ниткой и несколько ведер воды? — спросила юнгу Келли. Она давно не мылась и выглядела грязнулей в нестиранной и порванной одежде. Платье она умудрилась порвать, вырываясь из объятий Мигеля.

— Постараюсь, — пообещал парнишка, выбегая из каюты.

Если Мигель празднует победу вместе с командой, то вернется не скоро, а значит, у нее есть время немного привести в порядок свой плачевный вид.

Тимми принес несколько ведер холодной, соленой воды. Келли благодарно поцеловала его, и парнишка покраснел до корней волос. “Какой очаровательный малыш”, — подумала Келли, интуитивно чувствуя, что он мог стать ее союзником в этой флибустьерской пещере.

На случай непредвиденных визитов Келли решила управиться со всем побыстрее. Она торопливо сняла платье, нижнюю юбку, панталоны, чулки, превратившиеся в лохмотья, которые и носить-то было нельзя, и сложила все в большой чан. За мебелью Келли обнаружила маленький ручной мыльницей с куском мыла. Девушка намылила вещи и оставила их отмокать. После этого она решила заняться собой.

Прислушиваясь к звукам из-за двери, Келли, как можно лучше, вымыла волосы и ополоснулась сама. Одно полотенце она обернула вокруг головы, а второе, побольше, накинула на себя на манер римской тоги, прикрыв наготу. Затем Келли прополоскала одежду и вывесила ее на балкон. Хорошо еще, что Мигель разрешил открыть дверь на балкон, чтобы можно было выйти и подышать свежим воздухом. Гребня у девушки не было, а волосы нужно было чем-то расчесать. Когда Келли обыскивала каюту, ища оружие, ее не интересовал гребень. Тогда ей казалось бесстыдством рыться в вещах Мигеля, а сейчас спутавшиеся волосы, свободно упавшие на спину, были истинным бедствием, но девушка

смирилась с тем, что ей придется расчесывать их пальцами. “Ладно, — утешала она себя, — по крайней мере, волосы хотя бы чистые”.

С палубы до Келли продолжали доноситься взрывы хохота и разухабистые песни. От нечего делать она окинула быстрым взглядом каюту и присмотрелась к одной из книг, украшавших полку. В книге рассказывалось о разных способах выращивания табака, и это мало интересовало Келли, но больше заняться было нечем. Девушка улеглась на балконном настиле, позволяя солнечным лучам сушить волосы, и начала читать.

Именно такой и застал ее Мигель — с полотенцем, обернутым вокруг тела, с волосами, пшеничными водопадами стекающими на голые плечи, и с книгой в руке. Келли полностью ушла в себя и была прекрасна. Как по волшебству Мигель повеселел. Он стоял, еле слышно дыша, стараясь продлить эту пасторальную сценку, чтобы она не развеялась, как мираж.

Волосы девушки сверкали и переливались под солнечными лучами, искрясь всякий раз, как она встряхивала головой, откидывая назад непослушные пряди, которые ветер упрямо подносил к ее лицу. Как обуреваемый жаждой путник, Мигель мысленно припал к ее обнаженной коже и упивался длинными руками, хрупкими запястьями, изящными ладонями, открытыми до колен ногами, проделавшими брешь в его защите, нежными, маленькими ступнями, тонкими пальцами и ухоженными, розовыми ногтями. О, господи! В низу живота невольно пробудились его инстинкты, не устояв перед мягкой плавностью женских форм.

Мигель судорожно вздохнул, но не двинулся с места, даже когда Келли, увидев его, быстро вскочила на ноги, прижимая книгу к груди и прикрываясь ею, как щитом, хотя книжка была очень слабой защитой от жадного взгляда, которым Мигель буквально пожирал ее.

Слегка смутившись, Келли вошла в каюту, положила книгу на стол рядом с картами и отступила в самый дальний угол каюты.

Мигель смотрел, как девушка пятится от него, как от чумного. “Конечно, разве это не естественно?” — с болью подумал он.

— А ты здесь удобно устроилась, как я погляжу, — де Торрес с треском захлопнул дверь ногой.

— Жаль, но мне было необходимо хоть немного привести себя в порядок, — извинилась Келли.

— А разве я разрешал тебе использовать каюту, как баню? — рявкнул Мигель.

Он не поговорил с ней спокойно, не спросил ее, а накричал, и на Келли волнами накатывало и отступало желание послать испанца к черту. Почему он так разозлился на нее? Ведь она не нарушила никаких запретов, а просто привела себя в порядок. Или для него было нормальным не мыться? А может, он хотел ее унижить, чтобы она чувствовала себя как мышь? От негодования Келли забыла о том, что она пленница, и воспротивилась:

— Мне не остается ничего другого, как сидеть в этой каюте, капитан, так что, полагаю, у меня есть право помыться, или этого права тоже нет?

В два шага Мигель оказался рядом с ней, и его руки, как крючья, вцепились в неприкрытые плечи девушки.

— С этой секунды и впредь, ничтожная дрянь, у тебя не будет никаких прав, кроме тех, что пожелает предоставить тебе хозяин. Ты поняла меня? Это первое, чему вы научили меня, когда я оказался в “Поддающей надежды”?

— А теперь ты — мой хозяин, капитан?

— Именно так, — пальцы Мигеля еще сильнее сжали плечи девушки, — твой хозяин!

Он указывал на шаткость ее положения и свою власть, потому что хотел напугать? Девушка гордо вздернула подбородок и дерзко, с вызовом ответила:

— Быстро же ты научился тому, что осуждал! И что, по-вашему, я должна делать, чтобы угодить хозяину, капитан?

Мигель остался ни с чем. То, что англичанка не испугается, не входило в его планы. Будь она проклята! Он собирался запугать ее, подчинить своей воле, унижить, как унижали его, но ему не удалось. Каждым взглядом, каждым словом, каждым жестом эта девушка бросала ему вызов. Она должна была молчать и трястись от страха, а вместо этого теперь ему придется объясняться.

Какого дьявола он собирался с ней делать?

Неожиданно Мигель понял, что ушел в оборону. Нет уж дудки! Он в упор бесстыдно уставился на Келли. Его глаза скользнули вниз по ее лицу, затем по горлу, полюбовались обнаженными плечами... и остановились на груди, плененные нежной кожей.

Келли знала, что он разглядывал ее, как разглядывают кобылу, но не подавала вида. Нет! Если Мигелю приспичило поиграть в злодея, она будет достойной соперницей. Мысленно проклиная свою глупую затею со стиркой одежды, в результате которой осталась без нее, Келли кончиком языка облизала губы. Сердце учащенно забилося, когда палец Мигеля, словно невзначай, потянул полотенце вниз в попытке заставить его соскользнуть. Келли крепче вцепилась в полотенце и постаралась отодвинуться, но руки испанца удержали ее. Проклятье! Он был так же соблазнителен, как раньше, и стоял рядом с ней.

— Полагаю, одной-двумя вещами моя рабыня доставит мне удовольствие... сегодняшней ночью.

Вот, значит, как! Теперь стало ясно, для чего он держал ее под замком. Проклятый выродок! Он хотел доиграть незаконченную в дядином поместье игру. Келли дернула плечом, и полотенце сползло чуть ниже. Несколько восхитительных мгновений Мигель пребывал в упоении. Этим секунд Келли хватило, чтобы отпрянуть от испанца и укрыться за столом, осматриваясь в поисках какой-нибудь защиты.

— Сейчас вблизи тебя нет сабли, принцесса, — насмешливо заметил Мигель, стараясь обескуражить девушку. — Я предусмотрительнее тебя и более осторожен. Но ты можешь попробовать защититься руками.

Игра в кошки-мышки началась. Мигель ловил Келли, но она раз за разом ускользала от него, используя стол в качестве защиты. Какое-то время Мигеля забавляла эта игра. Чертов мошенник хитро улыбался, уверенный в том, что поймает Келли, когда захочет. Он находил, что в ярости девушка восхитительна и, скорее, воинственна, нежели испугана.

Келли наткнулась на принесенную Тимми коробочку для шитья. Там находилось ее спасение! Девушка сунула руку в коробочку, выхватила ножницы и взмахнула ими перед Мигелем:

— Только подойди, и я проткну тебя ими.

Мигель сразу понял, что это уже не игра. Он остановился по другую сторону стола. “Видно, сам бес в нее вселился! — с восхищением подумал он. — Наверное, она никогда не перестанет удивлять меня”.

— Клянусь всеми святыми, я вздерну на рее того болвана, что притащил тебе ножницы.

— Вешай, кого хочешь, но держись от меня подальше.

— А если я не хочу?

— Рана от сабли была случайной, но если я дотянусь до тебя сейчас, то воткну эти

ножницы прямо в твое черное, поганое сердце.

— Чтобы проткнуть меня, принцесса, тебе надо для начала приблизиться ко мне, а Арман не даст тебе этого сделать, — Мигель кинул быстрый, многозначительный взгляд в сторону балкона.

Келли попала на эту нехитрую уловку. Она слегка повернула голову, чтобы посмотреть, где находится Бризе, и Мигель, не медля ни секунды, одним прыжком перемахнул через стол, перехватив запястье девушки еще в полете. В его ушах продолжали звучать обидные слова, сказанные Келли, и он уже устал от затянувшейся шутки. Оба упали на пол, их руки и ноги переплелись. Келли кричала, лягалась, кусалась, но Мигель с удивительной легкостью удерживал ее весом своего тела.

Однако Келли была побеждена отнюдь не этим. Пока девушка боролась, полотенце, едва прикрывавшее ее тело, соскользнуло, и теперь она лежала на полу полностью нагая. Келли не шевелилась, обезоруженная стыдливостью, и Мигель не знал, что делать. Оба молчали и, не говоря ни слова, сверлили друг друга глазами. В тишине каюты раздавалось лишь тяжелое дыхание уставших от борьбы людей.

Мигель испытывал неудержимое желание наброситься на эти влажные губы, призывавшие его подобно пению сирен, коснуться мягкой, бархатистой кожи, затеряться в долине ее поднимавшейся и опускавшейся от частого, прерывистого дыхания груди, обежать каждый бугорок и каждую впадинку. Неудовлетворенное сладострастие оглушало его, лишало сил...

Келли чувствовала твердый член Мигеля, упирившийся в ее живот, и со страхом смотрела на него. Мигель осознавал себя нежеланным, грязным типом, погрязшим и процветающим в болоте разбоя и грабежей, для которого жизнь и смерть не имели особого значения. Но где-то в уголке его сердца, полного ненависти, еще жили принципы, внушенные отцом, и страх в глазах Келли побуждал Мигеля утешить девушку, убедить, что ей нечего бояться. Страсть, с которой она отдавалась ему, была для его внутреннего я сродни ударам кнута. Да что с ним такое? Почему он медлит? Ведь она всего лишь проклятая англичанка!

Крепко сжав запястья девушки, Мигель наклонил голову и овладел ее губами, которые сводили его с ума еще на Ямайке, а сейчас окончательно пленили, полностью лишив воли.

Келли не сопротивлялась, а ответила Мигелю с тем же страстным огнем, что пожирал мужчину изнутри. Девушка тоже томилась от настоящей потребности овладеть Мигелем и потому вернула его жаркий поцелуй. Она обвила руками его шею и упивалась нектаром, утолявшим ее жажду, смакуя ласки и моля о том, чтобы они никогда не заканчивались.

Келли колебалась. То, чего она боялась, подтвердилось. Девушка понимала, что это означало, и внезапно в ней вспыхнул гнев. Она подскочила к кровати и схватила саблю, прежде чем Мигель успел помешать ей. Келли, как загнанный зверь, пятилась назад, держа дистанцию и размахивая саблей.

— Прежде я вырву у тебя сердце, испанец!

Мигель медленно поднялся. Он знал, что мог бы справиться с Келли, но девушка была вне себя, и могла его поранить. Она была очень напугана, а потому уязвима. Келли была в такой ярости, что могла решиться на любое безумие. Мигель шагнул к девушке, но она даже не шелохнулась.

— Брось саблю.

— Если ты подойдешь ко мне, я проткну тебе ребра, — пригрозила Келли. — Клянусь, я пушу в ход оружие.

— Не будь душой! Брось саблю, и я забуду, что ты сделала.

— Давай, подходи, если осмелишься.

Мигель пожал плечами, провел ладонью по подбородку, на котором уже отросла щетина, и посмотрел на свои руки... Келли отвлеклась лишь на секунду, вспомнив, какие чувства поднимались в ее груди, когда эти руки ласкали ее, но этой секунды было достаточно. Мигель метнулся к ней, как лев. Келли махнула перед собой саблей, но испанец уклонился от удара, и клинок просвистел в нескольких миллиметрах от него, едва не задев. Секунду спустя, Мигель обезоружил Келли и сжал ее в своих руках. Но девушка не собиралась сдаваться. Келли защищалась, как могла, она пиналась и брыкалась, но Мигель сжимал ее все сильнее, пока она не смогла даже шевельнуться. Девушка обессиленно вздохнула, и Мигель купился на эту уловку, поверив, что он полностью подчинил ее. Но Келли была не готова смириться без борьбы, она кипела от гнева, и ее маленький, но бойкий кулачок, как пуля, стремительно вонзился Мигелю в живот, и тот разинул рот от удивления. Келли не преминула воспользоваться предоставленной ей драгоценной секундой. Ее кулачок снова метнулся вперед и угодил испанцу в подбородок, правда, в этот раз девушке было больнее, чем ему. Затем Келли, как ястреб, бросилась к сабле, и ее пальцы сомкнулись на эфесе. Когда Мигель смог оправиться от изумления, Келли находилась уже в другом конце каюты и снова сжимала в руках саблю.

Глаза Мигеля уже не выражали радость от развлечения, он держался от Келли на расстоянии. Эта штучка была опасной! Проклятая девка не собиралась опускать оружие!

Келли была уверена в том, что Мигель убьет ее, если поймает, но она предпочла бы смерть. Лучше было умереть, чем быть пленницей этого чертова отродья и терпеть от него унижения.

Мигель шагнул вперед, и Келли приподняла тяжелую, будто налитую свинцом саблю.

— Не подходи, Мигель!

— Брось саблю.

— Говорю тебе, не приближайся!

— Ты теряешь время.

— Возможно, твое время вот-вот закончится.

— Эй, красотка, я начинаю злиться всерьез, — сказал Мигель, благоразумно

остановившись.

Келли казалось, что сабля невыносимо тяжела для нее. Она никогда не держала в руках столь грозное оружие, но, вероятно, ударить им не так уж сложно. Нужно только...

Мигель не дал Келли времени на раздумья. Увидев, что он бросился к ней, девушка, как умела, стала защищаться. Она махнула саблей, и кончик клинка полоснул по груди испанца, но он не отступил, а сильно ударил Келли по руке. Сабля выпала из рук девушки, и она почувствовала себя беззащитной перед яростью Мигеля. Мужчина резко толкнул Келли, и та, не удержавшись на ногах, упала и ударилась бедром о край кровати. Мигель зло пнул саблю ногой, и она, проскользив по полу, скрылась под кроватью. Де Торрес мельком посмотрел на покрасневший от крови небольшой порез, а затем впился глазами в Келли.

— Тимми! — рявкнул он, и почти тут же голова юнги просунулась в дверь. Паренек вытаращился на порез, красневший на груди капитана.

— Найди цепи.

— Что вы говорите, капитан? — Тимми не спешил выполнять приказ.

— Ты что, оглох? — взревел Мигель. — Тащи кандалы!

Паренек исчез, и капитан “Ангела” снова обратил все свое внимание на пленницу. Келли, бледная, как полотно, лежала там, куда упала, и держалась за бедро. Изрыгая проклятия и чертыхаясь, Мигель схватил бутылку рома и плеснул изрядную порцию себе на рану, а потом стер кровь первым, что подвернулось под руку. Он кипел от гнева оттого, что позволил себе подивиться кажущейся хрупкости девушки, которая при малейшей оплошности могла превращаться в опасную гарпию.

— Что случилось? — с цепью на плече в каюту вошел Арман Бризе и застыл, увидев открывшуюся перед ним картину, а затем его губы растянулись в радостной ухмылке. — Не нужна моя помощь, капитан?

— Сам справлюсь, — Мигель не оценил шутку Бризе. — Это моя забота. Дай-ка сюда, — Мигель подошел к неподвижно лежащей Келли, защелкнул браслет вокруг правого запястья девушки, затем обмотал цепь вокруг одной из ножек кровати и защелкнул браслет на другом запястье. Сопrotивляться было совершенно бесполезно, и Келли не сопротивлялась. Из-за спины Мигеля Бризе насмешливо наблюдал за происходящим, не упуская ни одной детали.

— Кажется, вы ей не доверяете.

— Вот именно, не доверяю.

— Пожалуй, я дал бы парочку советов, как укоротить коготки такой кошечке, как эта, капитан.

Мигель перевел взгляд на боцмана, заплывший глаз которого светился всеми оттенками лилово-фиолетового цвета, вплоть до темного.

— А с тобой-то что произошло?

Как аукнется, так и откликнется, а потому Бризе ограничился легким покашливанием.

— Скажем так, на корабле не одна кошка, — выдавил он, наконец.

— И ты еще хотел меня учить?

Не успел капитан задать свой насмешливый вопрос, как боцмана уже и след простыл, а Келли мысленно поздравила Лидию. Однако ее оптимизм тут же исчез, приходилось думать о себе. “И что теперь? — спрашивала себя Келли. — Может, Мигель изобьет меня? Как он собирается отомстить мне?”

В ответ на невысказанный вопрос Мигель затушил лампы и улегся в кровать. Немного

погода, к немалому удивлению англичанки, Мигель уже крепко спал.

Келли проснулась от ломоты в костях, она не привыкла спать на полу. Девушка опасливо покосилась на кровать, боясь обнаружить там Мигеля, но кровать была пуста. Через балконную дверь просачивался радужный свет и освещал часть каюты. Судя по яркости многоцветных лучей, можно было думать, что уже почти полдень. Келли потянулась, разминая поясницу. Она встала, и лязг цепи вернул ее в реальность. Девушка дернула и потянула цепь, но добилась лишь того, что браслеты кандалов поранили запястья рук. Келли попыталась прилечь на краешек кровати, но цепь была слишком короткой, и ей пришлось довольствоваться только тем, что она сменила положение.

Будто предугадав, что девушка уже проснулась, Мигель вошел в каюту. Вид у него был угрюмый, и Келли инстинктивно напряглась, когда он подошел к ней, но капитан “Ангела” ограничился тем, что снял с нее кандалы.

— Тимми!

Парнишка вошел в каюту, неся поднос с едой, бутылкой вина и водой. Поставив на стол свою ношу, он быстро исчез.

— Полагаю, ты проголодалась.

У Келли заурчало в желудке. Да, она была голодна, но не хотела есть пищу, предложенную Мигелем.

— Можешь не тратить на еду.

— Хочешь умереть от голода?..

Аромат, исходящий от блюда, наполнил рот Келли слюной, ей безумно хотелось пить, но она постаралась оставаться непреклонной.

— Эй, кошечка, мне не хочется, чтобы ты стала похожей на дохлого цыпленка, — насмешливо обронил Мигель, — меня не привлекают кожа да кости.

— Ах, какая жалость! — так же насмешливо отозвалась Келли.

— Черт с тобой, я не собираюсь заставлять тебя есть, но, если тебя интересует, то знай, моя команда не побрезгует никем, кто носит юбку. Ты даже не представляешь, как они будут благодарны мне за то, что я освободил им дорогу.

Этот хитрый намек Мигеля привлек к себе все внимание Келли. Что это было, обман или нет? Может, это была всего лишь пустая угроза, и он просто хотел попугать ее? Келли отказывалась верить, что Мигель пал настолько низко, чтобы отдать ее своим приспешникам. При мысли об этом лицо Келли сделалось мертвенно-бледным. Девушка кашлянула, чтобы прочистить горло, но прежде чем она успела что-то сказать, Мигель вышел из каюты.

Она снова осталась одна. Келли посмотрела на еду и, хорошенько поразмыслив, решила, что искушать судьбу глупо. Однако сначала, она должна снова раздобыть оружие. Девушка подошла к столу — быть может, там есть нож, но на столе ничего не было. Хотя живот Келли упрямо продолжал напоминать о том, что она вот уже несколько часов не ела, девушка начала обыскивать каюту. Быть может, она отыщет что-нибудь, чем можно дать отпор Мигелю, когда он появится из-за двери. Келли внимательно осмотрела все рундуки, где испанец хранил одежду и прочие вещи, заглянула под кровать... Ничего. Она не нашла ничего, чем можно было бы защищаться.

В конце концов, она села за стол и вздрогнула, когда дверь снова открылась. Увидев Лидию, Келли радостно вскрикнула и подбежала к ней. Девушки обнялись, и Келли расплакалась от усталости и напряжения.

— С тобой все в порядке? А с Вирхинией? — всхлипывая, спрашивала она. — Ты знаешь что-нибудь об Аманде?

— Ну всё, всё, — приговаривала Лидия, — успокойтесь. — Она заставила Келли сесть и ласково поглаживала ее по голове, рассказывая новости. — У меня все хорошо, мамзель, а госпожа Клери на кухне. О подруге вашей я ничегошеньки не знаю, кроме того, что белобрысый пират увез ее на другой корабль. А Вы? Как Вы?

Келли перестала плакать, и в ее глазах появилась мятежная искорка строптивости и непокорства.

— Сегодня он всю ночь держал меня привязанной к кровати, но не прикоснулся ко мне. Мулатка не скрывала облегченного вздоха.

— Когда я увидела, что этот человек схватил Вас, мамзель, я подумала, что он голову Вам оторвет. Этот человек внушает уважение.

— Ты не знаешь, Лидия, но этот человек был рабом в “Подающей надежды”. Его купил мой дядя. Я предпочла бы, чтобы он убил меня, потому что у него есть веские причины, чтобы мстить, и у меня кровь в жилах стынет, когда я думаю о том, какие чувства он должен хранить ко мне.

— Но пока вы живы, госпожа, есть надежда.

— Да, есть надежда принадлежать дьяволу, — прошептала Келли, подходя к закрытому балкону. — Ты не знаешь, куда мы плывем?

— Думаю, на Мартинику. По крайней мере, так сказал человек, которому я теперь принадлежу.

— Бризе?

— Я не знаю, как его зовут, мамзель.

— Он боцман Мигеля.

Лидия задумчиво сдвинула брови и припомнила их давний разговор в поместье.

— Мигель? Это тот самый человек, которого чуть не убил Ваш кузен?

— Он самый. Думаю, он хочет отомстить мне за все, что было в поместье.

Мулатка заломила руки и опустила голову. Если все, что она услышала сейчас, было правдой, у испанца было множество причин поквитаться с Келли.

— За себя я не боюсь, сеньорита. Я не больше чем рабыня, у которой сменился хозяин.

— Лидия, ты свободный человек с тех пор, как мы сели на корабль “Дух моря”.

— Но бумаги остались на том корабле.

— Какая разница, что они остались там. Ты никому не принадлежишь.

— Я принадлежу боцману, — ответила Лидия, — но это не слишком меня беспокоит, а вот Вы...

— Я племянница человека, который закабалил Мигеля, и кузина того, кто убил его брата, унижал его самого и порол кнутом. Я понимаю, что это не очень удачная рекомендация для человека, пожираемого ненавистью.

Лидия ничего не ответила, но для Келли ее молчание было красноречивее всяких слов. Она с лихвой могла расплатиться за низость, ничтожность и звериную дикость Эдгара. Келли прошлась по каюте, не зная, что делать, чтобы избежать страшной участи.

— Все кончится тем, что я убью его.

— Это очень сомнительное дело, госпожа. Даже если Вы сможете убить его, то что Вы от этого выиграете? Все, кто здесь находится, — пираты, и они не преминут попользоваться нами, а потом выбросят в море. А этот испанец, их капитан, кажется, умеет держать их в

ежовых рукавицах. Находиться под его защитой для вашей же пользы, мамзель.

— Он защитит меня от этого отребья? Да, несомненно, они его боятся, но кто защитит меня от него?

— Я слышала в разговоре, — Лидия еле заметно улыбнулась, — что Вы напали на него, и теперь на его груди красуется глубокий порез.

— Это Бризе рассказал тебе?

— Когда он вернулся, то хохотал, не переставая, — не стала отрицать Лидия. — Он сказал, что Вы пометили капитана, как домашний скот.

— А ты? Что ты сама скажешь о лиловом ухе боцмана?

Девушки понимающе переглянулись, как две задушевные подружки, и весело рассмеялись.

Такими по возвращении и застал их Мигель. Он остановился и восторженно прислушался к происходящему. Уходя, он оставил в каюте гадюку, а теперь нашел прелестную женщину, которая, вроде бы, совершенно свободно обменивалась с другой секретами.

Келли будто почуяла присутствие Мигеля, и ее веселье мигом испарилось.

— Тебя зовет Бризе, — обратился Мигель к мулатке.

Лидия обняла свою госпожу и еле слышно прошептала:

— Не злите его, прошу Вас. — Прежде чем уйти, она осмелилась посмотреть на Мигеля. — Капитан, могу я поговорить с Вами минутку?

Мигель удивленно поднял бровь, галантно пропустил девушку вперед и закрыл за собой дверь.

— Капитан... не делайте больно сеньорите, не причиняйте ей зла.

Мигель вздрогнул и выпрямился, как от пощечины.

— Твоя госпожа и сама может отлично позаботиться о себе, — буркнул он.

— Бризе рассказал мне об этом, но нужно принять во внимание, что она была напугана.

— Она великолепно скрывала это.

— Вы не должны винить ее за то, что случилось в “Подающей надежды”, — настаивала Лидия. — Она...

— С меня довольно, девчонка! — прервал Лидию Мигель. — Возвращайся в свою каюту. Надеюсь, больше я не увижу тебя до тех пор, пока мы не ступим на землю.

Лидия ничего не могла поделать и ушла восвояси, несолоно хлебавши.

Мигель чертыхнулся сквозь зубы. Не обращаться плохо с этой паршивкой, видите ли! А как с ней обращаться? Как с дорогой гостьей, что ли? Как он должен был себя вести с этой плантаторшей? Как обращаться с кем-то из членов семьи, убившей его брата и едва не спустившей шкуру с него самого? В жилах Келли текла проклятая, гнилая кровь Колбертов. Верить ей равносильно самоубийству. Прошлой ночью он попытался ей поверить, и чего добился? Она едва не проткнула его самого его же собственной саблей. Впредь он станет обращаться с ней, как с рабой, кем она и являлась.

Когда Мигель вошел в каюту, его настроение заметно испортилось. Первое, что он увидел, было то, что Келли не притронулась к еде. Даже этим она мучила его. Мигель схватил девушку за руку и притянул к себе. Он пальцами взял ее за подбородок и приподнял голову, заставляя смотреть прямо в глаза.

— Ты считаешь шуткой, что я могу отдать тебя своим парням?

У Келли ослабли ноги.

— Нет... — что-то вспыхнуло в мозгу Келли, предупреждая, что ей не сто́ит и дальше задирать испанца, так что она опустила глаза, выражая смирение. — Меня отвлек неожиданный приход Лидии.

— Тогда ешь сейчас! — Мигель заставил Келли сесть и подтолкнул к ней поднос с едой. — И не бойся отравиться, еду готовила эта старая ирландская ведьма, которая все никак не перестанет причитать да жаловаться.

Что верно, то верно — Аманда стала кухаркой для этой шайки головорезов. Немного успокоившись, Келли с аппетитом набросилась на еду.

Порт-Ройал. За несколько недель до нападения на английский флот.

Какой-то человек сидел в игорном доме в ожидании назначенной встречи. В этой труппе было трудно встретить кого-то из знакомых, но посетителю не хотелось находиться здесь слишком долго. Тот, кого он ждал, изрядно запаздывал, но, наконец-то, вошел в дом. Это был смуглый, высокий человек с худощавым лицом, одетый во все темное. Он сел на табурет напротив ожидавшего, снял сомбреро и положил его на край стола.

— Вот мы и встретились снова, дружище.

Эдгар Колберт тревожно дернулся. Да, они встретились снова, но это не доставляло ему ни малейшего удовольствия. Года три назад он провернул довольно прибыльное дельце с этим человеком, и, тем не менее, находясь рядом с ним, он не мог отделаться от чувства неловкости и беспокойства.

Колберт мгновенно вспомнил ту давнишнюю сделку: испанский корабль, нужная информация, неожиданное нападение... и кое-какая нажива, в мгновение ока растратившаяся. Потому-то он и позвал снова этого типа. Хоть Эдгару и не по душе был напыщенный и величаво-важный вид этого субчика, но он носом чуял, что здесь могло пахнуть большими деньгами...

— Похоже, меня тут не слишком-то радушно встречают, — обронил только что пришедший, подавая знак спешащей к нему подавальщице. — Ром, красotka.

— Нет, — торопливо ответил Колберт. — Я не это имею в виду, де Торрес, — нервно поправился он. — Всего два дня назад умер мой отец, и я еще не оправился от этого.

— Мои соболезнования, — глухо сказал испанец, — но, как я понимаю, дела для Вас на первом месте.

— Так было всегда, но сейчас у меня не так много свободного времени, как может показаться. Поместье теперь лежит на моих плечах, и в данный момент у меня далеко не лучшие времена в смысле финансов, но я вот-вот преодолею это незначительное затруднение.

— С делом корабля “Кастилия” я наварил неплохой барыш и пожил, купаясь в роскоши.

Колберт неопределенно махнул рукой, собираясь ответить, но к ним подошла подавальщица с заказанной выпивкой и двумя стаканами. Пока она расставляла на столе стаканы и ром, Эдгар раздумывал, как половчее ответить, чтобы собеседник не счел, что он на мели. Если тот прознает об этом, то резко снизит цену на предполагаемых торгах, а Эдгару позарез нужны были деньги, и срочно. Он почем зря промотал в игре не только барыши с того дела, но и часть отцовского состояния. Именно это и послужило причиной смерти старого стервятника: его уставшее сердце не выдержало, когда он увидел, сколь велики долги, которые он должен оплатить по представленным ему долговым распискам. Смерть отца была для Эдгара не важнее ломаного гроша. Как-никак, отец всегда презирал и унижал его, обращался с ним, как с какой-то собачонкой, жалел для него денег, которые причитались ему по праву. Кого он по-настоящему любил, так это брата, сгинувшего от рук испанцев. А он, Эдгар, всегда был на втором плане, если не на третьем, потому что поместье “Подающая надежды” была для Себастьяна Колберта еще одним сыном.

Как бы то ни было, а смерть этого ублюдка была как нельзя кстати. Пусть себе покойся

с миром в аду.

— Мне должны вернуть долги, но не раньше чем через пару месяцев, да и “Подающая надежды” стоит целое состояние, так что я без проблем добьюсь поручительства для ссуды. Возможно, я продам поместье.

Колберт ни словом не заикнулся о том, что говорилось в завещании, которое было прочитано тем же самым утром. При воспоминании об этом Эдгара до сих пор снедала ярость. Старикашка оставил его без гроша. Ни с чем! Он сделал универсальной наследницей эту шлюшку, которая спорила с ним с той самой секунды, как вошла в дом! Конечно, сестричка уже убралась с Ямайки и не знает о смерти Себастьяна и его проклятой последней воле, так что у него еще осталась неразыгранная карта, чтобы потягаться с ней.

— Вы подумываете избавиться от поместья?

— Я нахожу не слишком выгодным занятием присматривать за рабами. К тому же, я не намереваюсь изнывать и хиреть на этом острове. Хочу поехать в Англию. А теперь, ответьте мне, почему Вы пришли?

Даниэль де Торрес спокойно выпил ром и налил еще. Наполнив стаканы до краев, он осушил свой одним глотком. Ром был скверный, но согревал, пробирая до кишок.

— Чтобы напасть на другой корабль. Я предоставил Вам информацию о секретном маршруте “Кастилии”, и мы неплохо поживились, — ответил испанец, — но охрана кораблей усилилась. Этот треклятый король Испании больше не желает терять свои корабли, и тем более золотишко. Как вы оцениваете корабли его Светлейшего Величества?

Этот недвусмысленный намек насторожил Эдгара. Предать страну? Правда, при сотрудничестве с Даниэлем де Торресом улов был солидный, и его часть добычи была весомой. Но тогда речь шла об испанском корабле, Даниэль рассказал о своих, чтобы взять “Кастилию” на абордаж. Они перебили большую часть экипажа и захватили груз. Но теперь Даниэль говорил, чтобы он рассказал ему об английских кораблях.

— Дайте мне подумать.

— Думайте, только побыстрее. Ходят слухи о корабле, нагруженном до самых парусов, и я хочу поскорее узнать о нем.

— О трех, — машинально ответил Колберт, почти не сознавая сказанного. Глаза испанца сузились, и Эдгар понял, что пути назад нет. Проклятый язык, завещание в пользу кузины, унаследовавшей всё, и полное безденежье вывели его из себя. У него появилась возможность уладить все проблемы одним махом. — Скажем так, здесь всего поровну — наполовину торговые дела, наполовину личные.

— Меня мало интересуют ваши мотивы, Колберт. Я слушаю Вас.

Эдгар подбирал слова. Судьба предоставила ему еще один шанс, и он не собирался упускать его. Помехи, которую представлял его отец, больше не существовало. Ему нужно было только убрать Келли, и “Подающая надежды” окажется в его руках. Эта шлюха должна за всё заплатить. Хоть бы она отправилась на корм акулам, или ее захватили пираты и продали в какой-нибудь дыре, а лучше всего, чтобы она была мертва.

— Что Вам необходимо знать?

Испанец не стал вдаваться в лишние подробности.

— Все, что сможете сказать. Даты, маршрут, заходы в порт. Корабельные грузы, вооружение, экипажи. Чем больше мы узнаем, тем легче будет работенка и тем больше гарантия, что мы захватим груз. Чем раньше мы покинем остров, тем лучше.

— Я понял вас. Здесь испанцев встречают отнюдь не с распростертыми объятиями.

— Не беспокойтесь за мою безопасность, я выдаю себя за австрийца, желающего повидать мир. Лучше расскажите об английских кораблях.

Эдгар рассказал собеседнику все, сообщив имена, судьбу и путь следования трех кораблей, и сделав упор на том, что на “Духе моря” плыла женщина, которую ему не хотелось бы снова увидеть. Де Торрес мысленно записывал всё до мелочей.

— Можете считать ее без вести пропавшей, — уверил он Колберта. — А теперь поговорим о другом деле: мне нужны сведения о некоторых людях. Вы живете здесь и хорошо их знаете. — Колберт прикрыл глаза. — Сообщите мне, когда у Вас будет то, что я хочу.

Де Торрес достал из камзола лист бумаги и подтолкнул его к собеседнику. Колберт развернул листок и быстро просмотрел его: на листке было написано семь имен, но первое имя привлекло его внимание.

— Что я получу за эту информацию помимо прочего?

— Деньги, разумеется. Не они ли движут людьми, толкая их на предательство соотечественников?

Эдгар судорожно сглотнул.

— Почему эти люди? — пренебрежительно спросил он. — Я ничего не имею против них.

— Кое-кто заинтересован в том, чтобы эти люди, — указал на листок де Торрес, — отправились к лучшей жизни.

— Вы имеете в виду убийство?

— Называйте это, как хотите, я предпочитаю говорить, что речь идет о переносе полномочий.

— Кто за всем этим стоит? Впрочем, я думаю, Вы мне не ответите.

— Ну отчего же? Мы ведь компаньоны, не так ли? — в голосе испанца появился сарказм, который так заинтриговал Колберта. — Речь идет о влиятельных в их стране людях. Но, как Вы сами понимаете, я не стану называть их имен.

— Если это англичане, то почему они наняли Вас?.. Почему не доверили это черное дело своему соотечественнику?

Даниэль де Торрес издал приглушенный смешок.

— Связи, друг мой, дела. Ты мне — я тебе. Вспомните корабль “Кастилия”. Сначала испанцы, теперь англичане. Я кручусь-верчусь ради денег, а иногда, как в Вашем случае, по личным делам.

— Я Вас понимаю.

Испанец замолчал и начал поправлять жабо, отчасти для того, чтобы подумать, отчасти для того, чтобы посмотреть на реакцию собеседника. Было заметно, что англичанин нервничает, чувствуя себя как на раскаленных углях.

— Нужно знать каждый шаг губернатора и всей его клики. Где собираются, с кем спят, какие притоны посещают, насколько тщеславны... Абсолютно всё.

— Для этого я не нужен. Любой на острове мог рассказать Вам то, о чем Вы хотите знать.

— Да, но любого удивило бы, что я разнюхивал что-то о столь именитых персонах. Губернатор боится чего-то, и вышеупомянутые лица не хотят встревожить его еще больше. Вы не имеете к губернатору никакого отношения, поэтому я выбрал Вас. Смею Вас уверить, что после того, как все это закончится, Вы станете очень богатым человеком. Мои клиенты

щедро платят.

Колберт задумчиво кивнул. “Подающая надежды” и рабы стоили целое состояние, и, кроме того, скоро он, возможно, получит свою долю от добычи, захваченной с трех кораблей, плывущих в Англию. Этого было бы более, чем достаточно, а политика... политика интересовала его гораздо меньше. Но кто гарантирует, что, как это он сказал... перенос полномочий не выйдет боком? Вдруг узнают, что он принимал участие в сговоре? Его могут повесить без суда и следствия.

— Для меня это чересчур, де Торрес.

— Вы можете это сделать. Подумайте хорошенько.

Даниэль встал, бросил несколько монет на стол и наклонился к Колберту.

— Я поселюсь в “Красном попугае” под именем Хааркем. Дайте мне знак, когда у Вас будет то, что меня интересует, и мы снова встретимся на этом же самом месте.

Эдгар дрожал от бессилия. Этот чертов испанец даже не оставил ему выбора. Как хорошо он знал его! Да, де Торрес отлично знал, что ради денег он сделает все, что угодно! Но, с другой стороны, почему бы не попытаться сорвать изрядный куш? Презренный папаша оставил ему только несколько несчастных лошадей, да три раздолбанные телеги, уже нуждавшиеся в починке. Колберт пришел в ярость, вспомнив монотонный голос проклятого адвоката, читавшего последнюю волю старика. Из кабинета адвоката Эдгар выходил с упавшим сердцем. Не пойдя все прахом, он был бы в шаге от того, чтобы устранить кузину, и завладеть всем, а заставить адвоката помалкивать было бы нетрудно.

Эдгар заставил себя забыть об этой временной неудаче, преподнесенной жизнью, и хлебнул рома прямо из бутылки, сосредоточив свои мысли на предстоящей работе. Влезать в это дело было крайне неприятно, однако, он не мог отказаться от этого сотрудничества, потому что всем нутром чуял, что Даниэль де Торрес был опаснее веревки вокруг шеи.

Спустя сутки, Эдгар отправил сообщение в “Красный попугай”.

Несмотря на свою ужасную угрозу, за несколько последующих дней Мигель ни разу не дал Келли повода для беспокойства, если не принимать во внимание тот приводящий девушку в смятение факт, что с наступлением ночи испанец входил в каюту, снова привязывал ее цепью к ножке кровати, тушил лампы и, ни слова не говоря, ложился спать.

Келли испытывала боль, гнев и смущение. Как ей было понять поведение Мигеля? Сначала он соблазнял ее, а потом обращался с ней так, будто ее не существовало. Девушка платила ему той же монетой: она погружалась в пучину молчания, притворяясь, что присутствие испанца ей совершенно безразлично. Когда Мигель просил принести ему воды, чтобы помыться, Келли ограничивалась тем, что выходила на балкон и оставалась там до тех пор, пока он не заканчивал мытье и не уходил из каюты. Спала она на полу, укрывшись грубым шерстяным одеялом, а ела в одиночестве. Мельком Келли виделась с Тимми, когда тот приносил ей еду, но они почти не разговаривали, потому что Мигель запретил парнишке общаться с ней.

Нервы девушки начинали сдавать, молчание убивало ее. Шесть долгих дней, проведенных взаперти, было чересчур. В ближайшее время она либо выберется отсюда, либо сойдет с ума.

— Мамзель.

Келли воспряла духом и бросилась в объятия Лидии, смеясь и плача. Бывшая рабыня была немного удивлена этим. Она усадила Келли и ласково погладила ее по спине. Вид у англичанки был самый что ни на есть жалкий и плачевный: невымытые несколько дней, свалявшиеся и нечесанные волосы, наспех заштопанное платье и глубокие синяки под глазами. От подобной картины у мулатки сжалось сердце.

— Капитан плохо обращается с Вами? — Лидия боялась самого худшего.

— Проглотив свою гордость, Келли откровенно рассказала обо всем. Бывшая рабыня, а теперешняя подружка, молча, выслушала ее, а потом покачала головой, словно сомневалась в чем-то.

— Я ничего не понимаю, мамзель. Капитан кажется порядочным и справедливым человеком.

— Справедливым?! — вспыхнула Келли. — Ты говоришь справедливым?! Он обращается со мной, как с собакой! Даже хуже! С собакой, по крайней мере, разговаривают хоть иногда и выводят на прогулку!

— Вероятно, его что-то жутко разозлило.

— Я дала ему пощечину, — призналась Келли, — но он это заслужил.

— Не думаю, что он запер Вас здесь из-за пощечины, причина в другом. Неужели вы не понимаете, что пока за нас не заплатят выкуп, мы в его руках? Не играйте с ним, госпожа. Капитан — человек сдержанный, но может вспылить и хорошенько наказать Вас. Вы рискуете не только собой, но и нами всеми тоже.

— Наказание означало бы, что он хотя бы знает о моем существовании!

Лидия вздохнула и потерла шею, разминая ее. Этот неожиданный визит принес Келли некое успокоение. По крайней мере, она знала, что ее подруги все еще живы, и у нее были кое-какие вести о них. Келли покосилась на Лидию. Девушка показалась ей усталой, но признаков дурного обращения с ней она не заметила.

— А ты? Как ты? С тобой хорошо обращаются? — Келли стала казнить себя за то, что беспокоилась только о себе. — Бризе разрешил тебе повидаться со мной?

— Нет, мамзель, это разрешил мне сам капитан.

— Мигель?

— Мы подплываем к месту назначения, мамзель, и капитан сказал, что Вам необходимо немного привести себя в порядок. — Говоря это, Лидия достала из кармана платяа чудесную серебряную расческу и поднесла ее к глазам подруги. — Вы позволите мне сделать Вас красивой?

Простой взгляд на эту обычную в повседневной жизни вещь вызвал в Келли такую бурю чувств, что она и не знала, плакать ей или смеяться. Девушка позволила Лидии вымыть ей волосы, причесать их и придать немного блеска, чтобы постараться выглядеть, как обычно. Посмотревшись в зеркало, Келли даже не узнала себя.

— Теперь нужно только платье, это совсем порвалось.

— Арман говорит, что...

— Арман?

— Бризе, — тут же поправила Лидия, и от взгляда Келли не ускользнуло, что девушка слегка смутилась.

— Лидия, ты спишь с этим пиратом?

— Да, госпожа.

— Он тебе нравится?

— Кажется, немного нравится, мамзель, — девушка помедлила с ответом.

— Лидия, ради всего святого!

— Он хороший человек, госпожа, — Лидия присела рядом с Келли и взяла ее за руку. — Может, он и пират, да только прежде чем судить его, нужно узнать, почему они с капитаном стали пиратами.

— Какими бы большими и весомыми не были причины, нет оправдания тому, чтобы брать корабль на abordаж, убивать экипаж, захватывать груз и брать в плен пассажиров, — вынесла Келли свой вердикт.

- “Еврипид” сдался, и на нем никого не убили, да и с двумя другими кораблями, насколько мне известно, случилось то же самое.

Нет, конечно, все могло быть именно так — пираты захватили корабли, не пролив крови, но захват сам по себе был омерзителен. Неужели Лидия этого не понимала? Скорее всего, она смотрела на это с точки зрения того, кто открыл путь к ее сердцу. Сражение было проиграно, и Келли сменила тему.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Тебе известно что-нибудь о Вирхинии?

— О мамзель Вирхинии я знаю только то, что сказал мне Арман. С ней все в порядке. Леду держит ее на другом корабле, на “Миссионере”. А госпожа Клери, кажется, взяла власть на кухне в свои руки. Ни одному из мужчин она и приблизиться не дает к своим владениям. Да Вы же ее знаете.

— Верно, вылитый капрал, — обе девушки весело расхохотались.

Лидия поднялась и поцеловала Келли в лоб, а та нежно потрепала ее по щеке.

— Не думаю, что мы снова сможем увидеться, пока не доберемся до земли. Арман сказал, что мы пришвартуемся очень скоро.

— А ты знаешь точно, где?

— Возможно, как я и говорила, нашим уделом станет Гвадалупа или Мартиника. Вы должны пообещать мне, что не совершите никакого безумного поступка.

— Обещаю, Лидия.

— И закройте дверь, как только я уйду, госпожа. Это приказ капитана де Торреса. Вот ключ, — Лидия протянула ключ Келли. — Все капитаны соберутся на корабле Бульяна. Арман тоже будет там, и здесь не останется никого, кто защитит Вас.

— А зачем они собираются? — спросила Келли, неожиданно понадеявшись, что сбор назначен исключительно для того, чтобы установить цену выкупа.

— Не знаю, мамзель.

— Ты пойдешь с Бризе?

— Он не хочет отходить от меня ни на шаг. Обещаю, что по возвращении принесу Вам новости о сеньорите Вирхинии, и, бога ради, закройте дверь.

Мулатка еще раз поцеловала Келли и ушла. Девушка поспешно заперла дверь на ключ и лишь тогда услышала удаляющиеся шаги Лидии. Она прислонилась лбом к двери, горюя о своем одиночестве. Приход Лидии придал ей сил, но сможет ли она и дальше продолжать общаться с ней, получая удовольствие от растущей и крепнущей между ними дружбы и нежности, ведь Мигель лишил ее многих вещей. Келли помолилась за своих подружек по несчастью и за себя саму, прося бога, чтобы пираты решили потребовать выкуп, и благодаря его за то, что хотя бы Лидия попала в руки человека, который ее защищал.

В каюте были слышны приказы спускать на воду шлюпку и суетливый шум. За неимением дел Келли взяла в руки книгу, вовсе не собираясь ее читать. Она просто листала ее, и это скрашивало тоскливое ожидание. Наверняка несколько часов ей не придется терпеть присутствие Мигеля и выносить его презрительное пренебрежение. Даже скука была предпочтительней его раздражающего высокомерия.

Однако чуть позже, Келли уже раскаивалась в своих недавних мыслях. Кто-то пытался войти в каюту. Келли встала, прижав книгу к груди, и внимательно прислушалась. Может, это Мигель вернулся... Сильный удар разнес вдребезги деревянную переборку, и грязный, бородатый тип уставился на нее, стоя в дверях. Его единственный здоровый глаз недобро светился, быстро оглядывая ее тело, и Келли поняла, что ей не поздоровится. Девушку обуял такой ужас, что она не могла даже кричать.

Келли с трудом и безуспешно боролась со страхом. Мужчина грубо схватил ее за запястье и силком выволок из каюты, заставляя подняться на палубу. Услышав рев многочисленных плоток, Келли съежилась. Ее ужаснула вопящая толпа. Она увидела тянущиеся к ней со всех сторон и лапающие ее руки. Время от времени слышались грубые, непристойные замечания. Девушка отчаянно молилась, чтобы неожиданно вернулся Мигель, но его не было, а присутствие женщины на корабле с каждой секундой все сильнее возбуждало толпу.

От неведомого доселе ужаса мужество покинуло Келли, и она стояла, не двигаясь, как парализованная. Девушка увидела, как кое-кто из пиратов отважился задрать ей юбку, и гомон стал еще разухабистее и веселее. Келли, не глядя, оттолкнула пирата и побежала к борту корабля. Хохот стал еще громче. Девушка уворачивалась от рук, старавшихся схватить ее, и от влажных, слюнявых поцелуев. Пираты забавлялись с ней, как кошка с мышью. Они заставляли ее пятиться к борту, уступая ей дорогу, но когда Келли оказывалась в шаге от заветной цели, тут же преграждали путь, равнодушно отпуская оскорбительно-непристойные комплименты.

— Эй, голубка, не стесняйся, не будь такой робкой! — слышала Келли. — Капитана нет, а у нас есть такое же право немного поразвлечься.

Как мышь, преследуемая котами, Келли металась из стороны в сторону, раздавая тычки и пинки, но с каждым разом круг сужался. Ей хотелось кричать, плакать, молиться. Слезы катились по щекам Келли, ослепляя ее. Кто-то схватил ее за рукав и сильно дернул, желая оторвать, и Келли услышала треск рвущейся материи. Дико закричав, девушка бросилась на негодяя, царапая ногтями его мерзкую рожу.

Келли оглушили восторженные вопли. Пираты подбадривали и подпихивали ее. Переходя из рук в руки, вынужденная терпеть бьющую через край похотливость грубых мужланов, девушка умирала от отвращения. Некоторые из них уже устали от игры и теперь хотели схватить ее, но были остановлены другими, которые тоже хотели быть первыми. Воспользовавшись возникшей потасовкой, Келли попыталась улизнуть, но далеко убежать ей не удалось. Какой-то тип крепко схватил ее за талию и, не глядя, как мешок, забросил себе на бедро.

Потом среди голосов, ругани и непристойностей ей удалось разобрать несколько слов о натертой жиром мачте и каком-то пари. Наполовину укачанную сутолокой и гомоном Келли куда-то понесли. Когда девушка смогла прийти в себя, то обнаружила, что она сидит на какой-то привязанной к канату доске, которая, раскачиваясь, рывками поднимается вверх.

Что висит довольно высоко на ненадежной, наполовину сгнившей деревяшке, служившей ей сиденьем, что качаясь на палубе “Черного Ангела”, Келли в равной степени была беззащитной марионеткой, которая зависела от капризов нескольких бездушных пиратов. Весь сброд внизу готовился к фирменному блюду. Первому, кому удастся забраться на смазанную жиром мачту, достанется лакомый кусок: Келли. Пираты заключали между собой пари, делая крупные ставки, а для Келли открылись врата в ад, ведь кто-то из этого отребья непременно добьется своего.

Келли закрыла глаза, она не хотела ничего видеть и ничего слышать. Она хотела только одного — умереть, разом покончив с этой агонией. Если веревка порвется, она разобьется о палубу, но если кто-то из этих взберется на верхушку мачты, то... Келли не хотела думать о том, что тогда будет, но не могла не думать об этом.

... Не имеющий никакого отношения к происходящему на корабле Мигель наслаждался стаканчиком вина, удобно расположившись в каюте Франсуа Бульяна в компании самого Бульяна и Пьера Леду. Остальные капитаны возвращались на свои корабли, поскольку о главном они уже договорились: они разделят добычу, как только бросят якорь на Гвадалупе, и Пьер заплатит причитающуюся долю тому типу, что сообщил им маршрут англичан. Когда Мигель тоже начал прощаться, Пьер сделал ему знак остаться, и теперь испанец ждал разъяснений.

— Я не собираюсь отказываться от девчонки, которая сейчас в моей каюте, — неожиданно выпалил Леду.

— Я тоже не думаю отдавать свою, — тут же ответил Мигель.

— О, боже! — взмолился Фран. — Ради всего святого, вы оба спятили! Женщины — это часть добычи, и парни захотят причитающуюся им долю, я уж не говорю о капитанах.

Пьер пожал плечами и подтолкнул бутылку к Мигелю. Иметь Мигеля в союзниках, было божьим благословением.

— Я заплачу, что положено, — сказал Пьер, — откажусь от своей доли, но черноволосая красотка останется со мной.

Француз, казалось, был непоколебим в своем желании, и Мигель поразился за него. Он знал, что у них будут проблемы с Депардье, хотя “Краб” и Барбоса согласятся уступить женщин в обмен на часть добычи.

— Есть еще кое-кто, — сообщил Мигель, отпив отменного вина. — Думаю, Арман привязался к мулатке.

Бульяну не хотелось иметь проблем со своими лучшими людьми, но он не мог также плюнуть на неписанные морские законы. Это могло не только породить вражду, но и расколоть их флот в будущем.

— Вы точно спятили, — подтвердил он. — За исключением той ведьмы, что заправляет на твоем камбузе, Мигель, остальные трое — красотки, и это равноценно небольшому состоянию.

— Я убью каждого, кто попытается протянуть лапы к Вирхинии, — пообещал Пьер. — Я скопил немало денег, и, повторяю еще раз, я заплачу за нее.

— Тебе так нравится эта девушка? — спросил его Мигель.

Леду кивнул, и в его глазах загорелся веселый огонек.

— Мне придется немного обуздать ее, дружище, но она просто прелесть, и нравится мне. Меня возбуждают даже ее оскорбления.

— Я считал тебя более рассудительным и благоразумным.

— А я — тебя. Не ты ли сказал, что хочешь оставить себе Келли?

— Это — совсем другое дело, — мрачно буркнул Мигель.

— Знаю, знаю. Вирхиния рассказала мне, что ее кузен, Эдгар Колберт, убил твоего брата. Но, с чего вдруг кому-то захотелось убрать столь утонченную барышню?

— О чем ты?

— А о том что, наш осведомитель сделал упор на том, что помимо своей доли, он хочет, чтобы эта девчонка была мертва.

— Я решил не выполнять эту часть сделки, — вмешался в разговор Фран, которому фамилия Келли на французский манер живо напомнила другое время и другое место, — потому что мы работаем ради денег, а продадим мы ее дороже. Впрочем, мы также могли бы потребовать за нее выкуп. Глупо отказываться от денег, бросив ее акулам. К тому же, она, и вправду, красива.

У Мигеля свело живот. Он не собирался мириться с этим, как требовала его душа.

— Я многое отдал бы, господи, чтобы она была уродливой, как дьявол. Она — моя, и это моя месть. Надеюсь, вам это ясно.

— Черт! — воскликнул Франсуа. — Ради всего святого, закрой эту страницу своей жизни, дружище! Возьми англичанку, если тебе так хочется, но не рискуй из-за этой девки. Честно говоря, я сыт по горло стычками с этим идиотом Депардье, а с этой девчонкой ему и карты в руки.

— Если он хочет драку, он ее получит! — вызывающе обронил Мигель, поднимаясь и ставя стакан на стол.

Бульян внимательно посмотрел на него. Мигель был слишком напряжен и раздражен. До сих пор испанец никогда не дрался из-за женщины. Он проводил с ними несколько часов, а потом забывал о них до следующего порта. Сейчас Франсуа сожалел, что захватил эти английские корабли, потому что он терпеть не мог проблем, а Мигель эти самые проблемы создаст. Больше аргументов не нашлось, этим бы все и закончилось, если бы Бризе прямо от порога, не заходя в каюту, не сообщил:

- “На Черном Ангеле” потасовка, капитан, — он протянул Мигелю подзорную трубу. — Парни дерутся между собой.

Мигель выскочил из каюты и бросился следом за остальными. Арман тащил за собой побледневшую и дрожащую Лидию, которая не хотела ни на секунду оставаться одна.

— Шлюпку, быстро!

Бульян вырвал у Мигеля подзорную трубу и тоже посмотрел на палубу ближайшего корабля.

— Дьявольщина! — пробормотал он себе под нос. — Они подвесили девчонку на мачте и стараются добраться до нее.

Мигель вместе с Бризе и Лидией уже забрался в шлюпку, приказывая матросам грести изо всех сил, и его приказы перемежались с проклятиями.

Стоя вместе с Франсуа на палубе и опершись на штурвал, Пьер прищелкнул языком и тихо пробурчал:

— Боюсь, наш дружок врет нам.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не уверен, — ответил Пьер, откинув назад волосы, которые ветер швырнул ему прямо в глаза, — но сказал бы, что не только месть движет нашим закаленным в боях испанцем.

... С искаженным от страха лицом и горьким комком в горле Келли, не отрываясь, смотрела на одного из тех, кто пытался добраться до нее, и, судя по всему, он добьется успеха. Этот тип был всего в паре метров от нее и продолжал карабкаться все выше. Потный, как свинья, он сражался с мачтой, щедро намазанной жиром. Он соскальзывал вниз, а потом снова упорно лез все выше, постепенно приближаясь к заветной цели.

Снизу те, кто поставил на огромного, волосатого, как медведь, типа, для которого такая сноровка казалась просто невозможной, подбадривали ловкача, громко хлопая в ладоши, вопя и распевая победные песни. Пират не слышал своих дружков, полностью сосредоточившись на лакомом кусочке, ожидавшем его наверху, и на том, чтобы не проломить себе башку, упав с такой высоты. Он уже почти дотянулся до юбки Келли. Еще чуть-чуть, и она будет его. Тогда девчонка будет принадлежать ему, и он сможет делать с ней все, что захочет, до тех пор, пока они не приплывут в порт. Таков был морской закон.

Пират поднялся еще чуть выше, посмеиваясь над жалкими попытками своей добычи свалить его, пнув ногой. Еще несколько сантиметров вверх, и Келли увидела перед собой мерзкую, похотливую рожу и ощеренный рот с гнилыми зубами.

— Иди к папочке, дорогуша, — прошипел пират, вытягивая вперед руку.

Келли сжалась на своем неустойчивом сиденье и снова попыталась пнуть пирата в голову, но он ловко увильнул от удара, несмотря на свою грузность. Келли добилась только того, что сама едва не свалилась с доски, потеряв равновесие.

Радостные вопли пиратов стали еще громче, когда они увидели, что их приятель находится всего в шаге от выигрыша.

Келли отказывалась верить в происходящее. “Если это случится, если эти мерзавцы притронутся ко мне своими грязными лапами, — поклялась она себе, — я убью их всех до единого, даже если мне понадобится на это целая жизнь. Если мне не избежать этого, я соберу все силы, чтобы выдержать всё, а потом сведу с ними счеты”.

Прогревший выстрел отвлек девушку от мрачных мыслей и привел ее в чувство. Крики на палубе смолкли. И тут произошло чудо. Правое ухо ненавистного типа, едва не

схватившего ее, исчезло. Он взвыл от боли и попытался зажать рукой рану, одновременно в паническом ужасе цепляясь за мачту, но удержаться ему не удалось. Нелепо взмахнув руками, он полетел вниз и с грохотом ударился о палубу.

Келли поискала своего спасителя, и увидела Мигеля, который перелезал через борт, сжимая в руке еще дымящийся пистолет. Команда фрегата лишилась дара речи. Несмотря на расстояние, Мигель показался Келли великаном среди лилипутов. Де Торрес сунул пистолет за пояс и решительным шагом двинулся вперед сквозь молчаливую и нерешительную теперь толпу людей. Бризе тоже спрыгнул на палубу и помог Лидии подняться на борт.

Мигель подошел к неподвижно лежащему на палубе, подстреленному им, пирату, и перевернул его носком сапога. Пират был мертв.

— Бросьте эту падаль в воду! — суровый, сухой приказ вызвал у Келли тошноту. Два пирата схватили труп за руки и за ноги и, подтащив к борту, раскачали и швырнули в море.

Келли не верила своим глазам: неподвижная, еще недавно кровожадная толпа пребывала в молчаливом ожидании. Она сомневалась, что Мигель сможет справиться с ними в одиночку, но, присмотревшись, увидела, что Бризе прикрывал спину своего капитана, сжимая в руках пару взведенных пистолетов.

— Если кто-то еще захочет оспорить права на эту женщину, может считать себя мертвецом! — непререкаемым тоном властно и лаконично бросил испанец.

После этих слов повисла напряженная тишина. Все молчали, а затем кто-то решился на робкое оправдание, потонувшее в налетевшем ветерке:

— Это была всего лишь игра, капитан.

Мигель посмотрел вверх, на Келли, и девушка задохнулась под его как никогда колючим, суровым взглядом.

— Эта женщина — моя рабыня, — заметил он ледяным тоном, снова обратив внимание на своих людей, — и, если кто-то из вас протянет к ней руки, богом клянусь, я убью его.

Пираты, опустив голову и тихо переговариваясь между собой, начали расходиться, а Арман стал помогать другому моряку опускать Келли на палубу. Едва коснувшись ногами настила, девушка осознала, что была на грани смерти, и не вернись Мигель вовремя... Но из его слов стало также ясно, что она была для него не больше чем раба. Благодарность, которую Келли испытывала к Мигелю, вмиг испарилась, не оставив и следа.

Очутившись на палубе, Келли хотела унять волнение, но дрожала как осинный лист. Мигель протянул к ней руки, и она, как пьяная, шагнула вперед, чтобы укрыться в его объятиях и разрыдаться.

Лидия ушла вместе с Арманом, стараясь понять, почему испанец ласково прижал Келли к своей груди. Что бы это значило?

Мигель не хотел отпускать Келли. Его сердце продолжало неистово колотиться в груди. Он буквально ошалел, увидев, что дрожащая от страха девушка висит на мачте, и теперь, хотя Келли была в полной безопасности, Мигеля переполняло дикое, необузданное желание разнести вдребезги все вокруг. Приглушенные всхлипы Келли, вызванные пережитым ею паническим ужасом, ранили душу испанца. Он вообще не переносил женских слез, а тут еще к слезам примешивалось стремление защитить Келли.

Девушка послушно шла за Мигелем. Он отвел ее в каюту и уложил на кровать. Келли свернулась калачиком на подушке, хотя ей было грустно оттого, что она уже не чувствовала тепло мужского тела.

— Успокойся, принцесса, — прошептал Мигель с такой нежностью, что Келли снова захотелось плакать. — Я не допущу, чтобы подобное повторилось. — Он поцеловал ее глаза, лоб, виски и кончик носа. — Теперь ты со мной.

Да, теперь она была с ним. Но разве их взаимное влечение не было самым опасным на свете? Да она в жизни не ревела столько, пока не знала этого мужчину. Она не смыкала глаз по ночам, вспоминая их ласки в поместье, а когда решила, что выгнала Мигеля из своих мыслей, снова встретилась с ним, чтобы понять, что влюбилась в высокомерного, заносчивого испанца. Его близость лишь еще больше разжигала чувства, разрывающие ее изнутри. Перед ласками Мигеля Келли чувствовала себя слабой и незащищенной, и эта неспособность противостоять им убивала ее. Она всегда держалась уверенно, знала, чего хотела, не позволяла согнуть себя даже отцовским приказам. И в кого она превратилась теперь? В кого превратил ее Мигель, если не в женщину, которая качалась на волнах его желаний?

Пока Мигель сюсюкал с ней, как с маленькой девочкой, Келли была уверена, что он не причинит ей боль. Дело было не только в телесной боли, Мигель мог наказать ее душу, а она и так уже была разбита. По уши влюбиться в Мигеля было все равно, что жить в аду. А он был так близко от нее, так близко...

Грустные мысли девушки мгновенно испарились, едва губы испанца коснулись ее. Мигель поцеловал Келли, и она, истосковавшись по его ласкам, отдалась им целиком, отвечая на них, потому что нуждалась в его нежности и жаждала ее, подстегиваемая собственной алчностью.

Мигель не ожидал от Келли ответа, хотя и сторал от желания добиться его. Само собой, после мужественно пережитого потрясения эта отважная женщина должна была бы осудить и отвергнуть его. Боже правый! Ведь они едва... Тяжелый ком образовался в животе Мигеля, лишь только он представил себе эту картину, и собственническое чувство, зарождавшееся в его груди, укоренилось в нем с большей силой. Келли целиком и полностью была его, и только его. Его губы упивались ее губами, растапливая лед в мужском сердце, которое слишком долго безразлично билось, ни к кому не чувствуя любви.

Их языки сплелись, смакуя вкус губ; не щадя себя, они пожирали друг друга в губительном прибое чувств. Им нужно было во что бы то ни стало запомнить тела друг друга, надышаться их ароматом, освободиться от груза прошлого, чтобы раствориться в волнах будущего.

Келли был нужен человек, который, сумев преодолеть себя, отказался от мести, без промедления выбрав ее. Мигель же хотел, чтобы не возникало сомнений в том, что она была

женщиной капитана де Торреса, осужденного изменника, проклятого пирата без страны и будущего.

Под диктовку мужских губ, с каждым разом все более властных и требовательных, Келли стонала, отвечая на ласки испанца и требуя взамен всё новых ласк. Она настойчиво предлагала Мигелю испить ее тело, потому что решила отдаться ему целиком, без остатка.

Преграда из рубашки исчезла под алчно-ненасытными женскими руками, и пальцы Келли, сжимаясь и разжимаясь, ощупывали кожу Мигеля, изучая каждый его мускул. Девушка торопилась забыть обо всем, кроме испанца, спеша снова слиться с ним воедино. Любит он ее или нет, ненавидит или нет, но этот мужчина должен принадлежать ей. Их губы разомкнулись, и глаза обоих наполнились желанием, которое нельзя было скрыть.

— Поцелуй меня еще раз, — попросила Келли.

Испанский дворянин, ставший морским разбойником, нашел убежище, которое искал, порт, в котором можно было бросить якорь своей злобы и забыть о вражде. Он поцеловал Келли еще раз, конечно же, поцеловал, потому что был марионеткой в ее руках и не мог поступить иначе. Мигель в равной степени желал и ненавидел Келли. Любовь и ненависть к англичанке боролись в нем, и от этого он не находил себе места. Рядом с Келли он сбивался со своего пути, теряя цель. Его ярость оборачивалась безмятежностью, ненависть — нежностью, а грубость — лаской. Келли удалось заставить его проявить свои лучшие и худшие черты.

Даже с Карлотой Мигель никогда не испытывал что-либо подобное. К Карлоте он просто чувствовал нежность, с Келли же было иное. Он хотел пожирать ее, затеряться в ней и утолять свой голод, насыщаясь ею, пока не станет бездыханным. Мигель хотел учить Келли и учиться у нее, слиться с ней и любить ее.

Его кожу жгло огнем там, где ее касались девичьи пальцы, и уже нельзя было остановиться. “Будь оно все трижды проклято!” — мысленно простонал испанец, снова набрасываясь на губы Келли. Его мужское достоинство болезненно пульсировало, требуя своего, и Мигель послал все к черту. Он не хотел и не мог исправить то, что должно было случиться.

Мигель выпустил из своих рук шелковисто-мягкие руки девушки и торопливо разделся. Его сердце забило сильно и часто, когда он увидел, что Келли тоже уже избавилась от одежды, в спешке порвав ее. Боже все милостивый! Кажется, они оба сошли с ума.

Едва прикрытые ночной сорочкой руки Келли манили Мигеля, и он сдался. Обняв девушку, он накрыл ее своим телом и снова впился в ее губы. Трясущимися руками, как новичок, он стянул с Келли сорочку, единственный предмет, мешавший ему полностью впитать в себя ее кожу, ее тело.

Келли помогла ему. В ту минуту ей докучало все, кроме тела Мигеля. Как помешанная, она нуждалась в том, чтобы чувствовать своей обнаженной кожей его нагое тело. Они слились воедино, как два дикаря; каждый искал себя в другом, лаская малейшую, без исключения, клеточку кожи, смакуя ласки, облизывая и покусывая друг друга.

Келли раздвинула ноги, предлагая себя, и Мигель пристроился между ними. Он скользнул во влажную глубину тоннеля, в котором хотел затеряться и забыть обо всем. Мигель вошел в нее, и Келли приподняла бедра, еще плотнее прижимаясь к нему.

— Ш-ш-ш — прошептал Мигель, касаясь губами шеи девушки. — Не спеши, малышка, не спеши.

— Я хочу тебя прямо сейчас.

— Ты убьешь меня, Келли. Ты убьешь меня, англичанка.

Келли всем телом чувствовала толчки, но сдерживала свой пыл и не шевелилась в ответ. Она лежала и прислушивалась к биению мужского сердца, поглаживая бока и лаская смуглые ягодицы Мигеля. Ее руки пробежали вверх по талии и спине мужчины и обхватили его широкие плечи, лаская каждый его шрам, потому что эти шрамы были частью ее любимого испанца. Келли вспомнила все издевательства и страдания, которые вынес Мигель, и снова разрыдалась.

Услышав плач девушки, Мигель остановился и приподнялся, опершись на ладони. В него будто всадили нож. Мигель покрывал поцелуями лицо Келли, слизывая соленые жемчужины ее слез.

— Почему ты плачешь? — встревоженно спросил он. Девушка открыла глаза, и Мигелю показалось, что в них, расплавившись, скрывалась ее душа.

— Эдгар не имел права, — всхлипнула она в ответ и икнула, снова принимаясь ласкать каждую отметину кнута, словно желая смягчить грубые шрамы, разгладить их. — Не имел.

Мигель вздрогнул. Девичьи руки обвили его тело, ее живот поднялся, и доблестный капитан, потеряв рассудок, затерялся в ее глубинах под напором отчаянных страстей. Оба были далеки от мира и реальности, паря над ненавистью и мстостью в гавани любви. В водовороте их единения Мигель невольно шептал слова, заставлявшие сердце Келли пускаться вскачь...

— Мы подходим к причалу.

Келли с улыбкой повернулась к Мигелю. При виде его ее улыбка стала еще шире. Мигель был очень красив. На нем были черные бриджи и белоснежная рубашка. Незашнурованный вырез позволял Келли без устали любоваться изрядной частью смуглой кожи Мигеля, которая никогда ей не надоедала. Влажные, растрепавшиеся волосы и поблескивающая золотая серьга, украшавшая мочку уха, придавали Мигелю вид первобытного дикаря, что наводило на людей ужас. Но Келли уже не боялась его. Она витала в облаках.

В последние часы они почти не покидали каюту, теряясь друг в друге. Мигель сам мыл ее, лаская и наполняя нежностью. Оба смеялись, как дети, когда он клал ей в рот припрятанный маленький кусочек какой-нибудь еды. Временами они по-детски играли и резвились, временами дружески говорили о разных вещах. Так Келли узнала кое-что о семье Мигеля, о том, что он был осужден, и ему пришлось покинуть Испанию. Он рассказывал ей о своих родителях и о дяде, веселил ее забавными историями о своей учебе, о бесконечных проделках брата Диего и о следующих за ними наказаниях. Словом, Келли не помнила, чтобы она когда-нибудь столько смеялась.

А еще они сотни раз занимались любовью...

С разрешения капитана Лидия вошла в каюту, чтобы сделать прическу, а Тимми снова накрывал на стол, и теперь уже Мигель предстал перед Келли совершенно другим человеком — веселым, остроумным, язвительно-ироничным, прямолинейным и даже несколько ехидным и враждебным, но она обожала его.

Келли встала и разгладила юбку недавно выстиранного и подштопанного платья. Крутанувшись на месте, девушка через плечо посмотрела на Мигеля:

— Как я тебе?

Мигель оценивающе откинул голову назад, но ничего не ответил, а прошел по каюте, подхватил Келли на руки и поцеловал. Затем он открыл сундук, который ему принесли этим

же утром. Девушке было интересно узнать, что же в нем лежит, но она не решилась заглянуть внутрь, и теперь сгорала от любопытства и нетерпения. Глаза Келли широко распахнулись, когда она увидела чудесное сапфирово-голубое платье под цвет ее собственных глаз.

— Это платье тебе больше к лицу, в нем ты будешь еще красивее... если не побрезгуешь надеть его.

Платье с квадратным вырезом и длинными рукавами, отделанными воланами, было заужено в талии, а юбка ниспадала до пола волнами, которые при ходьбе переливались и сияли всеми цветами радуги. Побрезгует ли она надеть это платье? Должно быть, он шутит. Ведь это было самое красивое платье из всех, имевшихся у нее когда-то, тем более что его подарил Мигель. Вскрикнув от удовольствия, Келли схватила платье, приложила его к груди и посмотрелась на себя в зеркало.

— Какое оно чудесное, — приговаривала девушка, поглаживая ткань.

— Я не покупал его, — услышала она за своей спиной.

Келли понимала сомнения Мигеля. Наверняка он считал, что она отвергнет это платье, поскольку оно досталось ему в результате грабежа. К черту, гори оно все синим огнем! Ей нравилось это платье, и она не могла вернуть его законной владелице, если таковая вообще когда-нибудь имелась, потому что платье казалось неношеным.

— Вне всякого сомнения, в этом платье я буду выглядеть более пристойно, капитан, — пошутила она.

Из груди Мигеля вырвался вздох облегчения, и он рассмеялся, целуя и лаская Келли. Мигель помог ей стащить прикрывавшие ее лохмотья. Келли не противилась его бесстыдным ласкам, а он не мог удержать свои шаловливые руки.

— Ради бога, кабальеро! — шутливо упрекнула она, легонько стукнув Мигеля по руке, хотя ее глаза довольно светились. — Речь идет о том, чтобы выйти прилично одетой, а если вы и дальше пойдете по этому пути, мы никогда не закончим.

Мигель прижал девушку к груди и легонько поцеловал ее в ключицу.

— Ведьма, — хриплым от желания голосом пробормотал он. — Когда мы приплывем на Мартинику, я голой привяжу тебя к своей кровати и проведу с тобой весь день.

Келли рассмеялась, понимая, что ее тело не против столь радужной перспективы. В голове закопошились непристойные мысли — Келли подумала, как приятно было бы провести время так, как говорил Мигель, обмениваясь ролями.

Платье, казалось, было сшито исключительно для нее, и оно вернуло Келли ее достоинство. Девушка покружилась по каюте пару раз, восторгаясь полетом юбки и переливами ткани.

— Ты обращаешься со мной очень хорошо для простой рабыни, господин, — лукаво заметила Келли.

Лицо Мигеля посуровело. Он обнял девушку за талию и притянул к себе. Келли тут же почувствовала возле своих ягодиц его бесстыдно торчащую твердость. Она едва не послала все к черту, готовая скинуть платье и закрыться с Мигелем в каюте до самого Судного дня, хотя снаружи уже слышался трубный глас Бризе, приказывающий швартоваться и раздающий матросам указания.

— Это ничего не изменит. Ты моя рабыня, и останешься ею, пока не наскучишь мне, — сказал Мигель, подумав про себя: “только этого никогда не будет, сокровище мое”, и добавил: — Я всего лишь намерен одеть тебя соответствующим образом.

Келли ничего не ответила. Да и как она могла ответить, если от этих слов у нее перехватило дыхание? Слезы жгли ей глаза, а в груди нарастала глухая ярость. “Какой же он мерзавец! Какая же скотина!” — мысленно выругалась Келли. После всего, что у нас было, после стольких ласк, шуток, откровений... Как же низменно и подло вот так походя сказать ей прямо в лицо, что она по-прежнему была для него не более чем рабыней, и останется ею до тех пор, пока не надоест! Так и убила бы его совсем! Келли задыхалась от ярости, но Мигель неправильно истолковал ее состояние. Хитро улыбнувшись, он наклонил голову и поцеловал девушку в шею, вдыхая нежный аромат ее золотистых волос.

Чтобы не доставить Мигелю удовольствие видеть ее плачущей, Келли отстранилась от него, сославшись на то, что ей нужно подкраситься. Тысяча оскорблений вертелась у нее на языке, и девушка кусала себе губы, чтобы сдержаться и не выпалить их. Она не собиралась доставлять удовольствие этому подлецу, он не увидит, что ему удалось ранить ее. Как он мог быть таким безжалостным и жестоким? Как он мог целых два дня заниматься с ней любовью, а теперь унижить ее подобным образом? “До тех пор, пока ему не наскучит!” — твердила про себя Келли, кусая губы и сжимая кулаки, чтобы сдержаться.

— Идем, — позвал девушку Мигель, лаская взглядом ее стройное, ладное и такое соблазнительное тело и с трудом сдерживая желание повалить ее на кровать и снова заняться любовью. — Нас ждут.

— Как прикажете, господин, — холодно ответила она, сглотнув, и расправила плечи.

Мигель сдвинул, было, брови и нахмурился, увидев, что Келли прошла мимо, даже не коснувшись его, но подумал, что девушка решила довести свою шутку до конца, благо за долгие часы близости он уже сумел разглядеть в ней артистическую жилку. Гордый, как павлин, Мигель, не отставая ни на шаг, шел по палубе вслед за Келли. Плавное покачивание ее бедер возбуждало его, вызывая желание. Мигель обреченно вздохнул, смирившись со своим поражением. Он отлично понимал, что Келли больше не была его пленницей. Это он превратился в ее раба, влюбившись по уши, как самый последний дурак.

Голландская таверна оказалась не такой, как представляла Келли. До сих пор девушка не бывала в портовых забегаловках и считала, что они были не похожи на ту, что предстала ее взору.

Таверна, о которой идет речь, и где решили остановиться пираты, была просторной и чистой. Столов в ней было предостаточно, но все они уже были заняты, и только что пришедшие гости искали, где бы им присесть. Завсегдатаи таверны потеснились, освобождая место вновь прибывшим горлопанам, громогласно требующим черного рома, горячего пива и еды.

Подхватив Келли под локоток, Мигель отвел ее в дальний угол и заказал вина на двоих. Келли села у стены, словно желая спрятаться от остальных, и сидящий перед ней Мигель служил ей защитной стеной. По заинтересованным взглядам мужчин девушка понимала, что она притягивает к себе их внимание. Келли опустила глаза и постаралась стать как можно незаметнее.

Две молоденьких девушки спорили между собой, кто из них будет в услужении капитана “Черного Ангела”. Первая из них, смазливенькая брюнетка, уселась к нему на колени, обняла за шею и поцеловала в губы. Другая, рыжая, фигуристая с аппетитными формами, особа наклонилась к Мигелю, демонстрируя свою пышную, колышущуюся в глубоком вырезе платья грудь, и по-собачьи лизнула его в подбородок.

Келли заметно сникла, но ничего не сказала, а только отвернулась и стала смотреть в другую сторону, делая вид, что ее больше интересовал поднявшийся в таверне шум, чем происходящее у нее под носом. Она ничего не могла с собой поделать, от приступа ревности защемило сердце, и от этого в груди все болело, словно от ножевой раны. Девушка и раньше понимала, что у нее нет прав на Мигеля, а сейчас поняла это еще лучше.

— Ми-и-ильй, — проворковала брюнетка, запуская руку под рубашку Мигеля и ведя ее вниз. — Я так по тебе соскучилась, — призывно пропела она, проводя рукой в опасной близости от бридж.

Мигель дал девицам полную волю, сознавая, что это было обычное для женщин легкого поведения приветствие любого клиента. Келли неосознанно стала постукивать носком туфли по полу. Поняв, что этим она выдаст свое волнение, Келли перестала стучать ногой и сжала руки под столом. Не хватало еще, чтобы этот чертов испанец понял, как она раздосадована! Она искоса взглянула на Мигеля, пообещав себе, что если он при ней начнет лапать этих двух шлюх, она его убьет, и — будь что будет. Однако Мигель дал девицам от ворот поворот, ласково шлепнув обеих на прощание.

— Я пить хочу, красотки, — сказал он, и обе девицы быстро улизнули на кухню.

Келли подпрыгнула от радости, заметив Бризе, идущего под ручку с Лидией в сопровождении Аманды. Вскочив со стула, девушка крепко обняла дуэнью Вирхинии. Мигель пригласил боцмана и дам сесть за их стол, и Аманда почти тут же начала долго и нудно сетовать на шум вокруг и пенять, что притащить их в это отвратительное место было верхом бесстыдства. Потом, позабыв об остальных, она начала рассказывать Келли о тысяче разных вещей, с головой уйдя в разговор.

— Война, девочка, это просто война! — жаловалась Аманда. — Этот нечестивый француз, бес его побери, снова собирается влезть на мою кухню.

— До Вашего прихода, это была его вотчина, — с серьезным видом прервал Аманду Бризе, но в душе он покатывался со смеху.

— Я до сих пор не могу понять, как это вы все не умерли, отравившись его стряпней! — Аманда вскипела от негодования. — Господи боже мой, готовить всё на рыбьем жире! Тьфу! Это же просто преступление!

Что верно, то верно — все были несказанно признательны Аманде за то, что старому Вальяру теперь поручили другие дела на корабле, но никто не осмеливался сказать ему об этом, и уж тем более никто не решался поддержать при нем вспыльчивую ирландскую старушку.

— Дочка, я чуть не умерла, когда узнала, что они с тобой вытворяли. Меня заперли на кухне, а не то я...

У Келли запульсировала жилка на шее, но она с благодарностью сжала руку Аманды. Келли считала, что Аманда всего лишь с парой сковородок и кастрюлек могла запросто сразиться с целой армадой подобного сброда.

Мигеля начала раздражать пустая болтовня и, чтобы не слушать ее, он встал и отошел в сторону, сделав боцману знак следовать за ним. Обе давешних молоденьких девицы вернулись к столу, неся поднос с жирным копченым мясом и две бутылки вина. Водрузив поднос на стол, они поспешили присоединиться к мужчинам и повисли у них на руках. Келли метнула на них злобный взгляд и, позабыв о них, приготовилась внимательно слушать подруг. Ирландка разоткровенничалась и всю изливала свою душу. Она до мельчайших подробностей описала каждую ссору с этим жирным, пузатым Вальяром, который, по ее словам, и понятия не имел, как тушить мясо, чтобы оно было вкусным.

— Но я поставила этого никчемного толстяка на место, когда он попытался вернуть, “свою”, видите ли, кухню, — гордо изрекла Аманда. Келли и Лидия понимающе улыбнулись друг другу.

Арман покосился на Мигеля и незаметно проследил за его взглядом.

— Ты позволишь ей уехать? — спросил он, запросто обращаясь к Мигелю, как делал зачастую, когда они были одни. Мигель вопросительно поднял бровь. — Англичанке, — пояснил боцман.

— Я не думал об этом, — не моргнув глазом, соврал Мигель.

— Эта старая трещотка говорит, что за девушек дадут хороший выкуп. Вирхиния — дочь плантатора с Ямайки, который владеет целым состоянием. А твоя прелестная дама принадлежит к одному из самых знатных родов Англии.

— Я же сказал тебе, что не думал об этом, Арман!

Бризе замолчал, вспыльчивость капитана и так сказала ему обо всем. Подошли Бульян и Леду, и Арман предусмотрительно пихнул Мигеля локтем в бок.

Увидев подружек и дуэнью, Вирхиния шагнула, было, к ним, но Пьер придержал ее за талию. Девушка внимательно посмотрела на Леду и положила ладонь на его руку. Арман заметил их ласки и наблюдал, как светловолосый помощник Бульяна улыбнулся и пожал плечами, позволяя спутнице уйти.

Вирхиния подбежала к столу и крепко обнялась с подружками.

— Ох уж эти женщины, — процедил Бризе сквозь зубы.

Увидев Мигеля и Бризе, Пьер и Бульян подошли к ним. С широченной улыбкой на лице Пьер, шутливо раскланиваясь и расшаркиваясь, попросил кое-кого из посетителей освободить один из столиков и пересесть за другой, заказав для них выпивку. Четверо

мужчин беседовали между собой, не выпуская из виду весело болтающих женщин.

— Пива для моих бравых молодцов! — зычный голос Депардье и приход дюжины мужчин лишь усилили гвалт, царивший в таверне. Капитан стоял, широко расставив ноги и уперев руки в бока. Увидев своих, он плутовато ухмыльнулся и присоединился к ним, а его молодчики тем временем смешались с толпой остальных завсегдатаев, громко подзывая девиц, чтобы те обслужили их.

Адриэн положил руки на стол и бросил взгляд на столик, за которым сидели девушки и Аманда. Его глаза сверкнули недобрым огнем, а на губах появилась похотливая ухмылка.

— Лакомый кусочек, Мигель, — причмокнул он. — Мне просигналили с “Миссионера”, что у вас есть женщины, но я не думал, что они такие хорошенькие. Кто эта старуха?

— Дуэнья одной из них, — ответил Бульян.

— За нее мы много не получим, но вот за остальных трех. Даже черномазая восхитительный кусок. Я хочу довести до конца распределение добычи и...

— Женщины не входят в часть добычи, Депардье, — обрезал Пьер, помрачнев лицом. Его хорошее настроение вмиг испарилось. Он прищурил глаза и сплюнул на пол.

— Я не знаю, понял ли я тебя, Леду, и не знаю, хочу ли понимать!

— Тогда я тебе объясню: брюнетка — моя, а блондинка принадлежит Мигелю.

Депардье выпрямился, словно ему залепили пощечину.

— Ты согласен с этим, Бульян?

— А почему нет? — пожал тот плечами. — Они являются частью добычи, и всем нам причитается доля, а Мигель с Пьером отказались от своей. Они даже готовы заплатить, так что ты ничего не потеряешь.

— А если я не согласен? — гаркнул Депардье, ударив по столу кулаком так, что подпрыгнули кружки.

— Тебе придется согласиться, Адриэн, поскольку остальные капитаны согласны на такую сделку, — ответил Бульян, казавшийся спокойней остальных, и стряхнул со штанов каплю пива. — Таковы наши правила.

Неожиданно вспыхнувший спор привлек внимание остальных. Сидя за столом, Келли перестала слушать своих подруг, заметив вызывающую позу типа, яростно препирающегося с Мигелем. Шестое чувство подсказывало ей, что она имеет отношение к этой стычке.

— Я могу просить сыграть на свою долю, и готов это сделать! — решил Депардье.

Мигель стиснул зубы. Он не хотел иметь проблем больше тех, что уже были, но и уступить не собирался.

— Все возможно, — с деланным спокойствием сказал Пьер, — но, как бы то ни было, почему бы тебе не оставить себе старушонку? Говорят, она отлично готовит.

— А ты, испанец, решишься сыграть со мной, поставив девчонку на карту?

Мигель проигнорировал насмешку, удержавшись от желания выскочить из-за стола, вцепиться Адриэну в горло и душить его, пока у него не вывалится язык, но это означало бы битву между его экипажем и командой француза с непредсказуемыми последствиями.

— Как сказал Франсуа, я готов заплатить за нее большой мешок золота, больше того, что мы получим за нее на невольничьем рынке. Этого тебе довольно?

— Нет, — быстро ответил Депардье. — По правде говоря, Леду может остаться со своей девчонкой со всем моим благословением. Я буду великодушен и отрекусь даже от мулатки, но ты не останешься со своей девчонкой, де Торрес. Она мне нравится, так что я вижу только одно решение: сыграем на нее в кости. Кто выиграет ее, отдаст свою капитанскую долю

другому.

Терпение Мигеля подошло к концу. Он вскочил, как молния, протянул руку и схватил Депардье за ворот его замызганного камзола. Подтащив его к себе, Мигель приблизил свое лицо вплотную к мерзкой роже француза. Краем глаза он заметил, как боцман Депардье выхватил саблю, а Леду еще быстрее достал пистолет и прицелился в голову подлого ублюдка.

— Успокойся, парень, — сказал он помощнику Депардье, — это спор двух благородных людей.

— Слушай меня хорошенько, свинья, — еле слышно сказал Мигель своему противнику. — У меня есть определенные преимущества, потому что это я взял тот корабль на абордаж. Единственное, к чему меня обязывает пиратский закон, это выплатить ее цену. Я не люблю кости, но мы всегда можем решить этот вопрос другим способом.

В таверне стало тихо. Все, без исключения, с интересом ждали следующего шага француза, чтобы узнать, чем закончится давнее соперничество. Приглушенным шепотом начали делаться ставки.

Депардье одним ударом освободился от руки, мешающей ему дышать, поправил одежду и заметил приподнятую атмосферу в ожидании ответа. “Подходящий момент, и зрители есть”, — подумал он. Золотая возможность покончить разом со всеми безродными выродками, которые были для него, как чирей на заднице. Де Торрес ждал ответа.

— Сыграем не на жизнь, а на смерть, испанец! — ответил Депардье.

Сердце Келли замерло, а затем его стук стал отдаваться в ушах с такой силой, что восторженный рев пиратов перед дуэлью был всего лишь отдаленным шорохом. По спине Келли тек холодный пот. Она не могла даже пошевелиться — она опять была разменной монетой.

Взгляд Мигеля был холоден. Келли никогда не видела у него такого ледяного и беспощадного взгляда. Одним пинком он убрал с дороги мешавший ему стол, с которого во все стороны тут же полетели фонтанчики еды и с грохотом посыпались на пол разбитые кружки. Капитаны окружили дуэлянтов, а остальные мужчины придвинулись поближе, чтобы лучше видеть поединок. Ни один из них не хотел упустить ни малейшей детали боя.

— Насмерть, Адриэн, насмерть! — послышался голос Мигеля.

Депардье первым выхватил саблю и отступил, ища свободное пространство и подстрекая противника.

— Давай, испанец, выходи, — позвал он и поманил Мигеля пальцем. — Хочу, чтобы ты отведал моего клинка.

— В этот раз будет не просто поединок из-за юнги, — предупредил его Мигель.

— Конечно, нет, сын испанской суки, — подначивал Депардье, подбадриваемый возгласами своих людей. — В этот раз я выну из тебя душу и останусь с этой девкой и с твоим кораблем.

— Болтай, болтай, — рассмеялся Мигель, — только это ты и умеешь. Кончай орать и дерись.

Келли пыталась поскорее разобраться во всем. Юнга? Тимми? А этот тип, выходит, капитан Депардье? Она очнулась от звона сабель; дуэлянты примерялись друг к другу. Келли вырвалась из рук старавшейся удержать ее Вирхинии и протиснулась сквозь возбужденно орущую толпу людей поближе к дерущимся. Она задыхалась от тревоги и не могла ни о чем думать, до ужаса напуганная тем, что Мигель бьется не на жизнь, а на смерть. Девушка выглянула из-за плеча какого-то недомерка ниже ее ростом и вскрикнула, увидев, что француз атакует. Келли перестала дышать и зажала рот кулачком, когда стальное острие просвистело в нескольких миллиметрах от шеи Мигеля.

Орущая и жаждущая крови толпа напирала на Келли, толкала ее, и девушка пихалась локтями и ногами, чтобы освободить себе место. Она не желала видеть этот бой, но и не смотреть его тоже не могла. Келли была как на иголках; острый страх смешивался с отчаянием, грозя задушить ее. Она подавила желание закричать и остановить это безумие, и только крепко зажмурила глаза при следующей атаке, молясь за жизнь Мигеля. Услышав всеобщее улюлюканье и свист, Келли снова сосредоточилась на драке, машинально царапая ладонь ногтями.

Мигель парировал выпад Депардье, и с новыми силами бросился в атаку, заставляя Адриэна отступить.

Чтобы не волновать девушку, бывший раб “Подающей надежды” держался как заправский дуэлянт. Мигель сражался с присущей ему быстротой и решительностью, рука его была уверена и тверда. Вне всякого сомнения, испанец был крепким орешком, но от самого зрелища изматывающей, смертельной дуэли и ее жуткого финала — гибели одного из двоих — Келли была на грани обморока. Дрожа от страха, девушка следила за каждым

движением Мигеля широко открытыми глазами. Постепенно в нее вселилась уверенность. Она поражалась храбрости Мигеля, его решимости и мастерскому владению саблей. Клинок Депардьё снова и снова приближался к телу противника, и сабли ужасающе лязгали и звенели, а каждая атака Мигеля была доведена до совершенства. Даже Джеймс, ее брат, упражняясь со шпагой, не обращался с ней с такой ловкостью. И все равно Келли пугалась каждого удара, ей было трудно удержаться на ногах.

Она заткнула уши, чтобы не слышать вопли, наполнившие таверну при неожиданной, неустрашимой атаке Депардьё, когда его клинок слегка рассек кожу на левой руке испанца. Ослепнув от страха, Келли молилась, чтобы эта рана не ослабила Мигеля, не лишила его сил.

К счастью, порез был настолько незначительный, что сам Мигель даже не почувствовал его. Однако французу эта маленькая победа пришлась как нельзя кстати. Он еще больше осмелел, подбадриваемый криками своих людей.

Ставки на него выросли и составляли четыре к одному. У Келли помутилось в голове. Ей казалось, что Мигель сражается мастерски, но если пираты ставят на его противника, значит, им были известны слабости обоих. Выходит, они думали, что Мигель мог проиграть? Девушка впервые присутствовала на подобного рода поединке и ничего не знала, за исключением названий некоторых ударов, которые она слышала от брата. Она ясно различала только одно: у француза вспотело все лицо, и с каждым ударом он пыхтел все сильнее, а Мигель казался все таким же, как в начале боя, и его прерывистое дыхание было едва заметно.

— Три дублона на капитана Депардьё!

— Я удваиваю твою ставку, Верниньян!

— Утраиваю! — крикнул другой матрос.

— Отлично! С вашими деньгами, парни, я отжарю нескольких шлюх.

Ставка была отмечена взрывом хохота, и Келли снова почувствовала себя зажатой со всех сторон потными и вонючими телами зрителей. Их так интересовал исход поединка, что они даже не замечали ее присутствия.

При одном из выпадов Мигель споткнулся и потерял равновесие, но сумел смягчить удар при падении и даже пнул ногой ногу Адриэна, лишив его опоры.

С каждой проходящей минутой капитану “Черного Ангела” становилось все труднее дышать, но француз и вовсе задыхался и пыхтел, как паровоз. Его тучность не способствовала долгим схваткам, и он это знал, а потому старался закончить бой, как можно раньше.

Чьи-то руки обхватили Келли за талию. Она стремительно извернулась, как змея, и увидела Пьера Леду. Он прижал палец к ее губам, прося молчать. Ясный взгляд Леду был устремлен на девушку. Он с улыбкой придвинулся к ней еще ближе и прошептал на ухо:

— Успокойся, красавица. Мигель всего лишь забавляется.

— Он считает сражение забавой? Вы все проклятые дикари, варвары, — ответила Келли, отвернувшись и снова внимательно наблюдая за схваткой.

Пьер приподнял бровь. О, боже! Эта кошечка была прелестной! У этой нежной англичаночки было больше отваги, чем у некоторых из парней, находящихся под его началом. Вероятно, Мигелю было нелегко с ней, если он собирался обуздать ее. Келли даже не пыталась отказываться от предложенной Пьером защиты, а он не хотел оставлять ее одну, потому что поединок становился все ожесточеннее.

Мигель вскочил на ноги и благородно ждал, когда поднимется его враг. Келли про себя

назвала Мигеля дураком, уверенная в том, что Депардьё не был бы так учтив. Она заметила, что слабая улыбка, до этого блуждавшая на губах Мигеля, исчезла, и вместо нее в его лице появилось что-то хищное, предвещавшее неудержимую ярость. Он словно заявлял всем, что Депардьё уже мертв.

И Келли не ошиблась. Мигель бросился на врага и нанес два сокрушительных удара, заставивших француза отступить. Потом он, отвлекая врага, крутанулся на месте, словно речь шла о танце, перекинул саблю в левую руку и нанес смертельный удар.

Депардьё почувствовал, как холодная сталь проникла в грудь, отнимая жизнь. Его темные глаза широко открылись, глядя в глаза Мигеля, этого проклятого испанца, пославшего его во владения Сатаны. В таверне наступила мертвая тишина. Депардьё невнятно пробормотал что-то тем, кто ставил на его смерть, и рухнул на пол.

Прозвучавший выстрел снова поверг всех в унылое молчание. Мигель обернулся в поисках стрелявшего и увидел Келли. Девушка заткнула уши руками, потому что выстрел прогремел совсем рядом, справа от ее головы. Боцман Депардьё с саблей в руке и ужасной дыркой между глаз свалился рядом с капитаном.

— Мне не нравятся псы, которые кусают из-за спины, господи! — громко сказал Пьер, так, чтобы его слышали все, и дунул на ствол пистолета. — Если кто-нибудь не согласен, может сказать об этом прямо сейчас.

— Или замолчать навсегда, — добавил Мигель, уже получавший многочисленные поздравления и одобрительные хлопки по спине. Он кивнул приятелю, благодаря того за своевременное вмешательство, а потом глаза Мигеля устремились к Келли, его спасительной соломинке, за которую он цеплялся с каждым разом все крепче. Мигель запрыгнул на стол и обратился ко всем сразу.

— Слушайте меня все! Корабль Депардьё теперь мой! — сказал испанец. — Он пытался подкупить мой экипаж, чтобы люди предали меня. Теперь он мертв. Если кто-нибудь из вас хочет уйти, он волен это сделать, скатертью дорога. Те же, кто присоединится ко мне, поплывут на “Дофине” и получают такую же долю добычи, как и мои люди.

Мир вокруг Келли, казалось, взорвался, и девушка от души поблагодарила Леду за то, что он вытащил ее из этого хаоса. Она чувствовала себя, как после качки, и была очень зла на Мигеля. Он мог покончить с Депардьё за минуту и, тем не менее, заставил ее страдать, как ей показалось, целую вечность.

Пираты пускали в ход выигранные ими деньги, и с особенной легкостью спускали их те, кто выиграл много. Никого не волновали трупы Депардьё и его верного боцмана, пока сам Бульян громогласно не приказал вытащить их отсюда на какую-нибудь свалку. Мигель заказал ром всем, кто хотел выпить за его здоровье.

Келли сидела, прислонившись спиной к стене. Ее подруги расстроено говорили о чем-то, но она не слушала их. Она была не в духе, уныние управляло ниточками ее разума. Мигель отплатил ей теми ужасными минутами, что она пережила. Ну так он тоже заплатит за это!

Весело улыбаясь, Мигель дружески положил руку на ее плечо. Он был безрассудно смелым, играя жизнью так, словно она была простой ставкой.

Что ее ожидало рядом с этим мужчиной? Сколько раз ей придется кусать себе пальцы, пока он будет развлекаться драками? Неужели она собирается прожить свою жизнь, дрожа из-за каждого шага Мигеля? Келли хотелось побольнее оскорбить его, исцарапать ногтями, убить!

— Идем, принцесса. Для нас есть комнатка, — услышала Келли его голос.

Без возражений она оперлась на руку Мигеля и, как пьяная, поднялась вместе с ним по лестнице. Девушка даже не смотрела, куда они удут. Мигель ускорил шаг, словно желая побыстрее прийти, но в ушах Келли еще звучали предательские ставки, звон сабель и предсмертный хрип Депардье, который мог запросто оказаться предсмертным хрипом Мигеля.

Закрыв за собой дверь, Мигель крепко обнял Келли и положил подбородок на ее голову, а она истерически разрыдалась. О, боже! Она едва не потеряла его. Она была так близка от этого, что у нее до сих пор тряслись руки.

— Не делай больше так, слышишь?! — всхлипывала Келли и икала, пока Мигель осушал поцелуями ее слезы. — Никогда не делай!

Мигель продолжал улыбаться, словно ему были неважны ее слова. Келли повернулась и оттолкнула испанца. Этот чертов подлец на самом деле развлекался!

— Ты так беспокоилась, что меня убьют, малышка? — хвастливо заявил Мигель, пытаясь снова обнять ее.

Разозлившись, Келли снова и снова отталкивала Мигеля, пока не ударилась о стену. Тогда она сжала кулак и, как заправский кулачный боец, изо всей силы стукнула его в подбородок. От этого удара глаза Мигеля собрались в кучку, и он растерянно схватился рукой за челюсть.

— Чертов ты сукин сын! — как одержимая ругалась Келли. — Осел, дурак проклятый, тебя могли убить из-за меня!..

Три дня спустя, они подплывали, наконец, к острову Мартиника. Келли томилась, строя планы на то, чтобы поселиться здесь. В эти дни она почти не видела Мигеля — он был занят своим новым кораблем “Дофином” и матросами, распределяя между ними добычу, украденную у англичан.

Почти весь экипаж “Черного Ангела” и “Дофина” решил остаться на Гвадалупе, чтобы сполна насладиться полученным богатством. Келли же была увлечена коротким путешествием к конечной точке ее маршрута.

Мартиника был чудесным островом с буйной растительностью посреди изумрудных вод. Бухточки с белейшим песком вклинивались во вьющуюся по берегам зелень. Маленький портишко, в котором они бросили якорь, пестрый и такой же оживленный, как на Гвадалупе, был, тем не менее, спокойным, уютным и приветливо-радушным местом. Именно за уют и спокойствие после долгих дней плавания и многих неожиданностей была благодарна Келли этому местечку.

В этом поселении перемешались карибы, араваки и французы, — сообщил девушке Арман, когда они швартовались.

Келли пришлись по душе маленькие, покрашенные в яркие цвета, лодчонки, спущенные белые паруса, голоса грузчиков, ребячий гвалт. Особое внимание Келли привлекло большое белое здание, занимавшее изрядную часть порта.

— Это контора французской Вест-Индской компании, — пояснил Мигель, стоявший позади так близко от нее, что девушка могла ощущать аромат его тела. — Колонисты победнее хранят на этом складе свой урожай. Надеюсь, в следующем году я тоже смогу сделать это.

— У тебя есть поместье? — удивилась Келли и полуобернулась, чтобы убедиться, что это не розыгрыш. Но это было бы глупо! Келли скучала по Мигелю, но теперь поняла,

почему он был так занят.

— Точнее сказать, это проект поместья, но мы идем к этому. Пока это небольшой дом, но теперь под моим началом два корабля, и я смогу расширить свои владения. Как ты считаешь, Арман, Рой закончит подготовку полей?

— Я уверен в этом, капитан, этот тип знает свое дело. Если мне придется по вкусу то, что я увижу, то, пожалуй, я мог бы попытаться справиться с этим делом и заняться полями.

Арман Бризе, работающий в полях? Эта мысль не укладывалась у Келли в голове, но, определенно, позабавила ее. Она не могла представить себе этого здорового детину согнувшимся над бороздами. Рядом с Арманом Лидия, не оставляющая его ни на секунду, казалась игрушечной. Келли легко представляла этого француза на палубе корабля, сражающимся с гнусными мерзавцами в компании таких же низкопробных людишек, а вот в роли землевладельца — с большим трудом, но, само собой, каждый человек имеет право выбирать свою судьбу и в какой-то момент бросить пиратство. И когда уже Мигель тоже решит, что ему хватит рисковать своей жизнью?

Вдалеке возвышались горы, и Келли догадалась, что остров был вулканическим. Из порта они поехали по дороге, окаймленной густыми, высоченными зарослями папоротника, красного дерева, кокосовых пальм и многочисленных других растений. Девушка обомлела при виде такого буйства красок и ароматов, смешавшихся между собой. Сирень, орхидеи, и еще какие-то неизвестные ей цветы... Келли восторженно разглядывала колибри с их разноцветным и ярким оперением, ведь она впервые видела этих птиц. Девушка была поражена, когда тропа приблизилась к берегу, и Бризе показал вниз на побережье, вдоль которого тянулись фантастические белые, пурпурные и голубые коралловые рифы.

Земли Мигеля показались ей плодоносными. Рядом с домом был песчаный пляж. Песок был белый, а вода кристально чистой и прозрачной. Похоже было на то, что дом строился очень быстро. Это было двухэтажное белое, самое обычное квадратное строение с красной крышей и огромными окнами. Балкон опоясывал весь верхний этаж. По обе стороны подъездной дорожки и лестницы, ведущей к парадному входу, тянулись клумбы, сплошь покрытые цветами. Своими красками они смягчали незатейливую простоту дома.

Все это должно было являться плодом женских рук, и Келли внезапно охватила ревность. Не было ли здесь, часом, у Мигеля какой-нибудь любовницы? Это было бы неудивительно, учитывая тот прием, что оказали Мигелю девицы, когда они приплыли на Гвадалупу. Келли с трудом прогнала из головы эту мыслишку — будь это так, Мигель не поплыл бы с ней сюда.

Девушке нравились здешние места. Поместье обещало быть поистине царским, как только Мигель закончит все работы.

Несколько работников усердно трудились над кровлей. Другие, позади жилого дома, занимались строительством амбара, а чуть дальше еще несколько человек суетились у будущих конюшен.

— Что это за постройка? — с любопытством спросила Мигеля Келли, когда тот подавал ей руку, помогая выбраться из ландо.

— Арман подал мне идею, что нужно иметь свой амбар. Ну и как тебе мой маленький рай? — Мигель с гордостью продемонстрировал Келли свои владения. Девушка помедлила с ответом. Она окинула все придирчивым взглядом: красивый и ухоженный сад возле дома, извивающийся среди подрезанных кустов и тысячи цветов, несколько пальм вдоль подъездной дорожки, бросающих тень на милую, уютную беседку.

— Здесь очень мило, но будет еще красивее, если добавить несколько мелких деталей. Мигель, — неожиданно сказала Келли, — я хотела бы заботиться о саде.

Келли произнесла его имя с такой нежностью, что сердце испанца начало отбивать барабанную дробь.

— Если у тебя остались силы...

Едва Мигель и Келли успели выйти из ландо, как к ним быстро подошла некая шустрая парочка. Оба среднего возраста, и оба мулаты. На мужчине были белая рубашка и белые штаны, а на женщине — пестрое, цветастое платье. Ее черные волосы были собраны под косынку, а лицо еще хранило девическую свежесть. Мужчина держал в руках инструменты, а женщина торопливо вытирала руки о белоснежно-чистый передник. Они понравились Келли с первого взгляда.

— Добро пожаловать, капитан, господин Бризе... — поздоровался мужчина. — Мы ждали вас еще вчера. Гедеон привез нам новости, что несколько дней назад вы бросили якорь на Гвадалупе.

— Сожалею, что задержался, — Мигель обменялся крепким рукопожатием с женщиной. — Как здесь все продвигается?

— Земли уже готовы, сеньор, — быстро ответила женщина, широко улыбаясь и не сводя глаз с двух девушек. — Но нужно кое-что переделать на кухне, капитан, поскольку Рой сказал, что...

— О, господи! Не беспокойте хозяина такими вещами, жена!

— Но это нужно сделать! — настаивала она.

— Мы займемся этим.

— Вот и займитесь.

— Я же сказал тебе, что посмотрим.

— Как же, посмотрим, — проворчала женщина, пихая спутника локтем под ребра, — противный зануда! Дай-ка мне самой уладить это дело с капитаном, и...

— Позвольте мне представить вам Роя и его жену, Веронику, — прервал супругов Мигель. — Они присматривают за домом и моими владениями. Как вы и сами видите, эта парочка отлично ладит друг с другом, — пошутил он, целуя мулатку в щеку.

Вероника слегка покраснела, заправила под косынку выбившуюся из-под нее прядь волос и приветственно поклонилась гостям. Ее муж ограничился легким наклоном головы.

— Не обращайтесь внимания на капитана, сеньориты, ему нравится подшучивать над нами, когда мы спорим. Мы рады, что вы здесь.

— Это Лидия, — представил девушку Бризе, обнимая ее за талию.

— А эта сеньорита? Вы не сказали мне, сеньор, что взялись за ум! — в глазах Вероники угадывалось нетерпение. — Конечно же взялись, потому что иначе не привезли бы сюда эту сеньориту. Вы и не представляете, какую радость доставили нам, капитан! Ведь она... Ваша жена, правда?

Келли заметила, как напрягся Мигель. Он тут же убрал руку с ее плеча, которое поглаживал перед этим, и девушка, с замиранием сердца ждала ответа испанца, не осмеливаясь посмотреть ему прямо в глаза. Как он представит ее этим людям? Кем? Она не была его женой, но много раз делила с ним постель с тех пор, как они покинули “Еврипид”. Щеки девушки разалелись, как спелый персик, и она опустила голову, разглядывая носки своих туфель. Сердце бешено колотилось в груди в ожидании объяснений Мигеля. Она умирала от стыда. Неужели он представит ее, как свою любовницу. Если он поступит

именно так, она не сможет смотреть этим людям в лицо.

Мигель боролся сам с собой. Его жена! Да, во время плавания в своем любовном горячечном бреду он представлял ее своей женой, но она не была ею. Много раз он спрашивал себя, что ответила бы Келли, предложи он ей руку и сердце. Он боялся ее ответа, и это останавливало его. Что она могла ответить на его нелепую, несуразную просьбу? Насколько он знал, Келли была настоящей дамой; ее семья была одной из самых родовитых и знатных английских семей. Мигель сомневался, что в планы девушки входило связать свою судьбу с человеком без родины и будущего, бывшим рабом, занимавшимся теперь морскими грабежами и разбоями. Он считал это просто недопустимым для нее, и, как последний растреклятый трус, выбрал самый легкий путь:

— Нет, она... — Мигель с секунду смотрел на Келли, — она моя рабыня.

У Вероники невольно вырвался возглас изумления, и Келли, быстро вскинув голову, устремилась на Мигеля взгляд, полный яда.

— Рабыня? — осмелился переспросить Рой. — Но, капитан, у Вас же нет... — он не договорил, заметив мрачный взгляд Мигеля, а только сокрушенно покачал головой, не понимая хозяйского поведения.

Повисла напряженная тишина. Все, без исключения, зависели от Мигеля и молча ждали чего-то. Бризе сверлил его взглядом так, будто хотел вlepить пощечину; Рой и Вероника не верили своим ушам, а Лидия смотрела на Мигеля просто с жалостью. Но Келли... Немой упрек ее негодующих и таких голубых глаз был для Мигеля больше ударов кнута, полученных в “Подающей надежды”.

Келли была натянута, как скрипичная струна; с ее лица схлынули все краски, и она не видела никого, кроме Мигеля. В горле застрял комок. Она победила в смысле унижения. Было не время, но для пощечины создались все предпосылки. Келли просто завопила бы от разочарования, но, молча, по-английски невозмутимо и гордо вздернула подбородок.

— Полагаю, речь идет об одной из ваших шуток, капитан, — заметила Вероника, более прямолинейная и не склонная плыть по течению, как ее муж.

Мигель стиснул зубы так, что на скулах заиграли желваки. Он тысячу раз проклял себя за то, что выставил себя законченным дураком. Теперь ему придется иметь дело с этой дерзкой служанкой. Не нужно было отвечать ей, вот только поздно махать кулаками после драки, все равно ничего не исправишь. Да и вообще, какого черта! Келли Колберт была всего лишь его рабыней, и не более того. Не пообещал ли он себе в память о Диего сделать ее рабыней, встретившись с ней на борту английского корабля? Разве не поклялся он, что оплатит с лихвой за позор и унижения, полученные от ее родни?

Внезапно Мигель почувствовал себя ужасно слабым и одиноким здесь, среди людей, смотрящих на него так, будто он был какой-нибудь диковинной зверушкой.

— Нет, это не шутка. Ее зовут Келли Колберт, — ответил Мигель и быстрым шагом направился к дому, запутавшись в себе самом и не понимая, что с ним происходит.

Красная от стыда, Келли не знала, что делать и что сказать. Ей безумно хотелось убежать и затеряться в непроходимом, диком лесу, начинавшемся неподалеку отсюда.

— Не обращайтесь на него внимания, сеньорита, — сказала Вероника, беря бразды правления в свои руки и стараясь сгладить возникшую неловкость. — Такое частенько с ним происходит. Наверняка у него опять один из неудачных дней.

— Но наш хозяин — человек добрый, мадемуазель, — уверил девушку Рой, словно это могло ее успокоить.

— Ты воспринимаешь это слишком близко к сердцу, — пробурчал Бризе, направляясь следом за Мигелем, — а он вел себя, как безмозглый осел.

Несмотря на унижительное положение, в которое поставил ее Мигель, Келли убедилась в том, что это не произвело никакого впечатления на Веронику, женщину бойкую и веселую, которая заставила ее вместе с Лидией немедленно войти в дом. Втроем они поднялись на второй этаж, и там служанка отвела их в комнату, расположенную в восточном крыле галереи.

— Скоро весь дом будет достроен, придут работники, наведут чистоту, и вы сможете выбрать комнату, которая понравится Вам больше всего, мадемуазель. А пока, надеюсь, Вам придется по вкусу эта, — добавила она.

Комната была просторной и светлой. Как и остальной дом, она была обставлена мебелью лишь наполовину, но здесь уже имелась кровать с балдахином, шкаф и маленький туалетный столик с табуреткой, всё в бледно-фиолетовых тонах. В этом снова была заметна женская рука.

— Благодарю Вас, сеньора. Комната очень мила.

— Зовите меня Веро, здесь все зовут меня так, кроме мужа, когда мы спорим. Тогда он зовет меня Вероника Гертруда Мари, что выводит меня из себя, — пошутила служанка. — На рассвете эта комната просто чудо.

Келли, немного нервничая, повернулась к ней, не решаясь спросить, почему мулатка отвела ей комнату для гостей. В комнату молча вошел небольшой мальчишка, черный, как уголь, оставил багаж у двери и также молча испарился. Лидия достала из сундука единственное и уже потрепанное платье Келли, которое та не хотела выбрасывать, и повесила его в шкаф.

Келли удрученно посмотрела на единственный предмет, висящий в огромном шкафу, и с тоской в сердце вспомнила свой прежний, набитый до отказа нарядами, гардероб.

— Не думаю, Веро, что капитану понравится, что я заняла эту комнату.

— Почему? Я сама украсила и обставила ее на случай приезда гостей.

— Вы же слышали, что я не гостья.

— Глупости!

— Но...

— Глупости, говорю я Вам, сеньорита. Если Вам что-то не по вкусу, скажите мне, и мы все переделаем. Мне нравится нежно-сиреневый цвет, поэтому комната и отделана в сиреневых тонах. Я велю принести Вам еще ковер. — Вероника расхаживала по комнате, всё оглядывая, переставляя и что-то планируя. — Я пошлю кого-нибудь из парней в город. А впрочем, нет, пожалуй. Думаю, на чердаке есть один ковер, который подойдет для этой комнаты...

— Мне не хотелось бы создавать Вам проблемы.

Вероника нахмурилась и дерзко посмотрела на Келли сверху вниз, как на равную.

— Вот что я скажу, девочка. Если Вы рабыня этого упрямого брюзги, то я — королева Франции!

— Но...

— И больше — ни слова! Вы останетесь в этой комнате, а мы подыщем другую комнату для нее, — Вероника указала на Лидию.

— Ей уже есть, где поселиться, — раздался у двери голос Армана. — Лидия пойдет со

мною.

На лице Вероники засияла блаженная улыбка. Келли выразительно посмотрела на Лидию, спрашивая, согласна ли она, и девушка, молча, кивнула головой. Если Бризе удалось остаться с Лидией, заплатив изрядную долю от своего куска добычи, то, само собой разумеется, он не собирался отказываться от нее. И, похоже, Лидия была с ним полностью согласна.

— А теперь, дамы, если вы закончили, мне хотелось бы, чтобы моя дама одобрила нашу комнату, тем более что кое-кто очень по ней соскучился. — Бризе протянул Лидии руку, и девушка тут же подошла к нему.

У Келли потеплело на сердце — по крайней мере, Лидии повезло, у нее есть достойный мужчина, и девушка от души порадовалась за подругу.

В первые два дня Мигеля не было видно дома, и Вероника пояснила, что он вместе с ее мужем осматривает земли, к тому же они присматривают за постройкой амбаров, и вообще у них есть еще целая куча разных дел. Келли довольствовалась обществом служанки. Веро была, как ураган, она вечно была в движении и без единой жалобы занималась всем одновременно. С Лидией Келли почти не виделась и, несмотря на всё внимание Вероники, она по-прежнему чувствовала себя здесь чужой. Чтобы окончательно не пасть духом, Келли как-то заглянула на чердак вместе со служанкой и поразилась количеству вещей, собранных там. На чердаке было все: ковры, канделябры, зеркала, кресла, ткани... Женщины выбрали темно-лиловый ковер, пару кресел с подголовниками и круглый столик во французском стиле. Столик и кресла они поставили у окна, и в комнате сразу стало уютнее. Келли была благодарна Веро за ее приветливость и обходительность. Если у служанки выпадало свободное время, она сбегала от домашних забот и подолгу гуляла вместе с Келли неподалеку от дома, но не приближалась к тем местам, где еще велись работы. Лидия с радостью присоединялась к этим прогулкам.

На третий день вынужденного безделья, поскольку Веро даже слышать не хотела о том, чтобы Келли помогала ей на кухне или прибралась где-нибудь, девушка пришла к конюшням, и была приятно удивлена, увидев там юнгу с “Черного Ангела”.

— Тимми!

— Мадемуазель! Я хотел зайти проведать Вас, как только закончу работу, — паренек отложил щетку, которой чистил восхитительного жеребца, вытер руки о штаны и подошел к Келли. Девушка поцеловала Тимми в щеку, и мальчишка зарделся от удовольствия.

— Ты даже не знаешь, Тимми, как я рада снова видеть тебя.

Жеребец, черный, как смертный грех, заржал, тоже желая привлечь к себе внимание, и Келли подошла к нему. Конь был поистине чудесным — статный, с длинными, точеными ногами, и девушка по неведомой ей причине сразу связала его с Мигелем.

— Это конь капитана, — сказал ей Тимми, тоже ласково поглаживая жеребца. — Мы только что с ним познакомились и подружились. — Капитан велел мне подготовить его, потому что поедет в город.

— А где он сейчас?

— В полях, сеньорита, вместе с господином Бризе.

Келли провела рукой по морде жеребца, тот мотнул головой, а потом положил ее на плечо девушки. Келли испытывала безграничную близость к коню, чувство, которого ей так не хватало.

— Ах ты, соблазнитель. Мне так хотелось бы проехать на тебе верхом.

— Вы можете попросить разрешения у капитана, когда он вернется.

— Думаешь, он разрешит? — Тимми в сомнении почесал затылок. — Ладно, какая разница, это была всего лишь идея. Я скучаю по верховым прогулкам.

— Здесь безграничное раздолье, думаю, капитан не станет возражать, если Вы не будете отъезжать далеко от дома. Это опасно.

— Почему опасно?

— Можно наткнуться на какого-нибудь злодея. На Мартинике их всегда хватает.

— Не думаю, что они опаснее твоего капитана, — язвительный тон Келли заставил мальчишку подпрыгнуть.

— Он не злодей, сеньорита.

Келли кивнула — здесь все думали, что Мигель был чуть ли не святым, спустившимся с небес. Черт побери! Как же плохо они его знали! Она вернула лошадь Тимми и улыбнулась, чтобы смягчить свое едкое замечание. Ей нравился этот наказанный жизнью паренек с прямым, открытым взглядом. Келли было жаль, что мальчишке вместо того, чтобы ходить в школу, пришлось плавать на пиратском судне, играя жизнью и рискуя. Если бы она могла поговорить с Мигелем... Девушка решила увидеться с ним дома, хотя шансы встретить Мигеля с каждым разом казались ей все менее вероятными.

Однако она ошибалась. Мигель пришел домой где-то через час. Увидев Келли, он остановился и недовольно поморщился. На ней было ее старое платье, выстиранное и снова заштопанное. В данной ситуации она считала неправильным надевать платье, подаренное ей, как даме.

Келли собрала волосы в конский хвост и на манер Вероники заправила их под косынку. Девушка знала, что вид у нее не ахти какой, но, по крайней мере, она была чистой.

— Надеюсь, сегодня вечером ты будешь выглядеть лучше, — язвительно-кислым тоном заметил Мигель. Разглядеть выражение его лица было невозможно, потому что он уже поднимался по лестнице на верхний этаж.

Келли не могла поспорить с ним. Выглядеть лучше? Должно быть, он круглый дурак! И что, интересно, он думал, она наденет? Ведь у нее было только одно платье, которое он ей подарил. У нее нет даже порядочных туфель. Чего он ждал? Что она разоденется, как королева? Она уже не была дамой знатного рода, и в ее распоряжении не было полного гардероба одежды и достаточного количества туфель и сапожек.

Она даже не была его любовницей, по крайней мере, официальной любовницей. Тем, обычно, всё дарят за то, что провели с ними время. А простой рабыне? Да где это видано, чтобы рабыням дарили подарки? Что она могла ждать от него? Келли хотела плакать, но от злости не могла.

Войдя в кухню, девушка громко хлопнула дверью. Хлопотавшая на кухне Вероника сразу угадала ее плохое настроение. Характер у Келли был легкий, она со всеми была одинаково приветлива и обходительна, держалась на короткой ноге и смеялась над ее сплетнями. А теперь она сказала бы, что та пришла мрачная и взъерошенная.

— Капитан уже пришел? — спросила служанка.

— Пришел.

— Я так и знала. Что случилось?

— А что должно было случиться? — проворчала Келли, садясь на лавку и беря только что испеченную лепешку.

— Да будет Вам, сеньорита! Не забывайте, что я знаю Вас довольно давно. Что этот

упрямец сделал теперь?

— Я его ненавижу! — не сдержавшись, выпалила Келли.

— Как Вам угодно! — пожала плечами Веро, продолжая месить тесто. — Только Вы ошибаетесь. Он твердолобый, это верно, но настоящий человек.

Судя по всему, в этом проклятом доме не найдется никого, кто осудил бы Мигеля, разве что слегка. Келли не желала больше слушать о нем и ушла с кухни как раз тогда, когда ее Немезида собиралась войти. Они столкнулись в дверях. [*прим: Немезида — древнегреческая богиня возмездия*]

— Негодяй, — еле слышно пробормотала Келли.

Мигель остановился и смотрел ей вслед, спрашивая себя, правильно ли он расслышал. Что это было, оскорбление? Да какого черта с ней происходит? Он старался дать ей свободу, не докучал, хотя на самом деле в эти дни ему было трудно заснуть по ночам, потому что каждую ночь он хотел быть с ней. Почему она так разозлилась?

— Какая муха ее укусила? — спросил Мигель Веронику, войдя на кухню.

— Вы спрашиваете об этом меня, капитан? — служанка посмотрела на Мигеля через плечо с каким-то намеком.

— Если бы взглядом убивали, сейчас я был бы трупом, — Мигель тоже собирался взять лепешку, но Вероника стукнула его по руке.

— Оставьте лепешку, они на утро, — проворчала она, отодвигая поднос. — Я могла бы объяснить Вам, что с ней происходит, месье, но для этого нужно время, которого, как мне кажется, у Вас нет, и много терпения, которого нет у меня.

Мигель удивленно поднял бровь. Умение служанки порицать его была притчей во языцех, она всегда резала правду-матку в лицо, не скрывая то, что думала. Одним словом, что на уме, то и на языке. В большинстве случаев она действовала не как служанка, зачастую оспаривая его поведение. Так поступила она, и когда Келли приехала в дом. В конечном счете, она, как правило, была права. Мигель был рад, что она поселила Келли в одной из гостевых комнат, хотя он и не сказал об этом. Мигель любил Веронику и восхищался ей. Она была здравомыслящей, решительной женщиной и не грешила раболепием, которое, с другой стороны, ему не нравилось, поэтому в поместье Мигеля не было рабов, и все, кто на него работал, получали плату соразмерно своему труду. Мигель любил ясность в делах, и Вероника всегда говорила с ним прямо, поэтому его удивило, что сейчас она держала свое мнение при себе.

Мигель подошел к Веронике поближе, поглядывая через ее плечо на поднос. Лепешки выглядели очень аппетитно, а он был голоден и хотел есть. Мигель шутливо развязал завязанный на фартуке служанки узелок, а когда она повернулась, чтобы снова завязать его, стянул одну лепешку.

— Не желаете ли уйти с моей кухни?

Мигель обнял Веро за талию и закатил глаза от изумительного вкуса лепешки.

— Это угроза?

— Ничуть! — ответила она по-французски.

— Я буду хорошо вести себя, если ты пообещаешь приготовить особенный ужин. Сегодня вечером у меня будут гости. Нас будет семеро.

— Черт возьми! — Вероника уперла руки в бока и вытаращилась на Мигеля широко открытыми глазами. — А Вы не могли сказать мне об этом раньше? Как, по-вашему, я должна приготовить ужин на столько людей? Боже святой!

— Обещаю привезти тебе новую косынку, когда приеду из города.

Поругавшись для порядка еще немного, Вероника принялась осматривать свои запасы, думая, что приготовить на ужин. Мигель наблюдал, как она суетливо хлопочет, и подумал, что она была счастлива в браке. Вероника достала парочку уже ощипанных птиц и промчалась мимо него, как ураган. Маленькое сражение было выиграно.

— Красную! — требовательно сказала Веро, вздернув кверху нос, и Мигель расхохотался ей в ответ.

Лидия смотрела на Келли так, будто та сошла с ума.

Нельзя было отрицать, что синяя блузка была ей к лицу. Келли подпоясалась пояском в тон блузки, и концы пояса свободно свисали на черную юбку. Да, она была хорошенькой, но одежда была совсем простой и грубой. Раздобытые ею сандалии лишь ухудшали дело. Келли была похожа на служанку. Волосы она оставила распущенными. Зачем тратить время на изощренную прическу?

— Вы не похожи на даму, мамзель.

В ответ Келли пожала плечами. В зеркале шкафа девушка увидела свое отражение. Именно такой она и хотела себя увидеть — непохожей на даму.

— Я помню о своем новом положении, — ответила она.

— А этот слишком яркий цвет щек и губ? Если хотите знать мое мнение, он Вам не идет. А эти темные мазки на глазах еще хуже. Вы и правда собираетесь спуститься на ужин в таком виде?

Келли повертелась у зеркала, критически разглядывая себя со всех сторон.

— А что тут плохого? Мигелю нравятся размалеванные девицы.

— Что за глупая идея! С чего Вы взяли подобную чушь?

— Ты что, не помнишь тех девиц из гвадалупской таверны? Чернявую и рыжую.

— Ради бога, сеньорита, они же просто шлюхи!

— А я? Кто я для него? Ну же, скажи мне, Лидия, кто я для капитана де Торреса? Думаю, это и так всем ясно.

— Я бы так не сказала, сеньорита.

— В таком случае, ты, вероятно, единственная, кому это непонятно, — фыркнула Келли. — К тому же, у меня нет ни одежды, ни туфель. Было бы счастьем, если бы у меня было что надеть, потому что мое платье не выдержит еще одной стирки.

— А то платье, что он Вам подарил? — возразила Лидия. — Оно висит в шкафу.

— Я даже не подумаю снова надеть его.

— Но почему?

От настойчивости подруги у Келли разболелась голова, с нее и так было достаточно. Девушка взбила волосы и слегка растрепала их, придавая себе вид женщины легкого поведения.

— Не хочу, мне ничего не нужно от него, — подвела итог Келли. — Я не стану носить его. У меня есть одежда, в которой я помогаю по дому. Я ее заработала так же, как заработаю себе на кусок хлеба.

— Сеньорита...

— Разве он не сказал, что я его рабыня, а?

— Я согласна, что он дал маху, но...

— Ну так вот я и буду вести себя, как рабыня! — не отступала Келли.

— Вам следовало бы хорошенько подумать. Сегодня вечером приглашены капитан Бульян, Леду и Вирхиния, и я не думаю, что ваше присутствие на ужине в таком виде доставит капитану де Торресу большое удовольствие.

— Я не неряха и не грязнуля.

— Но из-за Вас он окажется в смешном положении.

— Вот именно! Он похитил меня и, насколько мне известно, не собирается просить за меня выкуп. Ну и чудненько, тогда я буду одеваться сообразно тому, кем я сейчас являюсь, а именно женщиной без чести, без положения и доброго имени. А если это ему не нравится, так пусть хоть лопнет!

Лидия вздохнула — не иначе как проблем не миновать. Она понимала, что Келли сыта всем по горло, что ей хочется убраться отсюда и вернуться к родным. С тех пор, как они приехали сюда, Мигель вел себя, как последний негодяй. Он обращался с Келли с пренебрежительным презрением, а то и вовсе ее не замечал. Вскоре дело дошло до того, что Келли попросила Армана быть посредником между ними, потому что Мигель напрочь ее не признавал.

— Этот парень должен сам излечиться, так что не лезь к нему со своими лекарствами, женщина, — это было всё, что ответил ей Бризе.

Лидия ничуть не сомневалась, что этим вечером Келли была готова на все. Уж если что-то втемяшилось ей в голову, то убедить ее в другом было невозможно, и Лидия ясно понимала, что Келли решила испортить капитану де Торресу вечеринку.

— Мамзель, прошу Вас, не делайте этого ради сеньориты Вирхинии...

— Еще чего! Это еще одна из вещей, за которую он должен заплатить мне, Лидия. С тех пор, как мы сюда приехали, я ничего не знала ни о ней, ни об Аманде.

— У них все хорошо. Госпожа Клери помогает экономке капитана Бульяна по хозяйству и на кухне.

— Да, я знаю, что с ними все в порядке. Тимми принес записку от Вирхинии, но почему Мигель не разрешил мне пойти проведать их?

— Выходить из поместья опасно.

— Меня мог бы проводить кто-нибудь из работников, или даже сам Арман. Ради всего святого, Лидия, мы же всего в паре миль друг от друга!

Спорить с Келли было все равно, что с каменной стеной.

— Капитан рассердится, мамзель, — осторожно заметила Лидия.

— По мне, так пусть хоть сдохнет от досады.

— Христом богом прошу Вас, подумайте, как следует, мамзель, и переоденьтесь.

— Хватит причитать, Лидия, ты становишься невыносимой.

У Лидии не находилось слов, чтобы заставить Келли изменить свое поведение. Она в отчаянии заломила руки, думая об ослином упрямстве подруги. Ведь даже она в своем темно-вишневом платье, подаренном нынче утром Арманом, выглядела элегантнее ее.

— Что подумают о Вас сеньорита Вирхиния и остальные, когда увидят, что Вы одеты и размалеваны, как... как..?

— Как шлюха?

— Святой боже! — Лидия даже поперхнулась.

— Вирхиния достаточно хорошо меня знает и ничего не подумает, вернее, подумает, что у меня есть какой-то план, а что подумают остальные, мне плевать.

— Могу я узнать этот... Ваш план, сеньорита?

— Я не желаю, чтобы он обращался со мной, как с трофеем. Я не трофей, Лидия, будь он проклят!

— Но Вы же его пленница, и ваше ребяческое поведение этого не изменит.

— Это мы еще посмотрим. Я не могу жить в зависимости от его настроения. Он забывает меня так же быстро, как и привечает. Я хочу раз и навсегда понять свое место.

Ненавижу, ненавижу его!

Лидия признала правоту Келли, хотя ее очень сильно обеспокоили слова подруги. Ей было очень больно за нее, но она ничего не могла поделать, чтобы исправить ее положение. Лидия усадила Келли и сама села рядом с ней. Не найдя аргументов для возражения, мулатка просто крепко сжала руки бывшей хозяйки в своих руках: ведь сама-то она в выигрыше, ей повезло, потому что Арман — славный человек, и она уже почти влюбилась в него. А что с сеньоритой? Непохоже было, что капитан де Торрес так легко сдался на милость хорошенького личика. И что ее могло ждать? Рано или поздно капитану придется что-то решить: или он назовет Келли своей, или даст ей уехать, потому что Келли Колберт никогда не согласится на что-то среднее, а при такой борьбе характеров молодая англичанка была достойным противником, с которым приходилось считаться. Если один из них уступит, они даже могли бы найти свое счастье.

— Вы не ненавидите капитана, мамзель. — Уверенность, с которой Лидия произнесла эти слова, разрушила решимость Келли. Девушки обнялись и какое-то время молчали, потому что Келли не могла говорить.

— Ты права, Лидия, — наконец, выдавила она, взяв протянутый ей платок и вытирая нос. — Я не ненавижу его, и это меня терзает. Думаю, я влюбилась в него еще в Порт-Ройле, когда впервые увидела его.

— Но тогда почему Вы враждуете с ним? Почему бы Вам не попытаться, чтобы он ответил на Вашу любовь? Вы очень красивая девушка, и капитану не устоять перед Вашими чарами.

— Как это сделать, Лидия? Сдаться и пасть к его ногам? Унизить себя еще больше, чем я уже унизилась?

— Он очень гордый.

— Я тоже. К тому же он меня ненавидит. Он питает отвращение ко всему английскому.

— Время лечит раны, сеньорита, и заставляет забывать.

— Только не Мигеля де Торреса, Лидия. Ты не знаешь, но англичане убили женщину, на которой Мигель хотел жениться, и он ни на минуту не забывает, что Эдгар убил его брата. Очень часто я видела, как он странно, со злостью, смотрел на меня. Он винит меня за то, что во мне течет кровь Эдгара.

— Но он также занимался с Вами любовью.

“Он был нежен со мной, это верно”, — подумала Келли. Именно из-за этой необходимости знать, были ли ласки Мигеля искренними, она и затеяла весь этот цирк.

— Он использовал меня, Лидия, а это совсем другое. Он хотел меня, как любую портовую шлюху в таверне. И хватит об этом! Подай мне этот уголек, а то у меня краска на глазах расплылась.

Наконец, Лидия смирилась. “Нельзя и дальше продолжать бороться с ней”, — сказала она себе. Пока Келли подкрашивала глаза, девушка подумала, не лучше ли ей извиниться и попросить Армана отвести ее домой. Келли собиралась устроить веселый вечер, и она не хотела мешать ей.

Келли в последний раз оглядела себя. Мигеля запросто мог хватить удар, когда он увидит ее. Она боялась его реакции, но не помышляла отступить. Колберты тоже самодовольны и тщеславны.

— Наши благородные пираты ждут нас, Лидия. Не будем заставлять их ждать...

Мигель прислушался к совету Бульяна и попробовал вино, которое они открыли,

поджидая женщин. Франсуа пришел на ужин с Норой Баттлер, хорошенькой рыжеволосой дочкой одного зажиточного торговца, а, поскольку Келли и Лидия задерживались, Мигель попросил Тимми проводить девушку и Вирхинию в сад, чтобы мужчины могли спокойно обсудить свои дела, а дамы посекретничать.

— Я подумываю отойти от дел, — сообщил Бульян, и остальные мужчины посмотрели на него с определенным интересом. — Полагаю, ты отлично сможешь позаботиться о “Миссионере”, — добавил он, обращаясь непосредственно к Леду.

— Вероятно, из-за этой самой дамочки, не так ли?

— Рано или поздно мужчина должен обзавестись семьей, — вмешался Арман, со своей стороны внося в разговор еще бóльшую сумятицу.

— Ты тоже думаешь оставить нас? — спросил боцмана Мигель.

— Да вот, знаешь ли, пришла в голову такая мыслишка.

— Из-за Лидии?

Бризе не ответил, но его молчание было красноречивее всяких слов. На секунду все замолчали, прокручивая в голове эпизоды из своего лихого, полного опасностей, прошлого. За исключением Мигеля, все остальные слишком долго играли своей жизнью. Все нажили состояние, достаточное для того, чтобы бросить пиратство и сменить приключения на спокойную жизнь на земле, найдя убежище на далеких, рассеянных в море и относительно безопасных островах. Все они могли влиться в общество как достойные почтенные люди.

Звук отрывающейся позади двери вывел мужчин из размышлений, и они дружно, как один, повернулись.

Это была Келли.

Мигель улыбнулся, но лишь на секунду, а затем поперхнулся вином и закашлялся. Пьер, не отрывая глаз от девушки, сильно хлопнул его ладонью по спине. Арман уставился в потолок, а Франсуа, не говоря ни слова, просто разглядывал ее.

В комнате стало так тихо, что можно было расслышать, как летает муха. В воздухе парили неловкость и смутная тревога. Келли перешла допустимые границы, и глаза всех присутствующих были устремлены на нее.

Именно в эту минуту в дверях появились Вирхиния и Нора Баттлер, вернувшиеся из сада. Келли покраснела как рак — она не ожидала встретить здесь вместе с подругой незнакомую ей девушку, которая смотрела на нее с явным неудовольствием и неодобрением. На лице незнакомки был написан вопрос: как это ее пригласили на ужин вместе с проституткой? Келли захотелось развернуться и убежать, но было уже слишком поздно.

Бризе взглядом спросил Лидию, что происходит, и та легонько пожалала в ответ плечами. Оцепенение Мигеля как рукой сняло, когда он увидел недовольный взгляд Норы, грозящий ураганом. Он с такой силой грохнул стакан на стол, что стекло разбилось. Келли сдержала невольный порыв попятиться назад, когда Мигель встал и направился к ней, и вызывающе продолжала стоять там, где стояла. Те Торрес схватил ее за руку и потянул к выходу.

— Можете начинать ужин без нас, — на ходу сказал он гостям.

Келли несколько раз споткнулась и едва не упала, стараясь поспеть за Мигелем, пока он, чуть ли не бегом, поднимался по лестнице, таща ее за собой.

— А теперь, сеньорита Колберт, Вы объясните мне, что означает эта дурацкая выходка, — прошипел Мигель, быстро войдя в комнату и пинком захлопнув за ними дверь.

Если бы испанец закричал на нее, она тоже заорала бы в ответ, но Мигель, казалось, сохранял спокойствие, борясь с собой, и это предвещало скорый взрыв, но, несмотря на это,

Келли поздравила себя с тем, что добилась своего.

— Я оделась согласно моему положению в этом доме, господин.

Мигель продолжал смотреть на нее. Дьявольщина, о чем это она говорила? Нет, ничего этого не было, подумал сбитый с толку Мигель. Келли не была одета как шлюха, он, должно быть, хлебнул лишнего... Сейчас это жалкое зрелище исчезнет... Но нет, она по-прежнему стояла здесь, одетая как подавальщица в таверне и размалеванная, как какая-нибудь...

— Говори яснее!

— Если ты не понимаешь, то объяснения излишни.

Нет, он ничего не понимал, но начал думать, что, видимо, никогда не поймет эту женщину, сводившую его с ума, которую он желал, несмотря ни на что даже в подобном жутком виде в образе шлюхи. Обхватив тонкое запястье девушки рукой, Мигель потянул ее к умывальнику. Не обращая внимания на протесты сопротивлявшейся Келли, де Торрес налил воду в таз и окунул в него голову девушки.

Келли упиралась и вырывалась, как дикий зверь, но Мигель крепко держал ее до тех пор, пока не смыл полностью краску с ее лица. Затем он отпустил девушку, и она, с нависшими на раскрасневшееся лицо мокрыми волосами, полузадохшаяся, попятилась от него, отплевываясь на ходу.

— Ты!.. Ты просто...

— А теперь снимай эту одежду, — прервал ее Мигель, — и надень то платье, что я тебе подарил.

— Зачем? — вспыхнула Келли, прилагая усилия, чтобы сохранить твердость. — Чтобы все видели, как хорошо ты одеваешь свою рабыню?

Мигель захлопал глазами. Черт бы побрал эту женщину! Теперь она тычет рабством ему в лицо? Перед Арманом он признал, что поступил опрометчиво, представив ее Веронике и Рою таким образом. Определенно, ему следовало извиниться перед ней. Но разве он обращался с ней, как с пленницей? Разве не поселил он ее в лучших апартаментах? Разве заставлял работать прислугой?

— Вот, значит, о чем речь.

— Да, именно об этом, капитан де Торрес.

— Сожалею, Келли, и прошу у тебя прощения. Знаю, я поступил, как последний дурак, унизил тебя.

— И ты не представляешь, как.

— Согласен, я был негодяем и подлецом, и признаю это. Я запутался. Забудь об этом, и переоденься.

Келли не двинулась с места. И это всё? Он, видите ли, запутался? Что он имеет в виду? Он ничего не объяснил ей даже ради приличия, а теперь попросил прощения и считает, что она его простит. Ах, как все просто!

— Мужской ум...

— Прости?

— У тебя чисто мужские представления, Мигель.

— Знаешь, милая, будь у меня иные представления, я бы начал волноваться.

Так он опять смеется ней. Келли хотелось вырвать ему глаза.

— Ступай к своим гостям. Если ты не хочешь, чтобы я спустилась к ним в этой одежде, я просто не спущусь к ужину.

Мигель подумал, что был слишком снисходителен к ней и терпелив. Он вытянул руку,

привлек девушку к себе и поцеловал, а потом ухватился за вырез блузки и, сильно дернув, разорвал ее сверху донизу. Келли была возмущена и оскорблена до глубины души. Ругая Мигеля на чем свет стоит, она попыталась хоть как-то прикрыться. Девушка сопротивлялась изо всех сил: она молотила Мигеля кулачками, залепила ему полновесную пощечину, несколько раз отдавила ноги, но верх в этой борьбе одержала мужская сила — Мигель сдернул с нее блузку, развязал бант на пояске и стащил юбку. В результате Келли осталась в чем мать родила. Да, Мигель победил, но эта победа оказалась нелегкой; оба запыхались от борьбы и теперь старались отдышаться.

Мигель был далек от злости и негодования, ведь перед ним стояла самая красивая женщина на земле. Его неотвратимо тянуло к Келли, и глаза мужчины пробежали по недоверчиво-настороженной, алебастровой фигурке девушки. Как он мог несколько дней быть вдали от нее? Ее шея просила поцелуев, плечи — ласк, а груди — прикосновений его рук. Мигель тут же почувствовал, как напрягся его член. О, боже, как она была прекрасна! И она была его. Целиком и полностью его. Так было с тех пор, как он впервые поцеловал ее там, в “Подающей надежды”, еще будучи рабом. Он никогда не позволил бы ей уйти, потому что не смог бы, потому что она уже давным-давно похитила его сердце. Когда он успел так безумно влюбиться в эту злюку? Как она пробила его защиту? Он любил ее беспощадно, без всякого снисхождения. Мигель обнял девушку и прижался к ее обнаженному телу, принаравливаясь к нему и теряясь в его аромате и нежности. Он поискал губами ее рот, и нашел его. Мигель пил ее, утоляя свою жажду и сдерживая властное желание повалить Келли прямо здесь и насытиться ею. Он знал, что пропал окончательно, потому что любил ее, и не было пути назад.

Келли перестала бороться, и с той же мучительной тоской отвечала на жаркие поцелуи Мигеля. Этот мужчина был необходим ей. Она до безумия любила испанца, и какая разница, что она была для него просто забавой. Вдали от Мигеля ее жизнь была бессмысленной. В этот миг Келли отреклась от всего: от прежней жизни, от семьи, от будущего, потому что для нее был важен только этот мужчина. У девушки больше не было защитных средств, чтобы бороться с Мигелем, она забыла их где-то по дороге. Мигель де Торрес, капитан “Черного Ангела”, еще сам не зная того, принадлежал ей.

Мигель оторвался от губ Келли и сжал ее в своих объятиях. Она легонько потерлась о него, заставляя испанца гореть от желания. Руки мужчины неторопливо проскользили по податливо-нежной спине девушки, задержались на ее талии и спустились вниз, к ягодицам, заставив Келли застонать. Мигель подался чуть назад, и они посмотрели в глаза друг другу, сказав всё одним лишь взглядом. Келли первой бросилась снова искать четко очерченный рот мужчины.

Мигель поменялся с ней ролями. Теперь Келли дергала испанца за веревочки, а он, как марионетка, плясал под ее дудочку, но это было для него уже неважно. Он дал волю животному инстинкту и следовал за ним, лаская обнаженную кожу и прислушиваясь к древнему зову своего мужского естества. Он подхватил Келли под ягодицы и посадил ее на рундук, одной рукой смахнув с него вещи.

— Обхвати меня ногами, принцесса, — просяще пробормотал он.

Келли обхватила Мигеля ногами и откинула голову назад, предлагая ему свои гордо торчащие груди. Он не упустил этот живительный источник, столь великодушно представший перед ним. Его губы сердечно пригрели сначала одну, а затем вторую грудь, зубы нежно покусывали соски, а язык беспорядочно метался вокруг них. Келли стонала и

извивалась в руках Мигеля, перебирая пальцами пряди его волос, умоляя продолжать и опьяняя его.

Они забыли обо всем, затерявшись на островке своей страсти...

По просьбе Лидии Арман решил вмешаться в ход событий и заступиться за Келли на случай, если дело примет опасный оборот, и Мигель перейдет все границы. Он поднялся наверх, готовый даже схлестнуться с капитаном, невзирая на последствия, и заколотил в дверь.

— Не натворите глупостей, капитан! — гаркнул он, не на шутку перепугав Келли и Мигеля.

— Бог свидетель, что я не могу перестать творить их, ведьма, — прошептал Мигель.

— Если тебе взбредет в голову бросить всё сейчас, я тебя убью, — пообещала Келли в ответ.

Они хором рассмеялись, как два ребенка, застигнутые врасплох на месте преступления.

— Исчезни, Бризе! — послышался из комнаты голос Мигеля.

Арман прислонил ухо к двери, и на его лице появилась добродушная ухмылка. Сунув руки в карманы, он повернул назад и с торжествующим видом спустился по лестнице. Самое время гостям успокоиться.

— Ну что, сеньор, — сказал он вслух самому себе, — этим двоим кормилица не нужна.

Остров взрывался буйными красками цветущих растений. Это был подарок природы, и Келли наслаждалась всем этим великолепием. Благоуханный аромат цветов, шум водопадов, убаюкивающий шелест или грозный грохот волн, разбивающихся о берег песчаного пляжа, неясное бормотание леса... Мигель провел ее по острову, показав каждый уголок этого земного рая, и девушка влюбилась в этот экзотический край. Иногда они возвращались домой с целым мешком крабов, и Вероника готовила из них восхитительные блюда.

Жизнь Келли немислимым образом перевернулась. По велению Мигеля ей привозили нижние юбки, платья, туфли и шляпки, но девушку, казалось, не радовали его подарки... Ей хватало всего, кроме единственной вещи: она не знала, любил ли ее Мигель по-настоящему. Втайне она сомневалась в его любви, а потому грустила. Келли продолжала занимать ту же комнату, хотя большинство ночей она проводила в комнате Мигеля, свернувшись калачиком в его объятиях. Во время его отлучек, с каждым разом все более коротких, Келли много ездила верхом на жеребце Мигеля, которого она назвала Испанцем. Эта кличка пришлась ему впору, поскольку жеребец был точной копией своего хозяина: беспокойный, гордый и статный красавец.

Мигель наделил Келли определенной властью, необходимой для того, чтобы изменить кое-что в уже полностью отстроенном доме. Девушка внимательно прислушивалась к мнению рабочих, их нуждам и заботам по улучшению тех или иных вещей. Она научила нескольких женщин вышивать, давала уроки малышам, старалась, чтобы к возвращению Мигеля весь дом блестел. Келли стала душой поместья. Для всех она была женой хозяина, и никто не оспаривал ее приказы, но глядя, с какой почтительностью обращаются к ней все работники, Келли с грустью думала, что на самом деле никакая она не жена.

Де Торрес передал бразды правления в руки Келли и, если кто-то из мужчин обсуждал с ним ее указания, всегда вставал на сторону мадемуазель, как называли ее все в поместье.

Мигель и Келли жили мирно и спокойно, но это не приносило девушке полного счастья, ведь она по-прежнему не знала истинных чувств Мигеля. Правда, она не могла отрицать, что теперь ее заточение было не таким, как раньше. По крайней мере, сейчас у нее было больше свободы. И все же Келли Колберт ужасно скучала по своим родным. Они наверняка считали ее мертвой, и при мысли о семье девушка безмерно тосковала. Ничто не могло облегчить ее страдания, и тогда она замыкалась в полном молчании ко всеобщей тревоге слуг, думающих, что хозяйка захворала. Однако любые, даже малейшие, нужды и затруднения кого-либо из работников поместья возвращали Келли к активной жизни, заставляя ее забыть свои невзгоды и огорчения. К слову сказать, Келли назвала поместье Мигеля "Прекрасным миром", и он не возражал.

Как-то вечером Мигель увидел, как Келли суетливо сновала по дому вместе с Вероникой. Женщины, по меньшей мере, раз десять переставили с места на место две статуи, купленные им в городе, но ни одно из мест не казалось им подходящим. Мигель попытался было высказать свое мнение, но дамы даже не слушали его, и ему пришлось замолчать.

Тогда он удобно устроился в кресле с бокалом бренди. Вертя бокал в руках и неторопливо потягивая и смакуя напиток, де Торрес не сводил с Келли глаз. Он уже привык к тому, что девушка всегда была рядом с ним. Между ними существовала какая-то странная

связь, управляемая желанием. Часто после любовных битв Мигель подолгу не мог заснуть и, опершись на локоть, смотрел на безмятежно спящую Келли, чувствуя себя подонком. Каждый раз, покидая ее, чтобы совершить какой-нибудь незначительный налет, он обзывал себя ничтожеством. Дни шли за днями, Мигель все реже выходил в море, и с каждым прожитым днем в нем все больше росла потребность бросить все к черту, как это сделал Бульян. Уезжая из “Прекрасного мира”, он не находил себе места — столь велика была его зависимость от Келли.

— А если мы поставим их вот так? Как ты считаешь, Мигель? — девушка неожиданно отвлекла его от мыслей.

— Зачем ты меня спрашиваешь, если не слушаешь? — улыбнулся Мигель, заметив грязное пятнышко у нее на носу.

— Ну что за люди! — проворчала Вероника, делая всё по-своему.

Мигель вернулся к своим мыслям. Он был достаточно богат, чтобы больше не возвращаться в море. Поместье начинало приносить свои плоды, и, даст бог, он станет добропорядочным землевладельцем, как Франсуа или Пьер, идущий тем же путем.

Мигель очень боялся, что Келли устанет от всего и вернется к родным, потому что он уже ни в чем не сможет отказать ей. Он давно должен был сказать ей о своей любви, но трусливо продолжал откладывать признание. Примет ли она любовь флибустьера, ведь он по-прежнему был изгоем. Мигеля убивали сомнения, и, дойдя до последней точки, он становился нелюдимым, мрачным и угрюмым существом. В такие моменты даже Арман обходил его стороной. Дело заканчивалось тем, что Мигель уезжал в город на пару дней и напивался, как сапожник.

А потом он возвращался, всегда возвращался к Келли. Это было тайное сражение, которое он раз за разом проигрывал...

— Хватит уже мучиться! — неожиданно воскликнула Вероника. — Будут стоять вот так, и точка!

Келли уже не поражалась решимости и энергичной напористости Вероники. Женщины свыклись и сблизились друг с другом, связь между ними крепла день ото дня, а потому было не удивительно, что обе расхохотались, увидев, что статуи стоят на том месте, что они выбрали в самом начале битый час тому назад.

— Согласна, пусть стоят. У меня вся спина разламывается таскать на себе эти статуи. Вот если бы какой-нибудь кавалер помог нам, — тонко намекнула Келли Мигелю, который в это время восхищался ямочками на ее щеках.

— Дамы, мне страшно влезать в ваши игры, — самоотверженно защищался Мигель, — я боюсь за себя.

Вероника негромко рассмеялась, в последний раз оглядела статуи и ушла, пожав плечами. Келли подбежала к Мигелю и уселась к нему на колени. Он обнял девушку за талию и поцеловал в шею.

— На самом деле статуи чудесные, — сказала она. — Сколько ты заплатил за них?

— Лучше не спрашивай, — проворчал Мигель. — Они понравились тебе, я их купил, вот и всё.

Именно так все и было. Два дня назад, гуляя по городу, Келли была очарована двумя скульптурами, но не решилась попросить их — Мигель и так дал ей очень многое. Однако интерес девушки к статуям не прошел для де Торреса незамеченным, и как только они вернулись в поместье, Мигель послал Роя купить их. Испанец был несказанно доволен, видя,

как вспыхнула от радости Келли, когда распаковывали полюбившиеся ей творения.

— Ты слишком балуешь меня, капитан.

— Ты так думаешь?

— Вот-вот.

— Просто я хочу видеть на твоём лице светлую улыбку вместо нахмуренных бровей, принцесса.

— О-о-о!

— Ты становишься очень миленькой, когда злишься, но когда улыбаешься, ты прекрасна. К тому же, это всего лишь деньги.

— Если ты и дальше будешь сорить деньгами, как сейчас, то вскоре тебе придется вернуться на свой “Черный ангел” и выйти в море, а мне это ничуть не нравится.

— Это мое ремесло.

— Которое ты должен бросить. И Тимми тоже должен оставить это дело.

— При чем тут этот молокосос?

— Знаешь, я много думаю о нем.

— Э, да я в опасности, — пошутил Мишель.

— Тимми еще маленький, он не должен плавать на корабле и крутиться в тавернах среди подавальщиц, проституток и пьяных драчунов.

— Он, вроде, не жаловался.

— Мигель, Тимми считает себя взрослым мужчиной, но ему ведь не исполнилось даже пятнадцати. Ему нужно было бы ходить в школу, готовить свое будущее. Тимми — смысленный мальчик, он все схватывает на лету. Он заслуживает, чтобы ты дал ему шанс, ты так не думаешь?

Мигель насупился. Обходиться на корабле без этого мальчишки? Определенно, это даже в голову ему не приходило.

— Там видно будет, — ответил он, спустив Келли с колен, и вышел.

Девушка подумала, что она проиграла это сражение, и очень удивилась, когда к ужину пришел не только Мигель, но и Тимми. Парнишка, казалось, чувствовал себя неловко в подобающей случаю одежде.

— Какой же ты красавчик, Тимми, — сказала Келли мальчугану и поцеловала его в щеку, заставив, как всегда, покраснеть.

Во время ужина Мигель говорил о каких-то ремонтных работах на фрегате, и Тимми оживленно обсуждал их вместе с капитаном. Подали второе блюдо, и Мигель, несколько раз преподав парнишке урок хороших манер за столом, неожиданно заявил:

— Мадмуазель думает, что ты должен пойти в школу. — Парнишка аж поперхнулся глотком только что выпитой воды. — Она хочет, чтобы ты был настоящим кабальеро, — как ни в чем не бывало продолжил Мигель, — и считает, что палуба фрегата не самое лучшее место для твоего воспитания.

— Но мне нравится плавать, капитан. Не желаю я ходить ни в какую школу!

— Мне тоже не хотелось бы сделать из тебя того, кто я сейчас, сынок, и я не буду это делать, — заключил Мигель. — Я запишу тебя в пансион месье Дюрана, и по выходным ты сможешь приезжать в “Прекрасный мир”.

На Тимми обрушилась вся вселенная. Капитан уже не ценит его, он ему больше не нужен. Тимми вскочил из-за стола, глаза его наполнились слезами.

— Если ты не хочешь, чтобы я был рядом с тобой, я найду другую команду. Капитан

“Краб” возьмет меня на свой корабль.

— Сядь и закончи ужин, молокосос. Ни на какой другой корабль ты не пойдешь, приказ не обсуждается, и не спорь со мной, иначе я задам тебе хорошую трепку, положу себе на колени и отлуплю.

Сердце Келли переполняла любовь к Мигелю. Когда с ужином было покончено, она увела Тимми и поговорила с ним отдельно. Девушка растолковала парнишке, что капитан вовсе не хотел отделаться от него, напротив, он собирался сделать из него полезного человека, и ради этого даже готов был отказаться от его неоценимой помощи на корабле. Выходя из дома, мальчишка был убежден, что в целом мире не было ни одного человека такого, как капитан де Торрес.

— Все еще дуешься? — спросил Мигель, обнимая обнаженное тело Келли, лежащей среди скомканных простыней.

— Нет, теперь я боготворю тебя, — Келли поцеловала Мигеля в грудь. — Спасибо.

Мигель обнял девушку за талию и положил ее себе на живот. Она лукаво затаилась перед его более чем готовым к делу мужским достоинством.

— Думается мне, я заслуживаю награды, мадмуазель, — охрипший от желания голос Мигеля вогнал Келли в дрожь. Она наклонилась к груди Мигеля и поцеловала его. Длинные, густые волосы девушки отделили обоих от реального мира, закрыв их в волшебном, колдовском мирке. Мигель задохнулся от этого страстного, властного и томительного поцелуя.

— И я собираюсь наградить Вас, капитан, — прошептала Келли.

Они сплелись в жарком объятии, подобно двум изголодавшимся друг по другу людям, как делали это много раз до этого. Они целовали, лизали, кусали друг друга, увлеченные древней любовной игрой, побежденные и побеждающие.

Гораздо позже, когда свет утренней зари окрасил горизонт в пурпурные тона, Келли уснула в объятиях своего обожаемого испанца самой счастливой женщиной на свете...

Неожиданно разразился жуткий ураган, будто вырвавшийся из границ ада. Небо скрылось, превратив день в ночь, словно сама природа взбунтовалась, натравив на остров яростный ветер и низкие черные тучи, изрыгавшие потоки воды. Эта буря была самой сильной из тех, о которых вспоминали люди, живущие на островах. Жители боялись, что многие дома на Гвадалупе и Мартинике не устоят под напором стихии.

Корабли были крепко-накрепко пришвартованы к причалу, чтобы разбушевавшееся море не швырнуло их на скалы, и все же “Миссионер”, “Черный Ангел” и некоторые другие суда были повреждены. Многие дома превратились в руины: их крыши слетели, ставни исчезли, многочисленные пальмы были сломаны или выдраны с корнем. Вихрь тащил за собой домашнюю утварь, животных, людей, словом, потери были более чем значительные.

Ураган пронесся вблизи от “Прекрасного мира”, так что в поместье не досчитались поголовья скота, уток и кур, а также пострадала добрая часть черепичной крыши амбара и ограда на северной стороне имения.

Вместе с Арманом и Роем Мигель чинил всё, что требовало срочного ремонта, а Келли, Вероника и Лидия наводили порядок внутри жилища. Некоторые окна в доме были напрочь сорваны с петель, и повсюду царил невообразимый хаос.

Перемазанный грязью с ног до головы Мигель вошел в дом. В руках он держал соломенную шляпу, его волосы были всклокочены, а сам он был зол, как тысяча чертей. Однако настроение испанца резко изменилось, когда он увидел заплаканную Келли.

— Что случилось, малышка? — он обнял девушку и вытер ей слезы.

— Одна из скульптур разбилась вдребезги.

— Глупенькая, — сказал Мигель, ласково покачивая Келли и целуя ее в кончик носа. —

Я куплю тебе еще десять. Пойдем, ты ведь не будешь плакать из-за куска камня, правда? А кстати, если ты будешь продолжать хныкать, эти чудесные кошачьи глазки затуманятся и станут некрасивыми. Ты же у меня красавица, хотя грязь и эта косынка тебе не идут.

Келли сняла пеструю косынку, которую она повязала на голову, чтобы не запачкать волосы; косынка вовсе не красила ее.

— Ты поранился.

— На меня упал сверху кусок черепицы.

— Дай, я залечу эту ранку.

Келли помогла Мигелю снять рубашку, нашла воду, полотно и мазь. Пока Келли обрабатывала рану, ее глаза постоянно возвращались к золотому с изумрудами браслету, которым всегда щеголял Мигель.

— Чье это?

— Что?

— Браслет.

— Одного человека, которому не повезло.

— Ты убил его?

— Это он пытался меня убить.

— Наверняка это был подарок какой-то дамы. Он очень красивый.

Если Келли восхищалась чем-то, что ей нравилось, Мигель всегда был готов отдать ей эту вещь.

— Тебе хотелось бы иметь этот браслет? — поинтересовался он и теперь.

— Нет!! — Келли никогда не заикалась об этом украшении. Ей нравился этот браслет, и она думала, что он очень красиво смотрелся на загорелой коже. Она не хотела, чтобы Мигель лишился браслета, потому что он придавал ему еще более экзотический вид.

Мигелю показался странным столь решительный отказ. Его ослепило сомнение, что Келли могла думать о браслете только как об еще одной награбленной вещице. Она осуждала способ, которым он добывал драгоценности? Но ведь всё, что доставляло ей удовольствие, было плодом пиратства! Своим отказом Келли будто вырвала кусок души Мигеля. Он занимался тем, чем занимался. И оставался для Келли все тем же грязным пиратом. Да, она терпела его, позволяла заниматься с ней любовью, но в глубине своей души была убеждена, что он не был благородным кабальеро. Стиснув зубы, Мигель промолчал.

Келли была занята врачеванием ссадины и не заметила перемены настроения Мигеля. Закончив обрабатывать ранку, она перевязала ее и подала Мигелю бокал вина, а потом села на ковер у его ног и положила подбородок ему на бедро. Девушка рассеянно смотрела в окно, где снаружи светило солнце, и легкий ветерок спокойно покачивал пальмы.

— Мне сказали, что здесь пришвартовался какой-то корабль под английским флагом.

— Да.

— Арман говорил, что он в очень плохом состоянии, и еле добрался до берега.

— Они потеряли грот-мачту и большую часть парусов, а также очень много матросов. Счастье для них, что они еще сохранили свой груз — он пригодится, чтобы оплатить ремонт и чтобы им оказали необходимую помощь. Да и вообще им лучше убраться отсюда поживее, здесь они нежеланные гости.

— Должно быть, ужасно, погибнуть в море во время шторма, — сказала Келли, пропуская мимо ушей едкое замечание Мигеля, сразу напомнившее ей о его ненависти к ее соотечественникам.

— Не ужасней, чем погибнуть на земле.

Келли промолчала, и Мигель тоже ничего не говорил. Упоминание об Англии встало каменной стеной между ними. Девушка снова подумала о своих родителях и брате, и ей стало больно от тоски.

— Мигель, ты согласишься мне когда-нибудь вернуться в Англию?

Мигелю было бы не так больно, даже если бы его подстрелили. На мгновение его сердце остановилось, а затем болезненно и неровно забилося; пальцы судорожно сжали стакан. Он посмотрел на Келли сверху. Она казалась ласковой кошечкой, которая трется щеками о его ноги, а потом выпускает львиные когти. Ответ Мигеля прозвучал хлестко, как удар кнута:

— Значит, вот чего ты хочешь: уехать.

— Я думала о своей семье... — Келли запрокинула голову, чтобы посмотреть на Мигеля, и наткнулась на пару драгоценных зеленых изумрудов, таких холодных, что у нее перехватило дыхание.

— Удрать от человека, пленницей которого ты являешься, — вот что ты думала.

— Я не...

— Я неподходящий человек для дамы твоего класса, — де Торрес гневно выплевывал каждое слово, а Келли не понимала, что такого она сказала, отчего Мигель пришел в такую ярость. — Я понимаю, что компания гнусного пирата это не то, о чем ты мечтала, верно? Было бы гораздо лучше, если бы тебя привечали благородные напудренные кавалеры, которые не щеголяют в проклятых ворованных браслетах.

— Мигель, я не...

— Лучше принимать их льстивые речи и даже обниматься с каким-нибудь из этих дураков на балу, — желчно продолжал Мигель, упиваясь своей злостью. — Конечно, это было бы лучше, чем общество грязного пирата!

Келли задыхалась. О чем это он? Что она ему сказала? Что вывело его из себя? Она хотела вернуться в Англию только за тем, чтобы повидаться с семьей и сказать им, что она жива. Бросить его? Да ей даже в голову не приходило покинуть его и “Прекрасный мир”. Здесь было все, что она хотела. Здесь был он, человек, которого она любила больше жизни.

Мигель встал и поднял ее. Его руки, сжимавшие запястья девушки, были подобны жестким браслетам кандалов. Мигель причинял ей боль, и Келли испуганно смотрела на него. Он грубо притянул ее к себе и резко выпалил:

— Запомни только одно, малышка: ты — моя. Ты — моя рабыня! И тебе не освободиться от меня!

“Рабыня”. Это ненавистное слово, слетевшее с губ Мигеля, кинжалом вонзилось в сердце Келли. Она-то считала, что прежнее не вернется, а здесь и сейчас в порыве гнева Мигель снова стал бесчувственным. Он снова унижал ее.

— Я думала, что между нами что-то есть, — робко возразила Келли, опустив голову.

Она смеялась над ним! Старалась охмурить его словами после того, как прямо в лицо сказала, что хочет уехать и презирает его как человека!

— Что-то? — мстительно и с издевкой ответил Мигель. — Что может быть между пиратом и дамой из высшего общества? — горько и насмешливо спросил он самого себя. —

Желание. Простая похоть. Не стану отрицать, что я получаю удовольствие с тобой в кровати, и на данный момент ты должна быть там. А когда желание исчезнет, я подумаю, разрешить ли тебе вернуться в твою проклятую Англию или продать тебя на невольничьем рынке, как поступили твои соотечественники со мной.

Мигель вышел, а Келли понуро осталась стоять посреди комнаты; ее убила жестокость его слов. Девушка упала на колени и зарыдала, закрыв лицо руками. Франсуа Бульян подошел к комнате как раз тогда, когда Мигель заканчивал разговор. Прислонившись к дверному косяку, Бульян слушал последние оскорбительные слова испанца. На секунду ему захотелось выйти за Мигелем и проломить ему череп. С тех пор, как они захватили английские корабли, и Келли Колберт вошла в их жизни, всё очень сильно изменилось. Эта девушка, Вирхиния и Лидия подарили им дух надежды. Арман был без ума от мулатки, а Пьер стал совершенно другим человеком, когда познакомился с Вирхинией. Да что там говорить, если он сам бросил пиратство, и ничего не имел против ласковых взоров Норы Баттлер. “Мигель заслуживает славной порки за то, что сделал”, — подумал он. Бульян помог Келли подняться. Рыдая, всхлипывая и икая, она обхватила Франсуа руками.

— Ну-ну, не обращай на него внимания, детка.

— Он ненавидит меня, — пожаловалась Келли. — О господи, он ненавидит меня, Франсуа! Я хочу умереть!

Бульян успокаивал Келли, тихонько поглаживая ее по спине. Сейчас он не мог заставить девушку понять, что эта вспышка гнева была следствием сомнений Мигеля, его ревности и неуверенности в самом себе. Мигель не ненавидел ее, совсем наоборот. Но Франсуа не собирался протаптывать ему дорожку. Еще чего! Вот ведь скотина! Нет, он заслуживал наказания за то, что только что наворотил, и он, Франсуа, готов преподать ему урок. Бульян взял лицо Келли в свои руки и торжественно сказал:

— Думаю, этому болвану нужен хороший урок.

Остров Антигуа

Нескончаемые ливни нанесли большой материальный ущерб и на острове Антигуа. Жители острова, как и жители других мест, не покладая рук, восстанавливали повреждения, вызванные ураганом. Возможно, поэтому появление на их улицах высокого блондина с легким иностранным акцентом, прошло незамеченным для большинства людей, за исключением трех человек, какое-то время идущих за ним по пятам.

Джеймс Колберт оставил экипаж на борту корабля, а сам ступил на берег, чтобы раздобыть для команды все необходимое. Он поплыл на поиски сестры, как только до него долетело известие об abordage “Еврипида” и двух других судов, недавно бросивших якорь в Лондоне. Джеймс не отступал от своей цели и упорно искал следы теперешнего местонахождения Келли.

Колберт сердцем знал, что сестра осталась жива. Она не могла умереть. Джеймс просто отказывался признавать то, что для других было почти очевидным. Он намеревался отыскать сестру, даже если ему придется проплыть по всем треклятым Карибским островам.

Джеймс задался целью шаг за шагом пройти предполагаемым маршрутом пиратов, как сыщик вынюхивая любой след. Он искал зацепку в каждом порту, являясь с распоследним отребьем, с отбросами Кариб, рискуя собственной жизнью, а зачастую и жизнью своих людей, без единого стона и жалоб следующих за ним. Джеймс не собирался бросать свою затею, поскольку что-то подсказывало ему, что, в конце концов, он отыщет Келли, и тогда... тому, кто ее похитил, лучше не жить!

Неустанный поиск, постоянные метания по значным местам, захудалым тавернам и причалам, забитым пиратами, корсарами и ворами, закалили Джеймса и, быть может, поэтому он перестал беспокоиться, как и куда он идет. Он уже почти начал чувствовать себя отпетым негодяем, словно всю свою жизнь провел в непристойной среде. Быть может, поэтому он и не заметил трех типов, подобранных к нему поближе.

Джеймсу даже в голову не пришло, что он мог стать слишком легкой добычей. По крайней мере, так думали его преследователи, предвкушавшие славную прибыль от его ограбления.

Джеймс снова перебирал в памяти всю информацию, раздобытую им по крупицам с начала поиска Келли. Он знал название корабля, захватившего судно, на котором плыла сестра, и тех, что его сопровождали. День за днем, кочуя от таверны к таверне, опрокидывая ром стакан за стаканом и слушая рассказы матросов, он узнал, что “Черный Ангел” относится к флоту пирата Франсуа Бульяна, а капитанствует на нем испанец, но никто не смог сказать Джеймсу, были ли на его борту женщины, когда бульяновские корабли пристали к берегам Антилии. Это было известно лишь богу. Вместо этого англичанина уверили, что в этой части Кариб у пиратов Бульяна было пристанище, и эти сведения стоили Колберту изрядной суммы денег. Это был шаг вперед, пусть и маленький, судя по количеству островов в этих водах.

Колберт устало прислонился к стене. Ему до смерти надоело спать в жалких грязных кроватях и есть в забегаловках, где повсюду вольготно бегали тараканы, но мысль о том, что Келли могла жить в еще худших условиях, придавала ему сил продолжать поиск.

Типы, выслеживающие Джеймса, решили перейти к активным действиям. На улице уже стемнело, и узкий переулок, где они находились, был подходящим местом для ловушки, если отрезать этому идиоту выход, ведущий в порт. Вытащив сабли, они перекрыли Колберту единственный путь к спасению.

Джеймс Колберт был истинным дворянином, и хотя на нем была обычная одежда, его выдавали аристократические черты лица. Для злоумышленников это и то, что по виду он был почти безоружным, разумеется, послужило приманкой для нападения. Им показалось, что у Колберта была при себе трость, но какую опасность она могла представлять против сабель?

Джеймс почувствовал, что что-то неладно, когда жирная, как кот, крыса прошмыгнула по переулку и скрылась в пустом здании. Он отошел от стены и взгляделся в темноту. Колберт вполголоса выругался, проклиная себя за бестолковость. Ему следовало предусмотреть возможность нападения, а он, как последний дурак, явился в таверну в полном одиночестве. Однако, как бы то ни было, а теперь у него возникла проблема, и нужно как-то выкручиваться.

Главарь троицы, болезненного вида тощий и высокий тип, в кольчужке и поношенной стеганой куртке сделал шаг вперед. Остальные двое, на фоне предводителя казавшиеся коротышками, шагнули следом.

Они не сказали ни слова, просто окружили его, перекрыв выход, и обнажили клинки. Колберт ждал, внимательно следя за всеми троими. Он вытащил из трости рукоятку, и в тусклом, неровном свете единственного мигающего фонаря, висящего рядом с вывеской с намалеванным на ней названием забегаловки, блеснул тонкий и острый клинок. От взгляда Джеймса не ускользнуло, что троица тут же остановилась.

— Ну что же вы, господа? — подзадорил Колберт бандитов, прижавшись к стене и прикрывая ею спину, — Думали, что я буду легкой добычей?

Он услышал злобное рычание, и первый тип бросился на него, но тут же, изрыгая проклятья, отступил с порезом на плече. Джеймс от души порадовался, хотя и понимал, что ситуация нешуточная. Сдайся он, и эти ничтожные подонки убьют его.

Драка была грязной и неравной. Враги дружно, как один, набрасывались на Джеймса, а он защищался, стараясь сохранить дистанцию. Колберт атаковал, отступал, его клинок со свистом рассекал воздух. Ему даже удалось нанести глубокую рану в ногу второго подонка, но нападавших было трое, а Джеймс начинал уставать и понимал, что шансы выйти из этой заварушки целым и невредимым крайне малы. Однако он не был трусом, и не собирался погибать в вонючем переулке гнусного порта. Колберт готовился подороже продать свою жизнь.

Сабельный клинок разодрал одежду и вошел в плоть. Джеймс зашипел от боли и слегка согнулся, отшатнувшись от стены и ослабив свою оборонительную позицию, чем тут же воспользовался один из нападавших, встав у него за спиной. Сильный удар по голове оглушил Колберта. Колени англичанина подогнулись, и он успел лишь осознать, что падает, погружаясь в окружившую его темноту. Он не услышал ни выстрела, ни проклятий воров, бросившихся наутек. Не видел он и того, кто шел за ним и наблюдал за неравной дракой у входа в переулок. Когда все смолкло, Джеймс лежал на земле вниз лицом с пробитой головой и раной в груди.

Его спаситель сунул пистолет за пояс брюк и подошел к раненому. Присев на корточки, он взглянул на Джеймса и досадливо прищелкнул языком, возможно оттого, что пришлось

вмешаться. Он повернулся и осмотрел рану, а потом громко свистнул. Почти тут же появилось двое мужчин.

— Несите его туда.

Мужчины чуть ли не волоком втащили Джеймса в таверну. Никто не вышел на улицу, услышав выстрел, и никто не задал вопросов, когда они с раненым на руках пробрались через многолюдный зал и поднялись на верхний этаж. Мужчины открыли дверь и положили Джеймса на кровать.

— Пусть кто-нибудь принесет бинты и бутылку рома, а ты, Эспиноса, скажи нашим, что у нас уже есть корабль...

Джеймс очнулся почти час спустя. От боли у него разламывалась голова, и он был похож на пьяного. Какая-то девушка склонилась над ним, посмотрела зрачки и вышла из комнаты. Колберт услышал чей-то шепот, а потом дверь распахнулась, открывая дорогу высокому молодому красавцу с длинными каштановыми волосами и карими миндалевидными глазами. Одет незнакомец был достаточно элегантно, чтобы понять, что он не был одним из нападавших.

— Как Вы себя чувствуете?

Джеймс вяло отмахнулся и сел, прислонившись к спинке кровати. Он был по пояс гол, а грудь стягивала тугая повязка. Колберт чертыхнулся сквозь зубы: единственное, что ему не хватало, это валяться в постели. Он не мог позволить себе такую роскошь, если хотел найти сестру, а Джеймс чувствовал, что она где-то совсем рядом.

— Что случилось? — в свою очередь спросил он.

— Вы дрались с тремя грабителями и немного пострадали, — ответил его защитник. — У вас довольно глубокий порез, дружище, впрочем, не опасный. Да и кошелек тоже уцелел. — Джеймс приподнял бровь. — Я подоспел как раз вовремя, они не успели Вас обчистить.

— Вы хотите сказать, что я — ваш должник.

— Само собой... — улыбнулся мужчина. — Вы обязаны мне жизнью, месье. Эти мерзавцы перерезали бы Вам глотку, а потом обобрали до самых штанов. Было большой ошибкой прийти сюда одному.

Джеймс уставился на мужчину. Тот был молод, а взгляд его был так холоден, словно он всё знал.

— Я благодарен Вам, и заплачú.

— Ваши деньги ничего не стоят. Мне нужно от Вас другое, месье, — Ваш корабль.

Джеймс открыл рот, но не смог произнести ни слова. Это шутка?

— Вы бредите, — наконец, ответил он. — Я могу дать Вам деньги.

— Мне нужен корабль. Мой сильно пострадал во время шторма, и на его ремонт потребуется несколько недель. Вам повезло со своим кораблем.

— Мне тоже необходим корабль, и я не думаю, что...

— Не будем спорить, милейший, — отрезал мужчина. — Нравится Вам это, или нет, я оставлю себе Ваше судно, и Вы ничего не сможете сделать, чтобы помешать мне. Вы просто не выйдете из этой комнаты до тех пор, пока мы не снимемся с якоря. И не беспокойтесь за экипаж, он будет в хороших руках. — На лице Джеймса, по-видимому, отразилось отчаяние, потому что мужчина улыбнулся, словно разговор забавлял его. — Будет Вам, не воспринимайте все так близко к сердцу. Вы сможете насладиться временем, проведенным на Антигуа. Этот остров — чудесное местечко, и женщины здесь просто красотки.

Джеймс спустил ноги на пол и встал с кровати, поморщившись от боли.

— Вы не понимаете, — вздохнул он. — Мне нужен корабль. Не думаю, что я Вам столько задолжал, но я мог бы достать для вас один...

— Здесь нет больше свободных судов. Я испробовал всё. Буря привела в негодность большинство кораблей.

— Ради всего святого! — взорвался Колберт. — Я должен найти свою сестру, будьте Вы прокляты вместе с Вашими чертовыми проблемами!

— Сестру? — брови мужчины удивленно приподнялись. — Она сбежала из дома, и Вы хотите вернуть ее?

Голубые глаза Джеймса сделались жесткими и колючими, и мужчина предпочел не злить его больше. Он пожал плечами, оставив свои шутки при себе.

— Нет, — ответил англичанин, — не сбежала. Она возвращалась в Англию, когда какой-то сукин сын захватил корабль и похитил ее, вместе с тремя другими женщинами.

— Стало быть, Вы гонитесь за пиратом.

— Послушайте хорошенько, скоро я встречусь с этим типом, и ни Вы, ни кто другой не помешают мне сделать это. Мне сказали, что “Черный Ангел” — самый лучший фрегат с превосходной артиллерией и верной командой, но я не стану плестись в хвосте. Я готов к встрече с ним, поэтому и не предлагаю Вам свои услуги.

— Значит, “Черный Ангел”?

— Послушайте, я очень признателен Вам, и всегда плачу долги, — продолжил Джеймс. — Я могу отвезти Вас, куда хотите, если небольшая задержка не имеет для Вас значения. Но мой корабль не будет Вашим!

— Мне придется убить Вас, взять на корабль своих людей, а потом продать его.

Джеймс пристально посмотрел на мужчину. Не меняя выражения лица, Колберт вплотную приблизился к собеседнику, так что они едва не столкнулись носами.

— Попробуйте, глупец Вы этакий. Вы еще не знаете крутого нрава Колбертов.

Этот молодой господин показался Джеймсу опасным с самого начала, но, заметив, как изменилось его лицо, когда он назвал ему свою фамилию, Колберт даже слегка попятился назад. Однако отступил он недостаточно проворно и быстро обнаружил, что валяется на кровати с ножом, приставленным к горлу.

— Как Вы сказали, Вас зовут, месье? — Джеймс сглотнул. — Ваше имя!!

— Джеймс Колберт. Я не бельгиец, кем Вы меня, кажется, считали, а англичанин.

— Колберт... — на губах мужчины это имя прозвучало проклятием. — Из Порт-Ройала?

— Я живу со своими родителями в Лондоне, но в Порт-Рояле у нас есть родственники.

Противник Колберта моргнул и слегка ослабил хватку. Потом он отошел и сел на единственный, находившийся в комнатенке, стул, крутя в пальцах нож. Джеймс медленно привстал на кровати.

— Расскажите мне Вашу историю, Колберт.

— Она яйца выеденного не стоит!

— Вы должны рассказать мне Вашу историю, если хотите, чтобы корабль остался при Вас.

Джеймс был напуган и удивлен. Этот тип выбил его из колеи. Он спас ему жизнь, но столь же быстро угрожал ее отнять. А теперь этот субчик просил рассказать ему причины, по которым он находился в этой части света. Джеймсу не оставалось ничего другого, кроме как плыть по течению до тех пор, пока он не сможет избавиться от него. Его люди, должно

быть, уже ищут его. Нужно было выиграть время, и Джеймс сел на край кровати, уперся руками в колени и сказал:

— Мне почти нечего рассказывать. Моя сестра Келли возвращалась в Англию из Порт-Ройала. Три корабля были взяты на abordаж пиратами, плывшими под французским флагом. Она и еще три женщины, так же как и товары, не прибыли к месту назначения.

— Продолжайте. “Черный ангел”, что Вы о нем знаете?

— Насколько мне известно, так называется самый быстрый фрегат пиратской флотилии. После abordаж на него забрали мою сестру, и этот испанский сукин сын, под командой которого находится “Ангел”, должен знать, где она находится теперь.

Мужчина вздохнул, провел рукой по лицу и сунул нож за голенище правого сапога. Когда он посмотрел на Джеймса, в его взгляде сквозила неприкрытая ярость.

— Я мог бы убить Вас прямо здесь, и должен был сделать это, потому что вы — Колберт, — ледяным тоном добавил он, — но я заключу с Вами сделку: мы будем вместе искать “Черного Ангела” и Вашу сестру.

Джеймс, казалось, ничего не понимал. Искать вместе? Что имел в виду этот тип?

— Но какого черта я должен соглашаться на Ваше общество? Я даже не знаю Вашего имени!

Мужчина улыбнулся, и его улыбка была холоднее взгляда.

— Диего де Торрес был убит Вашим двоюродным братом Эдгаром. — Джеймс рывком выпрямился. — Успокойтесь, нам о многом нужно поговорить. Я знаю девушку, которую Вы ищете, и знаю того сукина сына, о котором Вы рассказали раньше: это мой брат Мигель.

Порт-Ройал. Ямайка

Эдгар поверх бокала наблюдал за своим собеседником. От только что полученной новости он похолодел, в то время как кровь бурлила в жилах. Сейчас он был в шаге от того, чтобы утвердиться в роли единственного наследника своего отца, всё вот-вот станет его, а тут снова этот испанский выродок, изменник и подлый интриган, вылил на него ушат холодной воды.

— Полагаю, это шутка, — процедил он сквозь зубы.

Нет, Колберт, — де Торрес отрицательно покачал головой и откинулся на спинку стула, — я вовсе не шучу. Как я уже сказал, у меня есть обширные связи. Ваша кузина жива-живехонька, а посему она законная наследница “Поддающей надежды”.

— Где она? — Эдгар заскрежетал зубами. — Я знаю, что до Англии она добраться не смогла.

— Это верно, не добралась. Насколько мне известно, она живет, припеваючи, на каком-то из Карибских островов, — стоял на своем де Торрес, зная, что его утверждение расшатывает защиту оппонента.

— Неужели Ваши многочисленные связи не позволили Вам получить более подробную информацию?

— Не иронизируйте, Колберт. Мне действительно не посчастливилось раздобыть побольше сведений. Окружение Франсуа Бульяна, похоже, неприступно.

— Я должен найти эту суку!

— Чтобы вручить ей завещание Вашего отца? — пошутил испанец.

Эдгару ужасно хотелось схватить испанца за горло и придушить его, но он сдержался. У

де Торреса были довольно неплохие и влиятельные связи, и враждовать с ним было неразумно и бессмысленно. Он казался неприкосновенным даже после темного дела с губернатором Ямайки. Хотя поначалу планировалось ликвидировать всю шайку-лейку полностью, но, по неизвестной причине, губернатор преспокойненько продолжал оставаться на своем месте. Он, Эдгар Колберт, возможно, негодяй, но не дурак, и ему нужно, чтобы этот испанец был на его стороне.

— Полагаю, вам известны мои истинные намерения в отношении этой проклятой сучки. Я ненавижу ее с тех пор, как она ступила на землю Порт-Ройала, и мой отец принял ее с распростертыми объятиями, как родную дочь, отпихнув меня на обочину. Я убил бы ее, особенно после того, как увидел, что она питала некую слабость к одному рабу.

— Правда? — Даниэль от души расхохотался. — Вашей кухне нравятся черномазые?

— Тот раб был испанец, как и Вы. Черноволосый дьявол с зелеными глазами. Он появился в поместье вместе с братом после налета Моргана на Маракайбо. Проклятый барчук, который не терпел рабства, и к которому моя сестрица была излишне благосклонна. — Колберт не заметил легкого удивления и замешательства, появившегося на лице де Торреса. — Я охотно усмирил бы его, — продолжил он, — и почти что сделал это, но она встала на его защиту, а старик поддержал ее. Он всегда говорил, что рабы стоят целое состояние, и только он имеет право убивать их. — Колберт внезапно рассмеялся. — Но я доставил себе удовольствие избавиться от другого ублюдка, убив его, и... Что это с Вами? Да на Вас лица нет.

— Вы помните имена тех рабов, Колберт? — подергивающиеся жилки на висках испанца выдавали нетерпение, с каким он ждал ответа.

— Почему Вас это так интересует? Эти двое были всего лишь мерзкими побирушками.

— Как их звали, черт возьми?! — взревел де Торрес и гневно ударил по столу кулаком.

— Мигель и Диего, — испуганно проблеял англичанин.

Испанец снова побелел и посмотрел на Колберта.

— Так это Вы убили Диего, — темные глаза Даниэля угрожающе сверкнули.

— Д-да... я. Он набросился на меня, и я выстрелил в него.

— А другой? Где другой?

— Будь я проклят, если знаю это! Думаю, он мертв. Старик решил продать его другому плантатору. Его увезли из поместья, когда пираты напали на город. Было много жертв, которых разорвало на части во время пушечного обстрела, или тех, кто погиб под обломками, и которых нельзя опознать.

— А его тело?.. — Даниэль был бледен и дышал с трудом. — Вы не нашли его тело?

Эдгар встревожился. Он не понимал, почему де Торрес вдруг проявляет такой интерес к двум простым рабам, и ему не нравилось, как испанец смотрел на него.

— Нет, не нашли, но, думается мне, что...

— Оставим Ваши предположения, — грубо прервал Колберта испанец. — Думайте, Колберт, думайте. Шевелите мозгами! Французские пираты напали на Порт-Ройал. Мигель исчез. Корабль, на котором плыла ваша кузина, был захвачен Бульяном, тоже французом. Мы сами навели их на эти корабли, помните?

— И что же?..

— Говорят, что во флотилии Франсуа Бульяна плавает испанец.

— Вы думаете, что это может быть тот самый раб? Я не понимаю, к чему вы клоните.

— Возможно, это он, человек, от которого я, по моему разумению, давно избавился, —

Даниэль постепенно успокоился, но его спокойствие было обманчивым. — Вот что, дорогой мой компаньон, мы вместе постараемся отыскать Вашу сестричку. Судьба снова свела нас: Вы хотите навсегда избавиться от кузины... а мне раз и навсегда надо покончить с Мигелем.

Мартиника

Мигель расстегнул пояс, на котором висела сабля, и, сев за стол, положил его рядом с собой. После ссоры с Келли он был зол, как собака. Он клял себя на чем свет стоит за те глупости, что наговорил ей. Но слово не воробей, и исправлять что-либо было поздно. Проклятье! Куда ни кинь, везде клин. Вся его жизнь вечное опоздание. Ну да, что сделано, то сделано. Слишком многое разделяет их с Келли.

Вероника подавала ужин в гробовом молчании, не отпуская обычных замечаний о произошедших днем событиях. Мигель ждал, когда придет Келли. У них было заведено всегда ужинать за столом, и теперь она заставляла ждать себя. Веро тоже задержалась, расставляя приборы и раскладывая салфетки.

— Ладно, — сказал, наконец, Мигель, не выдержав ее молчания. — Мне что, вставать из-за стола, чтобы искать ее?

— Вы бы начинали ужинать, капитан, — слегка приподняв бровь, ответила мулатка. — Мадемуазель нет в поместье.

Мигель задержался с ответом, переваривая услышанное.

— Полагаю, теперь ты мне объяснишь, что это означает.

— Она уехала, сеньор.

— Уехала?

— Именно так.

— Куда?

— Мадемуазель уехала вместе с капитаном Бульяном.

Мигель побелел. Он ничего не понимал, то ли потому что поглупел, то ли сам по себе был дураком. Однако от него не укрылось довольное выражение лица Вероники, которая, вне всякого сомнения, получала удовольствие от происходящего.

— Капитан Бульян сказал кое-что относительно вашей глупости, — серьезно сказала служанка, — и еще кое-что о том, что он мог бы лучше Вас обращаться с мадемуазель Келли.

У Мигеля пересохло в горле. Он встал из-за стола и подошел к Веронике, которая, ничуть не боясь, спокойно стояла на месте.

— Они поехали к нему в поместье?

— А куда же еще?

Мигель закрыл глаза и сильно сжал веки. Он задыхался; по его спине ручьем тек холодный пот, а нутро сжигала ревность. Мигель ничего не ответил, но крепко сжал саблю.

— Клянусь всеми святыми, я убью этого ублюдка! — угрожающе рявкнул он.

— Поосторожнее, капитан, — предупредила Вероника. — Берегитесь! Бульян — не Депардьё, Вам ли этого не знать.

— К черту! Какая разница! — не сдержавшись, взревел Мигель.

Разъяренный, как лев, испанец выбежал из дома. Вероника слышала, как он кричал, требуя подать ему лошадь. Вздохнув, она вполголоса принялась напевать старую народную песню...

... Настенные часы пробили одиннадцать раз.

Келли еще раз прошла по отведенной ей комнате. До этого она ужинала с Франсуа, и хотя сам Бульян, Пьер и Верхиния вместе со славной Амандой из кожи вон лезли, чтобы вечер прошел весело, ей кусок в горло не лез. Келли не была уверена в том, что поступила здраво, уехав с Бульяном. Хорошо зная Мигеля и его мысли, она понимала, что он мог быть опасным. Франсуа был убежден, что он приедет искать ее, Келли была не так уверена в этом, но если Мигель приедет, то кто знает, чем все обернется? Она чувствовала себя, как висельник, приговоренный к смерти. За ужином Келли почти ничего не ела, и теперь от выпитого вина ее клонило в сон. Девушка прилегла на кровать и закрыла глаза...

Она стояла на высоченной зубчатой стене. Высунув голову из-за края камня, девушка посмотрела вниз, прямо в пропасть... Она не видела землю, не видела вообще ничего, кроме темноты, но неосознанно чувствовала, что на нее надвигается что-то, и отступила. Внезапно темнота окутала ее ледяным саваном, и там, посреди этой мглы, был он. Его лицо было воплощением зла, а холодные, жестокие глаза безжалостно смотрели на нее. Девушка попятилась назад, а Мигель двинулся к ней, с каждым шагом подходя все ближе, но, несмотря на все, Келли хотелось подбежать к нему и обнять, хотелось целовать его, слиться с ним воедино...

Она проснулась в кровати.

— Не-е-ет! — с тоской простонала Келли и вскочила, смущенно моргая и не понимая, где она. В комнате было тихо и темно. Мокрая от пота ночная рубашка, одолженная у одной из служанок, прилипла к телу. Келли дрожала. Она встала с кровати и подошла к окну, ища свежий, прохладный воздух. Она едва успела приоткрыть окно, как дверь в комнату распахнулась, и на пороге возникла рослая фигура Бульяна. Келли тут же успокоилась. Франсуа поставил канделябр на ночной столик и прошел по комнате.

— С тобой все в порядке? Я услышал, как ты кричала.

Келли бросилась ему на шею и разрыдалась, а француз, обнимавший за свою жизнь несметное число женщин, ничего не мог поделать. Иметь рядом с собой такую девушку, как эта, было сродни вознесению на седьмое небо, и Бульян ничуть не сомневался, что Мигель был круглым дураком. Франсуа гладил девушку по золотистым распущенным волосам, приговаривая ей что-то как ребенку. Постепенно Келли успокоилась и отодвинулась от своего утешителя, слегка покраснев от смущения.

— Мне приснился кошмар.

— Ужасные чудища? — пошутил Бульян.

— Я не хочу говорить об этом.

Франсуа нежно коснулся пальцами ее подбородка. Ему безумно захотелось отведать вкус ее розовых губ, напиток слезами, подсыхающими на ее щеках, ведь Келли была красоткой, от которой любой мужчина потерял бы голову. Бульян сдержал свои желания. Он знал о чувствах Мигеля к Келли, хотя сам Мигель, похоже, их не признавал.

— Хочешь я пошлю кого-нибудь позвать Верхинию или Аманду?

— Спасибо, не сто́ит. Ничего не случилось.

— Ложись в постель, Келли.

Мигель был свидетелем этой сцены. Стоя в саду, он наблюдал в окно за Келли и Бульяном. Он чуть не запалил коня, чтобы быстрее добраться сюда. При мысли, что Келли бросила его и кинулась в объятия француза, у Мигеля вскипала кровь.

Свет, падавший на тело Келли, подчеркивал ее формы под ночной рубашкой. Как он мог восхищаться ею, если был готов свернуть ей шею... а после нее — Бульяну? Как она могла

броситься в объятия этого негодяя, этого француза?..

Мигель видел только то, что хотел видеть, картины, которые подсказывал ему гнев: объятия Франсуа были предательством, за которое следовало заплатить. Испанца охватила безумная ревность.

Дом Франсуа он знал, как свои пять пальцев. Де Торрес решительно вошел внутрь и взбежал по лестнице, перепрыгивая через три ступени и твердя про себя только одно: “Я убью его!”

Мигель распахнул деревянную дверь с такой силой, что она с грохотом ударилась о каменную стену. Он застал Келли, лежащую на кровати и укрытую до подбородка простыней. А еще он увидел проклятого Франсуа, который наклонился к девушке и целовал ее в лоб.

— Ах ты, сукин сын!.. — рявкнул он за секунду до того, как разъяренным зверем броситься на того, кого он считал своим соперником.

Келли закричала. Схватив друг друга за грудки, мужчины покатались по полу, увлекая за собой тяжелую стойку, которая упала и разбилась. Грохот и визг Келли подняли на ноги всех остальных в доме. На шум прибежали Пьер, Вирхиния и слуги. Кое-кто был даже вооружен. Слуги растащили драчунов и удерживали громко ругающегося Мигеля. Франсуа и Мигель громко сопели, стараясь восстановить дыхание, и разглядывали свои царапины и ушибы. Вирхиния, молча, стояла рядом с насмешливо улыбающимся Леду, который уже ждал этого и не собирался вмешиваться в потасовку. Франсуа измыслил этот план, вот пусть сам и расхлебывает.

— Ты с ума спятил? — еле слышно спросил Мигеля Бульян.

— Я вернул себе то, что у меня украли!

— Никто ничего у тебя не крал!

— Келли — моя!! — злобно продолжал Мигель, стараясь освободиться.

— Тогда обращай с ней, как она того заслуживает!

— Я буду обращаться с ней, как мне захочется.

— Ты нарываешься на хорошую взбучку, щенок, — сжав кулаки, француз шагнул к Мигелю. — Ладно, ребята, отпустите его! Убирайся отсюда, Мигель, или мои слуги могут вlepить тебе пулю в лоб.

Освободившись, Мигель попытался успокоиться. Он не предвидел такого исхода, но в чужом доме ей нечего делать. Он подошел к кровати и вытащил из нее Келли, не обращая внимания на ее протесты.

— Если мы снова встретимся, Франсуа, я забуду, что обязан тебе жизнью, и убью тебя.

Именно такого приступа ревности и добивался от Мигеля его друг. “Давай, давай, ревнуй, чертов испанец!” — подумал он, рукавом рубашки останавливая кровь, текущую из рассеченной брови.

— Она так много значит для тебя?

Что значила для него Келли? Мигелю хотелось во всю глотку закричать, что он предпочел бы умереть, а не потерять ее, что он любил ее больше своей бессмертной души, что она нужна ему, но он молчал. В его планы не входило унижаться после того, как он видел их телячьи нежности и сюсюканья.

— Она — моя рабыня, а значит, моя собственность, — ответил Мигель, подстрекаемый гневом. — Может, Вы и развлеклись с ней, но отныне она снова будет моей. Как-никак, раньше мы делили шлюх.

Мигель не понял, откуда его настиг кулак, но Франсуа стоял так близко, что не сдержался и ударил его. Удар был настолько удачным и сокрушительным, что Мигель без сознания упал навзничь, увлекая за собой и Келли. Пьер прищелкнул языком и помог девушке подняться. Келли была не в состоянии произнести хоть слово.

— Отвезите его в “Прекрасный мир”, — приказал слугам Франсуа, — иначе я поддамся искушению привязать его к столбу колодца и поучить уму-разуму плетью. Ступай с ним, англичанка, ты понадобишься ему, когда он очнется.

Услышав громкие восклицания и женский смех, Келли и Вероника обменялись подозрительными взглядами. Мулатка встала, выглянула наружу, что-то пробубнила сквозь зубы и, ругаясь, вернулась.

— Что случилось?

— Вернулся хозяин, мадемуазель.

“Наконец-то”, — подумала Келли, прислушиваясь к веселому гомону. После того печального случая с Франсуа Мигель, не говоря ей ни слова, исчез из поместья, но теперь вернулся, и это было самое главное. Келли тоже встала, но рука Вероники остановила ее.

— На Вашем месте, девочка, я бы не ходила сейчас туда.

Вырвавшись из рук служанки, Келли вышла в сад.

Увидев Мигеля, она все поняла. Лучше ей было послушаться Веронику и остаться в доме. Мигель вернулся домой в стельку пьяный, ни на что не годный, в грязной одежде, неряшливый и небритый, с отросшей за несколько дней щетиной. Казалось, в эти дни он не приближался к воде даже затем, чтобы попить. Вид Мигеля ошеломил Келли. Еще бы! Ведь она никогда не видела его пьяным, тем более едва переставляющим ноги. Его тащили под руки две возмутительно бесстыжие девки. Оповещать о том, чем они занимались, не было нужды, все и так было ясно. Одна из них была пухленькой блондинкой, а другая худощавой брюнеткой с роскошной грудью, неприлично вылезающей из весьма экстравагантного лифа. Они, не переставая, громко смеялись, стараясь завести Мигеля в дом и при этом не упасть всем троим. Келли спустилась по ступенькам, отделявшим ее от развеселой троицы, и оказалась прямо перед ними. Девицы разом остановились и слегка покраснели.

— Я сама займусь им, — сухо сказала Келли. — Дамы, я благодарна вам за то, что привели его.

Не чувствуя опоры, Мигель еле держался на ногах, качаясь, как былинка на ветру. Он смотрел на Келли невидящим, мутным от алкоголя, взглядом. Девушка показалась ему похожей на разозленную жену, получившую мужа в плачевном состоянии. От этой глупой мысли Мигель расхохотался.

— Пошли в дом, куколки, — предложил он, снова ища опору у девиц.

— Госпожа...

— Госпожа! — почти ничего не соображая, Мигель осоловело захлопал глазами. — Какая госпожа?

Не придавая значения его презрительным словам, Келли подошла к Мигелю и обхватила рукой за талию, чтобы он не шмякнулся на землю.

— Никакая это не госпожа, — безжизненным голосом вяло продолжил он. — Она всего-навсего моя рабыня.

Проститутки глупо захихикали и снова подошли к Мигелю, который высвободился из объятий Келли и отодвинул ее в сторону.

— Пошли, красотки, — настаивал он. — Я обещал вам незабываемую ночь, и она у вас будет.

Нимало не церемонясь, Мигель грубо и беспардонно унижал Келли. Дело кончилось тем, что девушка отошла с дороги, а остальные ввалились в дом.

— Затрещина Бульяна не слишком-то помогла, как я погляжу, — раздался за ее спиной

голос Армана, присутствовавшего при этой сцене.

— Не вмешивайтесь, прошу Вас, — попросила его Келли. — С меня довольно. Для приема этих двух я лишняя. Может, он и прав. Я ему никто, и он может искать развлечения, где ему нравится, но я не позволю ему смеяться надо мной. Скорее, я влеплю ему пулю между глаз.

— Я дам вам пистолет. В “Прекрасном мире” только одна хозяйка, и это — Вы. Я понимаю это так же, как понял этот дуралей. Если ему хочется заливать свое горе алкоголем, пусть делает это в городе, а не здесь.

Келли ничего на это не ответила и направилась следом за троицей, готовая к битве с двумя девицами, а Бризе, в свою очередь, пошел за ней. Девушка не хотела больше неприятностей, у нее и так их было предостаточно, однако, она разозлилась не на шутку, и Мигелю предстоит узнать, что такое английская гордость.

— Оставайтесь здесь, Арман, прошу Вас, — сказала Келли, повернувшись к Бризе.

— Даже не мечтайте.

— Пожалуйста, — настаивала она.

— Нет и нет, даже если Вы попросите меня об этом на коленях. Пришло время поставить этого парня на место.

— Я не хочу, чтобы Вы причиняли ему боль.

— Хорошая оплеуха еще никогда никого не убила, — услышала девушка голос обогнавшего ее Армана, направляющегося прямоком к комнате Мигеля, откуда доносился веселый гам. — Кажется, впрочем, что ему понадобится не одна увесистая плюха, чтобы он образумился.

Келли потеряла терпение. Если Бризе выполнит свою угрозу, Мигель целую неделю пролежит в постели. Подобрал подол юбки, девушка припустилась в погоню за Арманом.

Француз не стал канителиться и за руки выволок обеих девиц из комнаты. Девицы ругались и поносили Армана на чем свет стоит, а Мигель, задыхаясь, покатывался от смеха. На заплетающихся ногах, толкаясь и пихаясь, девицы спускались по лестнице и, окончательно запутавшись в юбках, не устояли и скатились вниз, удачно приземлившись на пол. Под угрозы и проклятия Вероника и Рой выставили их из дома.

— Да катитесь вы все к черту! — напоследок крикнула одна из них.

Прикусив язык, Келли вошла в комнату и увидела, как Арман трясет Мигеля, схватив его за грудки.

— Не нужно... — Келли вцепилась в руку Бризе, останавливая его.

Мигелю удалось высвободиться из рук Армана и сделать пару шагов назад. Он был чертовски пьян, но считал, что может дать отпор своему боцману. Шатаясь, он отошел еще дальше и стеклянными глазами уставился на Келли. Девушка была очень серьезной, словно осуждала его теперешнее состояние, и только локон волос свободно спадал на ее щеку.

Неожиданно Мигель показался себе жалким и смешным. Прежде всего смешным. Он старался забыть ее в других объятиях, с галлонами рома. И чего он добивался? Вконец упиться, чтобы спать с другой женщиной без всякого желания, потому что всех женщин он сравнивал с ней. Мог ли мужчина чувствовать себя более подавленным и разбитым? Келли сломала его одними мыслями о ней. Нет, он не мог пасть еще ниже и оказаться еще бóльшим дураком.

— Уходи, дружище, — сказал он Бризе.

Арман, еле сдерживаясь и сжимая кулаки, шагнул вперед и загородил девушку собой.

— Будет лучше, если ты ляжешь спать, — ответил он, обращаясь к Мигелю.

— Послушай, увалень, не порть мне вечеринку. Убирайся.

— Ложись спать, — упрямо повторил француз. — Ты в доску пьян.

— Я такой, как мне хочется! — вызывающе сказал Мигель и икнул, не отводя глаз от Келли. — И я отлично провел время в городе.

— Тогда возвращайся туда.

Зеленые глаза зло сузились. Он был пьянее, чем думал, или Арман выгонял его из его же собственного дома?

— Эй, красотка! — Мигелю пришлось крепко ухватиться за кровать, чтобы не упасть. — Как ты насчет того, чтобы поразвлечься и провести ночь со мной и теми двумя шлюшками? Будет весело. — Мигель рассмеялся над собственной шуткой. — Взбодрись, Келли! Мне нравится быть с тремя шлюхами сразу...

Удар кулака свалил его с ног, и он мешком рухнул на кровать. Келли не сказала ни слова. Она была благодарна Арману за то, что тот разом остановил этот бессмысленный спектакль. Мигель заслужил то, что получил. И это, и многое другое. Расправив плечи, Келли развернулась на каблуках и вышла из комнаты. Все равно она ничем не смогла бы помешать боцману задать ему хорошую трепку...

Мигель открыл глаза и застонал. Он попытался приподняться, но его замутило, и он снова опустился на кровать. В голове стучало, будто изнутри били кувалдой, а челюсть болела так, словно лошадь лягнула по ней копытом.

Через несколько минут Мигелю удалось справиться с тошнотой, он приподнялся и тяжело привалился к спинке кровати. Арман сидел у него в ногах. Мигель откинул одеяло и увидел, что лежит голый. Он поднес руки к голове, а на большее у него не хватило сил.

— Какого черта со мной приключилось?

— Я уложил тебя в кровать одним ударом.

Несмотря на все, Мигель отлично помнил это.

— По-моему, ты перестарался, приятель, — изрек он, несколько раз открыв рот и приводя в порядок челюсть.

— Не думаю, удар был несильный.

— А те девицы?

— Вернулись в город.

Арман громко позвал Роя, и от каждого его слова Мигель ежился, словно они пронзали насквозь его виски. Немного погодя двое слуг внесли в комнату чан и стали наполнять его горячей водой, неодобрительно глядя на хозяина. Неожиданно Мигелю стало очень неловко оттого, что все осуждали его.

Он залез в чан и почувствовал, как расслабляются в горячей воде его мышцы. Черт возьми, в каком же состоянии он находился все эти дни? Он был омерзительно грязным, и от него разило за версту. Он помнил только то, что изрядно перепил, и еще глаза Келли, сверлящие его каждый раз, как он приближался к какой-нибудь женщине; и под мучительным взглядом этих глаз соблазны исчезали.

— Ладно, я пришел домой пьяным и с двумя женщинами. А что еще?

— Ты предложил Келли поучаствовать в вашей оргии.

Мигель изрядно струхнул. Он видел по глазам Армана, что тот не шутил. Де Торрес крепко выругался и с головой окунулся в чан. Святой боже! Не удивительно, что Арман взрезал ему.

— А она? Я хочу сказать, как Келли?

— Разозлилась сильно. Какое там, она в бешенстве. А ты еще коришь меня, что я тебя ударил. Ты болван! Неужели ты ослеп? Эта девушка любит тебя, а ты не обращаешь на нее внимания, унижаешь ее.

Мигель проглотил эту резкость друга. Это он не обращает на нее внимания? А если она занимает все его мысли, все его время? А если он чувствует пустоту, когда ее нет рядом? На совесть отмывшись, Мигель вылез из чана, взял полотенце, протянутое ему Арманом, и обмотал его вокруг бедер.

— Она уехала с Франсуа...

— Ты — безмозглый идиот, — Арман с большим удовольствием снова взгрел бы его. — Франсуа придумал все это, чтобы раскрыть тебе глаза. Между ними ничего не было, они только поужинали. А ты что подумал, увидев их? Я уверен в том, что он и пальцем не дотронулся до Келли, но тебе ничто не поможет, если ты сам не убедишься. Ты хотя бы спросил ее? — Не дожидаясь ответа, боцман вышел из комнаты.

Что там сказал ему Арман? Что Келли его любит? Что все это было спектаклем, чтобы заставить его ревновать? О боже! Они хотели свести его с ума. Но разве Келли не сказала, что хотела бы уехать в Англию? Он не мог позволить ей уехать, потому что это было все равно, что вырвать сердце из груди. Он хотел заставить ее заплатить за то, что считал изменой, но его план с треском провалился. Мигель подумал о том, как, находясь в городе, все время вспоминал ласки Келли, каждый ее поцелуй, каждый стон от наслаждения, шелковистую нежность ее рук, вкус ее тела. И как он раздул такую мелочь, как ее флирт с Бульяном! Он вел себя как ничтожество. Господи, как он все усложнил! Как ему теперь смотреть ей в глаза?

Открылась дверь, и в комнату вошла Келли с подносом в руках. Она была ослепительно красива в миленьком голубом платье под цвет своих глаз и с распущенными волосами. Мигелю очень захотелось погрузить свои пальцы в эти золотистые пряди.

Келли поставила понос на стол рядом с окном. Она раздвинула занавески чуть пошире и налила в чашку кофе.

Мигель следил за каждым ее движением.

— Келли...

Девушка повернулась к нему, но в ее глазах не было ничего — ни упрека, ни любви, только безразличие, и это было хуже любого оскорбления.

— Ты хорошо отдохнул? — только и спросила она.

Мигель почувствовал себя подлецом, и еще сильнее осознал свою вину.

— Не очень, — мрачно буркнул он.

Келли показалась ему далекой и сдержанной, как служанка, всего-навсего выполняющая свои обязанности. Мигелю хотелось, чтобы она начала кричать на него, оскорблять, ругать. Да пусть бы делала, что угодно, лишь бы не была безразличной! Но Келли не сделала ничего, только отрезала кусок пирога и положила его на тарелку, а затем надменно и решительно пошла к выходу.

— Я ничтожная скотина, — сказал Мигель, задерживая ее. — Ты это подумала?

— Я многое подумала, Мигель, — Келли повернулась, и ее сапфировые глаза необычно блеснули. — Да, ты именно тот, кем только что себя назвал, и даже хуже.

Этого Мигель и хотел, чтобы девушка бросила ему вызов.

С бешено бьющимся сердцем, он осторожно приблизился к ней. Он старался забыть ее,

но... это было невозможно, да простит его господь! Он так желал ее... Он любил эту англичанку, она была ему нужнее воздуха. Сглотнув комок, мешавший дышать, Мигель с опаской протянул к ней руку, чтобы погладить ее по щеке, но Келли оттолкнула руку, и она повисла в воздухе.

Мигель испытывал потребность признаться Келли во всем, сказать, что он был презренным глупцом, заслуживающим ее пренебрежения, и если бы она его бросила, он понял бы ее. Но ему было трудно отступать от своего перед ней. Ему вообще было трудно отступать перед кем бы то ни было. Он никогда не сдавался, даже под угрозой кнута. Но был ли он тем, кого она заслуживала? Он обходился с ней несправедливо, унижал ее, а ведь она отдавалась ему целиком, без остатка. Какой черт в него вселился? Куда затащили его жажда мести и ревность? Его душа переполнялась водопадом извинений, но извинился Мигель одной лишь фразой, идущей от самого сердца:

— Я люблю тебя.

Сомнения начали расшатывать защитные бастионы Келли. Девушка колебалась, глядя в глаза Мигеля и ища в них что-то, и то, что она нашла в них, привело ее в дрожь. Келли хотела сказать что-то, но не смогла, она задыхалась. Однако слова были не нужны, потому что Мигель сжал ее в своих объятиях, а ей было так удобно в его руках. Она склонила голову ему на плечо, вдыхая аромат мужского тела, слушая его оголтело скачущее в груди сердце. О, боже! Разве можно было устоять перед ним? Келли застонала, когда руки Мигеля ласково пробежали по ее спине.

— Я буду ползать перед тобой, как червяк, — Мигель неожиданно схватил девушку за плечи, слегка отстранил от себя и пристально посмотрел ей в глаза, — умолять тебя, если нужно, поползу к тебе на коленях, но я знаю, что не достоин тебя. Я — человек без принципов, возможно, без будущего, изгой, на которого ты не должна была бы даже смотреть. — Мигель отодвинулся от Келли и прошел в противоположный угол комнаты, вырывая волосы. — Я вложу пистолет в твою руку, чтобы ты осуществила месть, потому что я предпочитаю умереть, если тебя не будет рядом. Я не могу избавиться от любви к тебе, Келли. Не могу!

— Я...

— Клянусь всеми чертями ада, ты будешь со мной, — продолжил Мигель, снова подходя к Келли. Он прижался губами к ее шее ниже уха. — Как ты думаешь, почему я поехал искать тебя к Франсуа? Почему сбежал из “Прекрасного мира”? Почему я напился? — Он еще сильнее прижал девушку к себе и принялся целовать ее шею, плечи, подбородок. Голос Мигеля стал чарующе низким и страстным. — Я чувствую себя грязным, Келли. Я вел себя как негодяй, я знаю. Я достоин только твоего презрения, любимая... — губы Мигеля сводили Келли с ума, опускаясь вдоль выреза все ниже, а его руки ласкали ее ключицы. — Но я люблю тебя, — повторил он. — Будь я проклят, если знаю, как я дошел до такого, Келли, но я не могу жить без тебя!

Но Келли не теряла разума; несмотря на физическую близость Мигеля, она продолжала думать. И что теперь? Какой ответ он хочет получить? Он попросил прощения, и что же? Все так легко? Какого черта? Девушка испытала такую боль, что ни покорность Мигеля, ни его признания в любви не смогли растрогать и смягчить ее.

— О чем ты говоришь, Мигель?

— Ты не взяла браслет, — он поднял руку, и драгоценная вещица заискрилась на свету.

— Еще бы, он очень дорогой.

— И что же?

— Ты и так дарил мне слишком много, — ответила Келли. — И мне нравится видеть его на твоей руке.

— Значит, ты отказалась от него не из презрения к награбленному?

Келли металась: ей хотелось залепить Мигелю пощечину и зацеловать его до смерти. В ней боролись неприятие и желание. Она подошла к окну и глубоко вдохнула, чтобы успокоиться. Мигель унижался перед ней, повинулся, признал все свои ошибки. Мужчина не мог унизиться сильнее, чем это сделал Мигель, но этого было мало. Конечно, мало! Она вытерпела больше, чем могла бы вытерпеть любая другая, и у нее тоже была гордость. Мигель кичился своей гордостью испанца, но, если на то пошло, она была дочерью Англии, к тому же она была Колберт. А теперь еще эта глупость с треклятым браслетом? Хорошо, если так!

— Ты не заслуживаешь от меня даже слова, — с упреком ответила Келли.

На миг у Мигеля перехватило дыхание. Полностью обезоруженный, он шел ко дну. Ему, как мальчишке, хотелось плакать, но он не мог. Даже в этом ему не везло.

— Человек не может пасть так низко, как я, Келли. Я понимаю, что ты ненавидишь меня, и я сам это заслужил. Ради бога, оставь меня, мне нужно побыть одному. Раз ты так решила, я все устрою, чтобы ты уплыла с острова, как можно быстрее.

Келли успела заметить скользящую по щеке испанца слезу. Мигель быстро отвернулся и смахнул ее рукой, вероятно, для того, чтобы скрыть проявление слабости, но в глазах девушки эта скупая мужская слеза сделала Мигеля более мужественным и человечным.

— Да, мне следовало бы взять пистолет и всадить тебе пулю меж глаз, — сказала она, — потому что ты дурак, Мигель, круглый дурак. Разве всё, чем ты сейчас наслаждаешься, не является результатом тех же самых грабежей, нападений на корабли? Я ни в чем тебя не обвиняю. Я не могу осуждать тебя, потому что считаю, что это судьба подтолкнула тебя стать тем, кто ты есть. Ты похитил меня, мучил и унижал при всех. Всё верно, я должна была бы ненавидеть тебя, испанец, должна была бы убить тебя, но я лишь люблю тебя.

Мигель медленно повернулся к Келли и посмотрел на нее своими бездонными, как омут, зелеными глазами, от которых сжималось сердце. С трудом осознавая только что услышанные слова, он медленно поднес руку к лицу девушки, которая теперь не только не отвела ее, но даже шагнула навстречу. В следующую секунду Мигель так крепко прижал ее к себе, что Келли подумала, что он сломает ей спину, но это было уже неважно, ведь теперь она была там, где нужно, под прикрытием мужчины, который являлся ее жизнью. Целый сонм чувств охватил Келли, когда Мигель выпустил на волю душившие его тоску и горечь, которые он носил в себе. Келли обхватила руками лицо испанца, поцеловала его веки и выпила пролитые им слезы, очистившие его душу. В ответ он ненасытно целовал ее, словно боялся, что все это сон, и, проснувшись, он увидит, что это неправда.

Когда жадный рот Мигеля оторвался от ее губ, оба были уже освобожденными душами.

— Ты сказала это, — словно молитву услышала Келли.

— Что?

— Что ты меня любишь, колдунья.

— Разве? — пошутила Келли, глядя его по волосам. — Ты плохо расслышал.

— Нет.

— А я думаю, да...

Мигель, смеясь, закружил ее по комнате, пока она не упала на кровать. И тогда Келли притянула его к себе. Она страстно хотела его.

— Сможешь ли ты когда-нибудь простить меня?

— Попытаюсь, но вчера... ты был слишком пьян.

— Уверяю тебя, что Арман одним ударом отрезвил меня. Клянусь, Келли, у меня не было ни одной женщины. Клянусь, чем...

— Я знаю.

— И еще я обещаю, что не притронусь больше к рому, — Мигель поцеловал Келли в кончик носа, а потом, приподнявшись на ладонях внимательно, как никогда прежде, посмотрел ей в глаза и, спустя несколько томительно нескончаемых секунд, сказал. — Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Для Келли эти слова были самыми прекрасными на свете, потому что их сказал Мигель.

— Что?

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой, — повторил он.

— Ты не забыл? Ты же ненавидишь англичан.

— К черту всё это, госпожа! Я предлагаю тебе руку и сердце, и отныне до самой смерти я буду целовать след каждого встретившегося мне на пути англичанина, если ты меня об этом попросишь. Келли, выходи за меня замуж!

Келли рассмеялась сквозь слезы, но эти слезы были от счастья.

— Ты согласна? — спросил девушку Мигель, лаская ее.

— Да.

— Ты, правда, выйдешь за меня?

— Да, — простонала она. Мигелю всегда удавалось затуманить ей разум своими ласками. — Да, да, да.

— Даже если у меня нет будущего?

— Да.

— Даже если я буду проклятым пиратом?

— Д-д-да...

— Даже если?..

Келли обхватила его голову руками, пробегая взглядом по аристократическим чертам лица самого прекрасного в мире мужчины, которого она безумно любила. Пират? Келли знала, что в этот миг она согласилась бы стать его женой, будь он хоть самым Сатаной.

— Перестань спрашивать глупости, и займись со мной любовью, или я могу передумать.

Свадьба была скромной. На ней едва ли набралось человек двадцать гостей, среди которых были Бульян, Пьер, Тимми, Виктория, Аманда и Лидия, помимо слуг и Армана, который был посаженным отцом и передал жениху сияющую от радости ослепительную невесту. В саду возвышались арки, украшенные орхидеями, и он показался Келли прекраснее собора. Девушки из “Прекрасного мира”, во главе с Вероникой, подобрали локоны Келли и украсили их жемчугом, превратив невесту в сказочную принцессу, блистающую на балу в своем шелковом белом платье.

Но, ко всему прочему, свадьба оказалась еще и весьма забавной. Почти в самом конце, когда священник благословил молодых, соединив их на всю жизнь, Арман взял Лидию за руку и направился напрямиком к святому отцу. Бризе был очень серьезен и красив в своей черной одежде.

— Падре, — громко и четко произнес он, и все сразу посмотрели на него. — Могу я попросить Вас вернуться сюда через пятнадцать дней, чтобы заключить еще один брак?

Священник уставился на красивую мулатку, стоявшую рядом с французом, и дал свое согласие, потому что пришло время кое-каким парам освятить свой доселе незаконный союз.

— Через пятнадцать дней, месье Бризе, — подтвердил святой отец.

Арман схватил Лидию в охапку и смачно поцеловал, не обращая внимания на священника. Все умолкли, и в саду воцарилась тишина, пока Франсуа залихватски не свистнул. Пьер подхватил его свист, и все остальные разразились бурными аплодисментами и поздравлениями.

— А почему не теперь? — спросила Лидия, пристально глядя в глаза любимого и страстно желая поскорее соединиться с ним.

— Я хочу, чтобы ты тоже блистала в роскошном платье.

Лидия бросилась ему на шею и звучно поцеловала в губы. Святой отец кашлянул и поднял руки, призывая к тишине.

— Дамы и господа, — начал он, — с вашего позволения, мне кажется, что данная церемония венчания еще не завершена. — Перешептывания и шикания затихли. — Сеньор де Торрес, можете поцеловать невесту.

Келли опередила жениха. Она обняла Мигеля за шею и поцеловала его. В эту секунду она поняла, что до последнего дыхания будет любить только его и никого другого.

К полуночи почти все, за исключением священника были слегка навеселе. Мигель заставил вытащить из погребов бутылки самого лучшего вина, а Вероника с Амандой превзошли самих себя, приготовив изумительные блюда к свадебному застолью. Виновник торжества сидел в центре стола в окружении Франсуа и Пьера, а вот Арман был слишком занят, любезничая со своей нареченной и терпя шутки по поводу предстоящей свадьбы. Мигелю было трудно сосредоточиться на разговоре, он не мог отвести глаз от Келли, которая в другом углу зала, разговаривала с Вирхинией и Вероникой.

Его жена... Жена! Она вся светила, как фонарь в ночи. Мигель не находил слов, чтобы описать свои чувства. Теперь он был свободен от терзавшего его раньше внутреннего напряжения, и мог быть самим собой, поступать так, как внушил ему отец. И для этого ему нужна была Келли, чтобы доказывать ей свою любовь.

Ему хотелось, чтобы гости разошлись, но те не торопились покидать праздник. Тычок локтя вернул его от раздумий к действительности.

— Я спрашивал, что ты собираешься делать теперь? — услышал он голос Франсуа.

— Лучше не спрашивай, парень, — отшутился Мигель.

— Я имею в виду твою жизнь, — Бульян весело рассмеялся. — Твою жизнь, понятно?

Что он будет делать? Мигель был уверен в одном — он навсегда распрощался с пиратством. Келли изменила свою жизнь ради него, а он изменит свою. С грабежами покончено. Он — ее должник. Да и себе он задолжал немного спокойствия. Прошлое продолжало исподтишка терзать его, отзываясь в душе глухой болью. Диего уже не было на этом свете, а родственники, жившие в Испании, ничего не знали о них обоих. И каково там родителям? Возможно, они уже считают их погибшими. Мигелю очень не хватало их, но так было лучше. Лучше, чтобы они не узнали о том, что его брат действительно убит, и о том, кем стал он сам. Он должен все забыть и начать новую жизнь, без призраков прошлого.

Не ответив Франсуа, Мигель извинился и вышел.

Увидев уход мужа, Келли шепнула что-то на ухо Вирхинии и побежала вслед за ним. Она нашла его сидящим под деревом и задумчиво жующим травинку.

— Ты устал? — Келли села рядом с Мигелем и обняла его.

— Нет.

— Гости и не думают уходить, — шутливо заметила она, теснее прижимаясь к мужу.

— Я живо выставлю их за дверь, если сами не уйдут.

— Скажи мне, что с тобой? — Келли заметила грусть в потухшем взгляде мужа и поцеловала его в губы.

— Ничего такого, что должно тебя тревожить.

— Я стала твоей женой, помнишь? И теперь твои тревоги также и мои.

— Я думал о брате и родителях.

— Я тоже постоянно думаю о своей семье, — вздохнула Келли, и тут же нашла себя сидящей на коленях мужа.

— Я отвезу тебя в Англию, Келли, даже если там меня повесят.

— Я не хочу, чтобы ты ехал в Англию! — испугалась она.

— Но ты не поедешь туда одна!

— Я и не думала ехать одна, мой грозный пиратский капитан. — Келли игриво и чувственно-призывающе провела указательным пальцем по подбородку и губам Мигеля. — Ты не думаешь, что мы могли бы пригласить твоих шурина и тестя с тещей познакомиться с “Прекрасным миром”?

Конечно! Как ему самому-то это в голову не пришло? Что он сделал, чтобы заслужить такую женщину, кроме того, что играл в злодея? Прежде чем ответить, Мигель еще крепче прижал жену к себе.

— Думаю, “Прекрасный мир” придется им по душе, но... Понравлюсь ли им я?

— Папа стукнет тебя в знак приветствия. Джеймс, возможно, поступит иначе. А маме нравятся статные и привлекательные мужчины, а я, несомненно, вышла замуж за одного из них.

— Как бы мне хотелось, чтобы Диего был здесь, — печально признался он. — И чтобы мои родители узнали, что мы оба живы.

— Диего сейчас с нами, любимый, он где-то здесь. Ты никогда не писал в Испанию?

— Последнее письмо я отправил из Маракайбо несколько лет назад. Потом, в плену, я

не мог этого сделать, а позже... у меня не хватало сил, чтобы сообщить им, что мой брат... Я не мог сказать им, что брат погиб из-за меня! — заключил Мигель.

— Но ведь это не твоя вина!

— Нет, это я виноват. Мигель был моложе меня, а я не смог помешать убить его. — Голос Мигеля дрогнул. Келли переживала вместе с мужем. Она любила его, но не находила способа вылечить его раны, и от этого страдала.

— Это судьба, Мигель.

— Я даже не смог похоронить его.

— Это сделала я, — неожиданно для себя солгала Келли. Встретив недоверчивый взгляд мужа, она поняла, что назад пути нет. Если эта ложь даст его душе хоть немного покоя, неважно, что ей гореть в аду. — Я договорилась с двумя людьми из Порт-Ройала, показала им место, и они взялись похоронить его. Твой брат покоится с миром, Мигель, ты не должен терзать себя.

— Почему ты мне этого не сказала?

— После того прискорбного события ты даже видеть меня не хотел. Я много раз пыталась подойти к тебе, но ты шарахался от меня, как от чумы.

— Святой боже! — Мигель обхватил ладонями лицо жены. — Я уже тогда любил тебя, но ты была для меня недосыгаемой звездой на небосводе. Ты была племянницей человека, который стал хозяином моего существования на земле. Я хотел забыть тебя. Любимая, я должен был забыть тебя или наброситься на твоего кузена, чтобы он тоже убил меня. Но, жажда мести была сильнее желания умереть.

— А сейчас? Ты все еще думаешь отомстить им?

Мигель стиснул зубы и, не колеблясь, ответил:

— Если когда-нибудь я встречу с ними, то убью их.

Келли поняла, что это была клятва, и молилась, чтобы их дороги никогда не пересеклись.

— Может, пойдем в дом и попросимся с гостями? — лукаво спросила она. — Или нам никогда не остаться наедине.

В могучей груди Мигеля разгорелось уже знакомое пламя, и он собирался сделать то, чего так желала его жена.

Прищурившись, он смотрел на ее обнаженное тело и безмятежное лицо и думал, что Келли была самой прекрасной женщиной во всем мире. Здесь, лежа на белом песке пустынной бухты, куда они пришли со свадьбы, она казалась Мигелю нимфой, вышедшей из моря, невестой Нептуна.

Кокосовые пальмы с высокими стволами, соперничающими высотой с чистым, синим небом, рулады и трели попугаев и колибри, да еще какая-то ленивая игуана были их единственной компанией.

Пальцы Мигеля запутались в золотистых, влажных волосах, блестевших в лучах солнца подобно отполированному золотому слитку. Он слегка повернулся, чтобы скрыть начинающуюся эрекцию, свою ненасытную потребность в Келли.

У них не было медового месяца, но они совершали частые прогулки, в которых Мигель был гидом, рассказывавшим Келли о местной фауне и флоре, показывавшем ей маленькие водопады, буйные заросли и укромные места, такие, как эта уединенная пустынная бухта — их романтическое убежище, где Келли поначалу не торопилась купаться вместе с ним абсолютно голой. “А вдруг здесь кто-то появится?” — опасалась она. В конце концов,

девушка уступила, когда Мигель поклялся ей, что это место только его, и никто не рискнет прийти сюда, боясь напороться на выстрел. Войти в море без одежды означало для Келли освобождение и полное раскрепощение. Она любила плавать голой вместе с мужем. Это не только не имело для нее теперь никакого значения, но и возбуждало ее — ей нравилось без одежды игриво блистать красой перед мужем. Келли лениво потянулась и, опершись на локоть, широко улыбнулась.

— Почему ты прячешься? Неужели он никогда не устает? — Келли бесстыдно и с нескрываемым интересом устремила взгляд своих сапфировых глаз на мужа, чуть ниже его живота.

— Это ты не даешь ему отдохнуть. Каждый раз, как я смотрю на тебя, у него начинается своя жизнь.

Щеки девушки порозовели. Она спрятала лицо, уткнувшись носом в плечо Мигеля, и вздрогнула от прикосновения его губ к ключице, но тут же ответила смелыми ласками, в то время как мужская рука неторопливо скользила вверх по ее ноге. Девушка открылась навстречу естеству, упорно стремившемуся к освобождению, еще раз отдаваясь мужчине, которого любила.

Затерявшись в оплоте мира и покоя, они не замечали, что за ними наблюдают.

Со дня свадьбы минуло двадцать дней, и Мигель снова принялся за дела. Впереди был непочатый край работы. Он начинал новую жизнь землевладельца. К тому же “Черного Ангела” и “Дофина” следовало перестроить в торговые суда, а это было нелегко. Отныне он собирался заниматься только легальной торговлей: продавать произведенное в поместье в Европу и Северную Америку, а оттуда привозить что-то другое. Другие уже отлично с этим справлялись. К тому же, к нему уже присоединились Франсуа и Пьер, добавив к его двум кораблям “Миссионера”, и они подумывали основать втроем торговую компанию. Три быстроходных, хорошо оснащенных корабля бороздили бы моря, доставляя товары к обоим берегам океана.

Тем утром Келли попрощалась с Мигелем крепким поцелуем и попросила Роя подготовить ей коня. Когда они приехали в бухту, мужчина помог ей спешиться, привязал коней к кусту, а сам улегся в тени маленькой пещеры, ожидая, когда вернется хозяйка.

Келли не хотела отказываться от купания в море, и вот уже три дня приезжала сюда вместе с Роем. Мигель твердо стоял на том, чтобы Келли не ездила в бухту одна. Он предпочел бы, чтобы ее охранял Арман, но тот уехал в город, в свадебное путешествие с Лидией, так что девушке пришлось довольствоваться обществом Роя.

Она и одна с удовольствием плавала или нежилась на солнышке, ожидая новых и чудесных изменений, которые начинала чувствовать в своем теле. Пока это был секрет. Она ничего не хотела говорить Мигелю до тех пор, пока не будет уверена в том, что они ждут ребенка.

Келли улыбнулась и повалилась на песок, уже представляя, что это будет девочка, смуглая и красивая, как ее отец...

Чья-то грубая рука зажала ей рот; ничуть не церемонясь, стальные руки крепко стиснули ее и подняли. Она нежно замурлыкала в ответ, думая, что это Мигель, но эти объятия душили ее, и когда Келли открыла глаза, ее зрачки расширились от ужаса.

Эдгар!

Келли вырывалась и брыкалась, но все было напрасно. Ей была безразлична ее нагота, гораздо больше ее беспокоило, что с Роем. Если кузен добрался до нее, Рой мог быть уже

мертв. Она начала сопротивляться с большей силой, когда мерзкие пальцы братца заелозили по ее ягодицам.

— Оставь это на потом, уходим, — услышала Келли чей-то приятный голос.

Прежде чем ее ударили в подбородок, и она потеряла сознание, Келли успела разглядеть рослого, смуглого и довольно привлекательного типа, благородного на вид.

Эдгара восхитило красивое лицо девушки, и он еще на несколько секунд задержал ее в своих объятиях. Похоть вызывала в его воображении картины того, как он мог поразвлечься с этой шлюшкой теперь, когда она принадлежит ему, прежде чем убить ее. Она дорого заплатит за свое презрение в “Подающей надежды”. Он славно позабавится, отдав ее корабельному экипажу де Торреса. Видя нетерпение испанца, подобравшего одежду девушки, Эдгар взвалил Келли на плечо, и они пошли к шлюпке, которую спрятали в укромном уголке с другой стороны скал. Через несколько минут похитители покинули бухту.

Мигель сжал своими длинными пальцами скомканную записку и яростно ударил кулаком по стене, ободрав костяшки пальцев, и с проклятиями снова стукнул по камню.

В “Прекрасный мир” Франсуа, Пьер и Мигель возвращались в хорошем настроении. Бульян и Мигель подшучивали над Пьером, который только что сказал им о своем намерении обвенчаться с Вирхинией. Испанец выпросил у друга разрешение сказать об этом Келли самому, но не нашел ее. Дома его встречали только вытянувшиеся и осунувшиеся лица слуг с темными синяками под глазами. Мигель не на шутку встревожился, но его тревога стала еще сильнее, когда он увидел перевязанную голову Роя, протягивавшего ему записку.

Еще не прочитав ее, де Торрес понял, что с Келли что-то случилось. Страх парализовал Мигеля; впад в ступор, он не мог даже спросить о том, что произошло. Мигель заставил себя прочитать записку, и в его глазах появилась угроза, а потом он разразился проклятиями, и ругался до тех пор, пока не потерял голос. Келли похитили, и он должен был ждать дальнейших указаний. Больше вестей от похитителей не было, а прошло уже больше шести часов.

Никто не хотел ни отдыхать, ни ужинать. Мигель в исступлении хлестал бренди, но не пьянел. Он метался по дому, как лев в клетке, и ни Франсуа, ни Пьер и никто другой не могли его успокоить.

На рассвете в дом, сломя голову, вбежал один из работников и принес еще одну записку, которую Мигель тут же выхватил у него из рук.

— Кто принес ее?

— Деревенский мальчишка, капитан. Говорит, что ее дал ему какой-то человек.

Снедающая Мигеля тревога утихала по мере того, как он читал накарябанную кривыми буквами записку. Мужчина вздохнул и плюхнулся на стул, на котором он провел большую часть ночи.

— С Келли все в порядке, — сообщил он всем и услышал дружный облегченный вздох.

— Что в записке?

— Они просят мою голову в обмен на нее.

— Черт! — выйдя из себя, рявкнул Пьер, вырвал бумажку из рук Мигеля и порвал ее на мелкие кусочки. — Думаю, ты не станешь играть в их игру.

— Ты ошибаешься, Пьер.

— Но это же безумие. Кто бы ни был тот, кто ищет тебя, он не освободит Келли, даже если ты преподнесешь им себя на блюде, связанным по рукам и ногам.

— Я сделаю все точь-в-точь так, как они хотят.

— Они убьют тебя, и ты это знаешь, так ведь? — вмешался Франсуа.

— Мне плевать, если меня убьют! — выкрикнул Мигель, вскочив со стула, словно тигр. — У них моя жена, и я намерен ее спасти.

— Без хорошо продуманного плана ты не спасешь ее, — урезонивал друга Леду.

— Слушай, дружище...

— Это ты послушай меня, Мигель, — оборвал испанца Пьер, тряся обрывками бумаги у него перед носом. — Тебе велели прийти в то место, которое аборигены называют Дьявольским Утесом. Эта скала едва ли насчитывает полмили в ширину, но этого достаточно, чтобы спрятать корабль с ее восточной стороны. Нет никакого сомнения, что

они будут ждать тебя там. Это гнусная ловушка, и ты это знаешь. Если ты пойдешь туда один, ни тебе, ни Келли живьем оттуда не выбраться.

Постепенно слова Пьера начали доходить до сознания Мигеля. Друг был прав. Речь шла о спасении жены, а не о пустом геройстве.

— И что вы мне предлагаете? Я не могу не пойти.

— Ты и пойдешь, но сначала мы составим план.

— О, боже! — прорычал Мигель от гложущего его изнутри страха. — Клянусь всем святым, что если они коснулись хоть одного ее волоска, хоть одного, я порву на куски их всех!

— Успокойся. Келли будет в безопасности, пока они считают, что ты у них в руках. У тебя есть какие-то мысли, кто может за всем этим стоять?

— Если бы Депардье не был мертв, я бы подумал, что это его рук дело.

— Кто бы то ни был, мы должны следовать их указаниям, — рассудительно заметил Франсуа, несколько успокоившись. — Вот только мы им приготовим наш спектакль. Мы бывали в переделках и похуже, господа, так что давайте сядем и обмозгуем это дело.

— Встреча сегодняшней ночью, — напомнил Мигель.

— Времени у нас предостаточно, — уверенно произнес кто-то от двери. Все трое дружно обернулись на голос, и Арман Бризе слегка наклонил голову, приветствуя друзей. Он крепко обнимал за талию дрожащую Лидию. — Вероника известила меня о происшедшем. Франсуа прав, капитан. У нас еще есть время что-нибудь придумать, чтобы удивить этих сукиных сынов.

То, что было известно под названием Дьявольский Утес, в действительности было внушительных размеров скалой. Она отстояла от острова примерно на милю или чуть больше и являлась позабытым богом неприветливым, пустынным местом, где согласно местным легендам справляли магические обряды и служили черные мессы. Как гласили древние народные предания, начиная со времен первых поселенцев, на этой скале свершилась бездна оргий и жертвоприношений во имя Сатаны, но все это было давно. С тех пор как французы разрушили на утесе все до основания, не оставив камня на камне и покончив с любыми следами человеческого пребывания на нем, новых сообщений о шабашах ведьм и иных ритуалах не поступало.

Мигель не думал о ведьмах и черных мессах, и все же волосы его вставали дыбом при мысли об этом разоренном и пустынном месте, казавшемся вратами в преисподнюю, тем более что к этому жуткому зрелищу добавлялась еще и собственная тревога.

Ночь была непроглядно-темна. Мигель спустил лодку на воду, оттолкнулся от берега и начал, медленно грести, уверенный, что за ним наблюдают. Он благодарил небеса, видя в нескольких метрах за лодкой груз, мешавший ему двигаться быстрее, — нескольких человек, плывших под водой, прицепив к борту веревку. Сегодня темные, глубокие воды были спокойней обычного. Мигель сознавал, что сильно рискует, плывя в это гиблое место, но его успокаивал тот факт, что неподалеку под покровом темноты плывут его товарищи. Он отлично понимал, что бороться в одиночку с захватчиками Келли было делом, заведомо обреченным на провал, и потому это доказательство их дружбы не имело цены.

Полным, ярко светящимся диском — будь она неладна! — на небо выплыла луна. Это затрудняло задачу, зато позволяло заметить любое малейшее движение. Когда дно лодки коснулось земли, Мигель бросил весла и прыгнул в воду. Он затащил лодку на берег и окинул быстрым взглядом воду, поздравив себя с тем, что не сумел разглядеть ни одного из

друзей.

Так же быстро он осмотрел берег, а потом сел на землю и стал ждать в полной уверенности, что очень скоро у него появится компания. Мигель сгорал от желания увидеть Келли и сжать ее в своих объятиях. Он молился о том, чтобы у нее все было хорошо, и она сохраняла спокойствие. Его жена была женщиной храброй, и сумела показать свою выдержку и хладнокровие.

Через несколько минут Мигель понял, что его ожидание окончено. Вокруг не слышно было даже вдоха, но шестое чувство предупредило его, что он не один. Он встал и, взглядевшись вдаль, заметил неясные тени. Его мышцы напряглись; он был готов ко всему, даже к тому, чтобы стать мишенью для выстрела. Мигелю нужна была вселенская удача, весь опыт и выдержка, чтобы благополучно выбраться из этой западни.

К нему приближался не один человек, а целых четверо. Где-то на полпути, по роскошной одежде можно было отличить, что двое впереди идущих — из дворян, а у шедших на два шага позади вид был самый, что ни на есть, разбойничий. При виде одного из идущих к нему франтов, Мигеля без всякой видимой причины кольнула острая тревога. Это был не страх, хотя до сих пор он боялся за Келли, за себя и за товарищей, это было нечто иное, этот человек казался ему чем-то смутно знакомым. Эта манера идти по песку, прихрамывая на правую ногу... По мере приближения людей, подозрения Мигеля окрепли... Не может быть!.. Мигель совершенно растерялся.

— Дядя? — еле слышно прошептал он, и едва не бросился к нему, чтобы обнять, но остановился. Ему показалось, что мужчина усмехнулся и шагнул вперед, обогнав остальных.

Ни один, ни другой ничего не говорили, а только смотрели друг на друга. По лицу Даниэля де Торреса пробежала какая-то тень. Он разом помрачнел и по-волчьи оскалил зубы. Мигель по-прежнему молчал.

— Тебе идет серьга в ухе, — обронил Даниэль вместо приветствия.

В голове Мигеля крутились тысячи вопросов, ища ответ, которого не было. Должно быть, это шутка, зловещая шутка. Что делал здесь его дядя? Здесь, на затерянном в океане островке? Мигеля охватила паника и накрыла его, словно саван. Было совершенно очевидно, что этот человек приплыл сюда с другого конца света не для того, чтобы только поздороваться с ним. У Мигеля стыла в жилах кровь, потому что он не понимал причину дядиного пребывания здесь, и уж тем более не понимал, какое отношение имел он к похищению его жены.

— Ты приплыл сюда с ними? — кивком указал он на троицу.

— Нет, это они приплыли со мной, — пояснил Даниэль. — Я рад, что ты в точности выполнил указания.

— На кону в этой игре — жизнь моей жены, — Мигель начинал что-то понимать.

— Да, она сказала, что вы женаты, — Даниэль потерев мочку уха. — Должен признать, что твоя жена очаровательна. Ты всегда отличался хорошим вкусом на женщин, племян.

Это не было галлюцинацией, не было шуткой. Его дядя не случайно стоял перед ним, на самом деле это он командовал бандой, и он был в ответе за похищение жены. Мигелю было трудно что-то ответить. Он не мог понять всего до конца. “Зачем? Почему?” — спрашивал он себя. В его груди закипала ярость.

— Зачем, дядя? Почему ты так низко пал? Где Келли?

— На корабле.

— Что ты ищешь? Зачем ты впутался в это? Что ты хочешь взамен? Денег?

Хохот Даниэля отдавался эхом на пустынном пляже.

— Брось, Мигель! Разве не этого все мы ищем? Деньги, парень, — это могущество власть. Ты должен был бы знать это лучше всех. Представляю твое удивление, я сбил тебя с толку. Только я ошеломлен еще больше. Я ведь считал, что ты погиб, а ты вот он, передо мной, и готов рисковать жизнью, чтобы спасти свою потаскушку, — презрительно поддел племянника Даниэль. Признáюсь, что встреча с тобой стала самым удачным подарком судьбы. Ты был рабом, да еще в поместье моего доброго друга Колберта. Но вот я узнал о твоём исчезновении, связал концы с концами, и у меня возникли подозрения, а теперь я убедился, что мои страхи были обоснованными.

Мигель сдерживал себя из последних сил, но неосознанно шагнул вперед, и приспешники Даниэля молниеносно нацелили на него стволы пистолетов, недвусмысленно говоривших за них.

— Что у тебя общего с этим английским сукиным сыном?

Один из типов рванулся вперед и упер ствол своего пистолета Мигелю под подбородок, и испанец снова столкнулся лицом к лицу с убийцей Диего, человеком, который едва не убил его самого. В жилах Мигеля вскипала кровь.

— Этот английский сукин сын, — неторопливо, с расстановкой ответил Колберт, еще сильнее вдавливая ствол пистолета в горло Мигеля, — его компаньон, который предоставил ему неплохой навар.

— Сегодня ночью я мог бы встретиться с самим Сатаной, и это не удивило бы меня, но ты?.. — обратился Мигель к дяде. — Какие у тебя с ним совместные дела? Какого рода делишки?

— Это длинная история, а у нас нет времени рассказывать ее. Тебе достаточно будет знать, что мы сообща занимаемся торговлей, а теперь мы оба здесь.

Мигель стиснул зубы. Будь он проклят, если понял хоть слово! Колберт был подлой крысой, он, не колеблясь, вволю покуражился бы над женщинами и детьми, а потом хладнокровно убил бы их, но дядя... Ради всего святого! В семье он считался достойнейшим человеком. Даниэль де Торрес, гордый и надменный испанский дворянин, якшается с таким вырожденком как Колберт? Что могло заставить его так измениться?

— Я подумал, что отделавшись от тебя и твоего брата, я решу свои проблемы, — мстительно и с горечью пояснил Даниэль. — Высланные из Испании, вы не могли помешать мне, и я стал бы наследником рода, что мне и требовалось.

— Наследником? Что ты имеешь в виду?

— Я говорю о состоянии де Торресов! Вот что я имею в виду! Твой проклятый дед после смерти завещал мне несчастную мелочь. Он оставил меня в нищете.

— Насколько мне известно, дед оставил тебя отнюдь не в нищете.

— Жалкие крохи! — хрипло прокаркал Даниэль. — Мне нужно было больше! А теперь у меня будет всё!

Удивление Мигеля росло с каждой секундой. Что дядя имел в виду? Хенаро де Торрес, его дед, которого он знал всего несколько лет, был строг, но справедлив, и дядю он не обделил, оставив ему изрядный кусок. Даже слишком, учитывая то, что он был первенцем, который наследовал все.

— Само собой, ведь я был всего-навсего незаконным сыном, — продолжил Даниэль, который, казалось, погряз теперь в своих воспоминаниях. — Единственное, что дал мне

отец, свою проклятую кровь.

Мигель был ошеломлен. Его дядя был незаконнорожденным?

— И не делай такое лицо, племянник. Да, я был не его сыном. Я был выблядком, которого принесла ему в подоле твоя бабушка Ана, моя мать. Хенаро де Торрес кормил меня, дал мне образование, и даже свою фамилию. Он держал меня вдали от себя, потому что не мог смотреть на меня без чувства вины. Для него было немыслимым узнать, что жена наставила ему рога. Что скажут люди! Что скажет корона, которую он всегда защищал! Он никогда меня не признавал, не признал и перед смертью. Он так и не простил моей матери ее любовную оплошность, хотя она всего-навсего искала в другом мужчине то, что он никогда не мог ей дать! Да, Мигель, твой обожаемый дед был ничтожной, бесчувственной тварью.

Мигель не ответил ни слова, он не мог говорить. Сейчас рушились семейные стены. Обвинения дяди раскрыли секрет, который он не знал.

— Ладно, — продолжил Даниэль, — все это так, утекшая вода. Я долго ждал, чтобы свершить свою месть, а теперь еще чуть-чуть, и я получу то, что мне принадлежит. Мне представился шанс, и я им воспользуюсь. Твой отец продолжает утешаться мыслью о том, что вы с Диего живете где-то там, а я привезу ему печальное известие о вашей смерти. Все эти годы по собственному желанию я шел по вашим следам от Маракуйбы до Ямайки.

— Диего погиб, — сказал Мигель.

— Знаю. Дружище Колберт избавил меня от трудов, и сам убил его. Так что, если ты тоже исчезнешь... твоему отцу не останется ничего другого, как назначить наследником меня. А там, кто знает? Несчастный случай... — Даниэль не закончил фразу.

Мигель заметил, как напряглись его мускулы подобно натянутым струнам скрипки. Он сделал еще один шаг навстречу дяде, и Эдгар тут же наотмашь ударил его по голове рукоятью пистолета. Сильная боль остановила Мигеля.

— Брось саблю, — приказал ему Колберт.

Мигель поморгал, чтобы вернуть себе помутившееся от удара зрение, и подумал о провале. У него не было другого выхода, кроме как подчиниться. Он расстегнул пояс, и сабля упала к его ногам. Колберт тут же очутился у него спиной и ударил по почкам. Мигель упал на колени, а от злобного пинка в бок у него перехватило дыхание.

— Господа! — крикнул откуда-то дядя. — Если вы не хотите, чтобы голова вашего друга слетела с плеч, выходите с поднятыми руками и бросайте оружие!

Мигель грязно выругался. “Какой же я дурак!” — посетовал он. Даниэль де Торрес с самого начала знал, что его друзья здесь.

Сабли со звоном упали на землю. Числом они были равны с компанией Даниэля, но ничего не могли сделать без оружия, да Мигель и не стал бы ничего делать, чтобы не подвергать опасности товарищей. Он через силу поднялся, преодолевая боль от ударов. Все они находились под вражеским прицелом. Бульян быстро взглянул на капитана и слегка пожал плечами.

— И что теперь? — спросил Мигель. — Убьешь нас?

— Теперь мы отвезем вас на корабль, свяжем в трюме и найдем какую-нибудь плантацию, где нам хорошо заплатят за твоих дружков, — ответил Эдгар.

— А меня?

— Клянусь, я хотел бы вернуть тебя в “Подающую надежды”. Новая порция плетей и кнута помогли бы тебе вспомнить, кто там командует, но у Даниэля другие планы.

— Мне жаль, но я не могу оставить тебя в живых, — вмешался дядя. — Как ты понимаешь, это не более чем часть коммерческой сделки. Дела есть дела.

— Конечно, — насмешливо ответил Мигель.

— Тебе удалось избежать смерти, когда ты должен был умереть. Мало кому удастся пережить рабство, но ты это сделал. Я не могу рисковать, а вдруг ты повторишь свой подвиг? Так что ты пойдешь на корм акулам в открытом море.

— А моя жена?

— А вот это дело Колберта.

У Мигеля непроизвольно заходили желваки на скулах.

— Жаль, что она не сможет составить тебе компанию в твоем последнем плавании, — продолжил Эдгар, — но я должен отвезти ее обратно и исправить последнюю глупость отца. Знаешь, после смерти он все оставил ей.

— Так значит он умер? — саркастично заметил Мигель, но эта новость не доставила ему того удовлетворения, которого он ждал.

— Да, наконец-то этот сукин сын подох, но он ошибся с завещанием. Келли стала наследницей “Подходящей надежды”, а я хочу вернуть себе свое.

— Моей жене не нужно это вонючее наследство.

— Я не стану рисковать и что-либо менять. Вернувшись на Ямайку, я с лихвой отомщу ей за те наглость и унижения, которым она подвергала меня, живя в поместье. А когда мне это надоест, тоже брошу ее в море. С другой стороны, я привезу твою голову, единственную часть тела, которой не полакомятся акулы. Ты стал знаменит, прославился на все Карибы, и корона предлагает за тебя солидное вознаграждение. Так почему бы не воспользоваться этим?

“Они все продумали”, — немного испугавшись, подумал Мигель. Однако злодеи не учли одного — Мигель не собирался облегчить им задачу. Ни Франсуа, ни Пьер, ни Арман в этом ничуть не сомневались. У них оставалось одно оружие — неожиданность, и нужно было попытаться воспользоваться им. Если они внезапно нападут на них, то, возможно, только возможно, им удастся изменить ход событий. Мигель знал, что друзьям не хватало только его знака.

А потом все закрутилось с невероятной быстротой.

Резко выбросив правую ногу вперед, Мигель ударил Колберта по руке, и грохнул выстрел. Звук выстрела затерялся среди всполошенного взмаха крыльев стаи проснувшихся и напуганных птиц. Он послужил гонгом для остальных французов, и они, как один, бросились вперед. Один из наемников, стоявших сзади, выстрелил в ответ, и пуля вскользь задела Мигеля. Он почувствовал жжение в боку, но его кулак уже впечатался Колберту между глаз. Завязалась перестрелка, и уже не оставалось места для сомнений. Мигель с друзьями играли по-крупному, поставив на кон свои жизни. Арман с немыслимой ловкостью подскочил к Даниэлю де Торресу, не дав ему времени защититься. Теперь де Торрес боролся с ним за глоток воздуха, а секунду спустя со сломанной шеей рухнул к ногам француза.

Зажимая рану в боку, Мигель старался отдышаться. Схватка была скоротечной. Казалось почти неправдоподобным, что ситуация так быстро изменилась. Колберт извивался, лежа на полу и прикрывая рукой сломанный нос. Тело дяди лежало рядом с Арманом. Участь остальных двоих была не лучше.

— Что будем с ними делать? — поинтересовался Пьер.

— Делайте, что сочтете лучшим, — ответил Мигель, бросая последний взгляд на труп

Даниэля де Торреса. — Я иду искать Келли.

— Рана серьезная?

— Нет, — заверил друга Мигель, хотя между пальцами сочилась кровь.

— Дай-ка я перевяжу ее, — сказал Франсуа. Он снял пояс и туго обмотал его вокруг раны. — Думаю, ты хотел сказать, мы идем искать Келли.

— Вы и так сделали для меня слишком много.

— Не мели ерунду, — поддел его Пьер.

— Я знаю, дружище, что, по сути, это развлечение для тебя, — заметил Франсуа. —

Давненько мы сидим без дела.

— Безопасность Келли, вот что меня развлечет, клянусь вам, — уверил друга Пьер.

Мигель потуже затянул повязку, останавливая кровь, и вздохнул.

— Согласен, — сказал он. — Друзей нельзя оставлять в стороне. Покончим с этим как можно быстрее.

В этот миг до Мигеля и его друзей с другой стороны островка донеслись отзвуки пушечной пальбы, и они вздрогнули. Что-то здесь было неладно. Оставив Армана сторожить Эдгара и двух его приспешников, друзья побежали по пляжу вокруг скалы. Стоящий на якоре корабль, без сомнения принадлежащий похитителям, был атакован другим судном, над которым реял английский флаг.

— Келли! Нет!

Два новых залпа с борта английского корабля подняли волны воды и пены, и Мигель не стал раздумывать дважды. Он должен был вытащить оттуда свою жену. Отмахнувшись от Франсуа и Пьера, испанец бросился в воду и могучими гребками поплыл к кораблю. Его мучила острая боль в боку, он слабел с каждым взмахом, но не имел права потерять сознание. В своем стремлении доплыть до судна он не заметил, что похитители подняли белый флаг.

Мигель не задавался вопросом, что станет делать на корабле, и не ускорит ли он свою смерть. Ему было важно одно — доплыть. Доплыть любой ценой. Он сам сунет голову в руки англичан, и если тем самым он сможет спасти Келли, это его не волновало. Мысль о том, что она была совсем рядом, вселяла в него мужество, достаточное для того, чтобы не сдаваться.

Из последних сил гребя руками, Мигель уже видел англичан на захваченном ими судне и слышал их победный клич. Доплыв до корабля, он начал карабкаться вверх по якорной цепи. Прежде чем подняться на палубу, Мигель сжал в зубах саблю и только тогда оглянулся. Франсуа и Пьер плыли за ним.

Едва незваная троица ступила на палубу, их окружили и взяли на мушку. Малочисленную команду захваченного корабля затолкали в трюм, но Мигель не видел ничего, кроме Келли, подбежавшей к рослому блондину, который встретил ее с распростертыми объятиями. Они стояли, крепко обнимая друг друга.

И все же появление Мигеля и его товарищей привлекло внимание мужчины. Не переставая обнимать девушку, он посмотрел на них, и Келли тоже оглянулась. Глаза девушки широко открылись, и с ликующим воплем она помчалась навстречу мужу. По приказу блондина англичане нерешительно опустили оружие.

Сердце Келли выскакивало из груди. После долгих тревожных часов ожидания происходящее казалось ей сном. Она думала, что погибнет от руки двоюродного брата и того испанца, что помог ему похитить ее. Ей было очень страшно думать, что она никогда больше не увидит Мигеля. И вдруг самое неожиданное оказалось реальностью: ее освободил родной брат с командой моряков.

Дрожащей рукой она нежно гладила лицо любимого, которого считала навсегда потерянным. Слезы и всхлипы смешались с истеричным смехом.

— Любимый, — шептала она — любимый мой...

У Мигеля тоже душа разрывалась на части. Она была здесь. Весь пережитый ужас свалился на него, как камень. У него слабели ноги, щипало глаза, но это было уже неважно. Когда Келли обняла его за шею, Мигель взял ее за плечи и слегка отстранил от себя. Ему нужно было увидеть свое отражение в зеркале ее сапфировых глаз.

— С тобой все в порядке? — хрипло спросил он.

— Да, Мигель, — ответила она, целуя его в губы. — Теперь — да.

Они слились в объятии и страстно целовались, стосковавшись друг по другу. Они были поглощены самими собой, как никогда раньше, и никого вокруг не замечали.

— Значит, это и есть Мигель де Торрес, — неодобрительно произнес низкий голос.

Мигель молниеносно заслонил Келли собой. Он стоял напротив такого же высокого и статного как он сам человека, чьи светлые волосы блестели под светом луны и палубных фонарей. Кто это был? Почему Келли обнималась с ним? Укол ревности проскользнул через его защиту.

— Да, это мое имя.

— В таком случае я имею честь стоять перед знаменитым капитаном “Черного Ангела”?

Мигель был уверен, что перед ним соперник, точнее, враг. Он велел Келли подойти к Франсуа и Пьеру и с вызовом ответил:

— Именно так.

И в третий раз за столь короткий срок его ударили в челюсть и вывели из борьбы. Ноги Мигеля подломились, и он мешком свалился на пол. От удара и потери крови он потерял сознание, но до этого успел услышать звонкий голос своей жены:

— Черт бы тебя побрал, Джеймс!

Мигель осторожно приоткрыл глаза. Солнечные лучи просачивались через окошко, заливая комнату светом. Он тряхнул головой, чтобы собраться с мыслями, и жалобно заморгал. Святой боже! У него болело все тело до самых ресниц. Когда Мигель попытался привстать, в боку кольнуло, и с губ сорвался непроизвольный глубокий вздох. Он был один в комнате, но мысли его унеслись к жене.

— Келли!

Снаружи послышались сердитые голоса, и он узнал ее голос. Убедившись, что повязка на месте и зажав рану в боку, Мигель сел. Дверь распахнулась, и в комнату торопливо вошла Келли. Ее щеки порозовели, а глаза сверкали от возмущения. Следом за ней шел светловолосый мужчина, тот самый, что ударил его. Боль в челюсти доказывала, что врезал он ему крепко, от души. Ну что ж, у Мигеля имелись неоплаченные счета, придет время, и он поквитается с ним, а пока он забыл об этом. Самое главное, что Келли здорова и спасена. “Им придется объясниться”, — подумал Мигель.

— Ложись в постель, упрямец, — пожурила мужа Келли, снова укладывая его в кровать. — Кто тебе сказал, что ты можешь вставать?

Мигель удивленно поднял бровь. Почему она в таком дурном настроении? И почему лицо этого угрюмого типа казалось таким любезным?

— Я не забыл твой удар, — вместо приветствия сказал Мигель.

— Не будь таким мелочным, — упрекнула его Келли. Мигель посмотрел на жену: она была прекрасна. Келли переделалась, и ее чудесные волосы, собранные в конский хвост, плясали в такт движениям шеи. Это было хлеще любой оплеухи.

— Да это из-за него я потерял сознание, — ответил Мигель жене, но обращался к незнакомцу.

Келли замолчала и стала осматривать рану. Мужчины вызывающе смотрели друг на друга, храня гнетущее, как перед бурей, молчание.

— Пьер все нам рассказал — сказала Келли, закончив осматривать рану. — Что это вам пришло в голову драться с ними? Может, еще и ставки делали? Все вы, мужчины, дураки,

кроме глухих.

— Где Арман? — прервал жену Мигель, чувствуя себя крайне неловко из-за того, что его отчитывали перед незнакомцем.

— Внизу.

— Он притащил сюда этого подонка Колберта? — Мигель поклялся бы, что блондин окаменел, и посмотрел на него с бóльшим интересом. Какого черта? Кто он? Почему ему никто ничего не объяснил?

— Нет, — ответила Келли. — Он попытался бежать, и Арману пришлось застрелить его.

Мигель молчал. Келли только что сообщила ему новость без капли жалости, словно время подсказала.

— Тебе его жалко?

— Нет, но он был моим кузеном.

— Он был сукиным сыном, который пытался убить тебя!

Мигель вышел из себя, вспомнив свой страх за судьбу жены. Он предпочел бы, чтобы Бризе не покончил с ним. Ему хотелось самому убить его, свернуть ему шею, содрать с него шкуру и... но его лишили этого удовольствия. Мигель обнял Келли за талию, притянул к себе и поцеловал. Он безумно любил ее, но едва не потерял. Он не мог думать о другом, все остальное было таким незначительным. Секунду спустя, Келли вырвали из его рук, и блондин уже подталкивал его жену к двери. Мигель попытался привстать, но незнакомец остановил его.

— Ваша рана отняла у Вас много сил, капитан. Не пытайтесь геройствовать, а если будете вести себя со мной, как драчливый петух, даже сестра не помешает мне снова отделать Ваше лицо, даже в Вашем положении.

Мигель не шевельнулся. Он скрупулезно сравнивал обоих между собой, и не верил своим глазам: тот же цвет волос, те же глаза, похожие черты лица, только у Келли более нежные, а у мужчины более суровые.

— Ваша сестра?

— Вот именно, сестра. Я — Джеймс Колберт, хотя сама фамилия тебе противна, — перешел на “ты” Колберт. — И все же, по просьбе сестры я согласен поговорить с тобой, хотя, поверь мне, если бы не она...

— Джим...

— Помолчи, Келли, это наши с ним дела.

Не обращая внимания на протесты жены, Мигель приподнялся и сел на край кровати. Его мутило, кружилась голова, и бок чертовски болел. Он был не в состоянии с кем-либо драться, но если этот олух собрался требовать Келли назад, он убьет его, прежде чем тот увезет ее.

— Как я погляжу, мне не избавиться от вашей проклятой фамилии, — тихо пробурчал Мигель.

Джеймсу хотелось расквасить Мигелю лицо, но тот не мог драться. Более того, Джеймсу нужно было кое-что сказать испанцу.

— Моя сестра была обещана тобой, и я собирался требовать с тебя компенсацию. Компенсацией может быть только брак, потому что ребенку, которого ждет Келли, нужна семья. Или брак, или тебе не уйти из этой комнаты живым.

Мигель покачнулся, его глаза перебежали с Колберта на Келли. В воздухе витало важное сообщение, и он хорошо его расслышал. Ребенок!

Келли гневно посмотрела на брата. Почему мужчины всегда хотят улаживать дела по-своему? Почему не прикусят себе язык? Почему не позабудут о своем высокомерии? Проклятье! Пока Мигель приходил в себя, у них с братом был долгий и серьезный разговор. Так Келли узнала, что в письмах, которые приходили в Англию, ничего не говорилось о ее жалобах и просьбах вернуться домой. Келли поняла, что дядя проверял ее письма и строго следил за написанным. Келли без утайки рассказала Джеймсу, что произошло в “Подающей надежды”, и не могла не признаться, что ждет ребенка от Мигеля. Но, даже узнав о самом сокровенном, Джеймс не должен был вмешиваться в их с Мигелем жизни. Разве что он думал, что она собирается иметь ребенка, не обвенчавшись? Щеки Келли заалели, потому что могло получиться и так.

Кровь Мигеля бурлила. Он не знал, кричать ли ему от радости, отругать ли Келли за то, что скрывала от него такое, или как безумному пуститься в пляс. Ребенок! Он смаковал значение этого слова, потому что все еще не верил, это казалось ему сном. Его грудь разрывалась от любви к женщине, которая отдала ему сердце, а теперь носила в своем чреве его наследника. Он посмотрел на Келли и подумал, что ни одного человека на свете бог не благословил так, как его. Что еще он мог просить от жизни?

— Видишь ли, де Торрес, — сказал англичанин, — я буду честен с тобой. Мне не нравится, что Келли обвенчается с тобой, но ребенок — самое главное. Так что, женись на ней, или ты покойник. Выбор за тобой.

— Джеймс!

Мигель не смог сдержаться и рассмеялся, но тут же примирительно поднял руки вверх.

— Я женюсь на ней, — Джеймс несколько расслабился. — Я женюсь на ней еще раз, если она этого хочет. Если нужно, я женюсь на ней сто раз. Жена может просить меня о чем угодно. Я отдам ей свою жизнь, чтобы она была счастлива. Жаль, что ты не хочешь, чтобы я был твоим зятем, мне тоже не доставляет счастья быть твоим родственником, но я люблю Келли, и буду жить с ней, а не с ее родней.

Говоря и размахивая руками от возбуждения, Мигель неожиданно почувствовал резкую боль в боку и поднес ладонь к ране.

— Тебе больно? — заботливо спросила Келли, подходя к мужу.

— Переживу как-нибудь, если ты меня поцелуешь, — отшутился Мигель.

— Дьявол-искуситель, — улыбнулась Келли и поцеловала мужа, не обращая внимания на брата, потому что рядом с Мигелем она теряла стыд.

Ошеломленный Джеймс вылетел из комнаты, будто за ним гнался сам черт, но перед этим сказал:

— Не хотел бы я быть на твоём месте, испанец. Она упряма, как ирландский мул. А тебе, Келли, есть, что ему сказать, так говори, чего ждать.

Мигель вздохнул и прижал Келли к своей груди. Жена, его жена. Его жена.... Как сладкой музыкой звучат эти слова! Он поцеловал Келли в лоб, в нос, в подбородок. И в губы, от которых никогда не уставал.

— Келли, Келли, — шептал он ей на ухо, осторожно положив правую руку на ее живот. — Почему ты мне ничего не сказала?

— Я собиралась сказать тебе, когда ты вернешься домой, но меня похитили. Жаль, что этот дурачок, мой брат, испортил мой сюрприз.

— Это уже неважно, любимая... Ты столько мне даешь...

— Ш-ш-ш... Молчи. Только обними меня и нашу девочку, потому что у нас будет

девочка. — Переполненный счастьем Мигель, был согласен на все. Если Келли хочет девочку, пусть будет девочка. — Но мне нужно сказать тебе кое-что еще.

— Сейчас меня не интересует ничего, кроме тебя.

Келли отодвинулась от мужа и встала.

— Ты не поверишь, но кое-кто хочет тебя видеть.

Мигелю плевать было на визитеров. Он хотел лежать с женой в кровати, снова заняться с ней любовью, чтобы их тела трепетали, отдаваясь друг другу, хотел пьянеть от ее аромата, переплести свои пальцы с ее шелковистыми волосами, которые он обожал. Мигель заметил, что Келли тоже хотела его. Она покусывала нижнюю губу, и этим распалила его желание. Но нет. Она медленно пошла к двери, которая слегка приоткрылась. Чья-то смуглая рука придерживала дверь снаружи. Мигель не мог видеть, кто там, потому что в коридоре было темно, но сердце мужчины почему-то начало биться быстрее. Он приподнялся на кровати. Келли вышла, довольная и счастливая, послав ему от двери воздушный поцелуй, но Мигель его уже не видел.

Он не мог ничего видеть, потому что в проеме двери стоял высокий человек с каштановыми волосами и озорным взглядом. Кровь отхлынула от лица Мигеля, а сердце загрохотало в груди подобно сотне пушек. Мигель хотел что-то сказать, но слова застревали в горле, образуя тяжкий ком. Он не мог пошевелиться, словно его пришили к кровати, а голова закружилась еще сильнее.

Заставляя себя мечтать, он не мог поверить своим глазам. Нежным эхом до него донесся голос и поселился в его сердце, окончательно сметя броню ненависти и мести, которой он уже давно заткнул рот.

— Только бы мама не увидела тебя с этой серьгой в ухе, братишка, иначе ты убьешь ее своим плохим вкусом, — услышал грозный капитан. — А ты похож на настоящего пирата, хоть оно тебе и не к лицу.

Мигель почувствовал соленый вкус слез на своих губах. Он никогда не гордился своим умением так плакать. Перед ним стоял Диего, и он был живым, а не плодом болезненного бреда. Боль от потери брата растворилась в тумане прошлого, а его присутствие избавило Мигеля от демонов, терзавших его после смерти Диего. Перед Мигелем снова открылся занавес надежды, и безмерный восторг овладел всем его существом. Счастье душило его, и он смог выговорить только одно:

— Привет, малыш.

Диего сильно изменился. Святая Дева, что же с ним стало! Мигель едва ли мог узнать в нем того сентиментального парнишку, немного взбалмошного и влюбленного в жизнь, который бегал за ним повсюду, и за которого он заступался, когда тот был заморышем. Теперь это был мужчина, независимый и решительный, созревший для того, чтобы вести собственные сражения и побеждать в них.

Но Мигелю не понравилось то, что он увидел в Диего. Его брат был другим. Возможно это была обида человека, находившегося в подчинении, испытывшего нужду и кнут, приговоренного к изгнанию, превратившегося в каторжника, ставшего жертвой убийцы и увидевшего смерть ближе, чем видел он сам, и чудом спасшегося от нее.

Теперь они были не такими уж и разными. Они оба были бродягами, их связывали более тесные узы, чем раньше, но в душе Диего заметны были незажившие шрамы, и это отдаляло братьев.

Где теперь был тот замечательный парень, который, как сумасшедший, скакал верхом?

Где тот мечтательный романтик, который любил сидеть у колонны их дома и любоваться закатом? Где тот влюбчивый мальчишка? Где Диего де Торрес? Стоявший перед ним человек был холодным, закаленным пережитыми страданиями. “Неужели он стал другим?” — спрашивал себя Мигель. Он отбросил в сторону беспорядочно теснящиеся в голове мысли, чтобы сосредоточиться на том, что говорил ему брат.

— Решив вернуться в Испанию, я высадился на берег под видом моряка Симона Дренде в порту Картахены. Меня спрятал у себя Алонсо д’Аррибаль и указал мне правильный путь, чтобы идти по следу нашего дяди, — рассказывал Диего.

— Алонсо д’Аррибаль, адвокат отца? — удивленно переспросил Мигель.

— Он самый. Ты знаешь, что отец назначил дядю управляющим поместьями. Но дону Алонсо всегда было известно финансовое положение нашей семьи, и его удивило, что в некоторых случаях сальдо росло, хотя собственность не приносила такую прибыль. Он начал проверять счета. И ему не нравились знакомые и приятели, с которыми дядя частенько встречался. Следуя своему инстинкту ищейки, — Мигеля позабавило это выражение, потому что он всегда говорил, что Аррибаль был похож на ищейку, — нанял человека, который следил за дядей. Словом, раскрыть его предательство в случае с судном “Кастилия” было делом времени.

— Я никогда и подумать не мог, что он изменник.

— Ни ты, ни отец, ни я.

— Все это кажется каким-то безумием.

— Да, но это реальность, и от нее разит, — согласился с братом Диего. — Без тебя я не нашел иного пути, кроме как вернуться домой, хотя нам грозила тюрьма или виселица, если мы ступим на испанскую землю. Но риск стоил того, мое возвращение оказалось очень своевременным. Так я узнал о расследовании дон Алонсо, и он заранее предупредил меня обо всем.

— И дон Алонсо ничего не сказал отцу?

— Это я попросил его молчать. Недавно папе было плохо. Не волнуйся, это не так серьезно, — успокоил брата Диего. — Но наш старик и так слишком много страдал, чтобы еще узнать, что его брат... его сводный брат, — поправился он, — подстроил изгнание из страны его сыновей.

Мигель провел рукой по волосам и тяжело вздохнул. “До чего может дойти человек в своей алчности?” — подумал он.

— И ты влез в это дело...

— Тебя не было, — словно извиняясь, сказал Диего, — а кто-то должен был попытаться довести его до конца. Я уплыл из Испании, зная, что Аррибаль уже разворачивал кампанию, чтобы очистить наше имя перед королем. Превратности судьбы и след нашего дяди снова привели меня к Колберту.

Мигель не упускал ни единой детали из того, что говорил ему брат, и из того, что с ним происходило. Он очень удивился, когда Диего упомянул Колберта, человека, который хотел его убить, как-то походя, словно это был еще один незначительный эпизод его рассказа. Однако Мигель заметил, что взгляд Диего снова потемнел, и это беспокоило его. В нем не было обиды, но была ненависть, которая не исчезла даже после смерти Эдгара Колберта, и Мигель знал, что эта ненависть подтачивает брата изнутри и терзает.

— Как ты присоединился к Джеймсу?

Диего откинул голову на спинку кресла и на секунду умолк, а потом расхохотался. Он

хлопал себя руками по коленям, пока не успокоился, затем осушил свой бокал и встал, чтобы налить еще.

— Ты разглядел, брат, какие в этой части света величественные закаты? — Диего полуобернулся к Мигелю.

— Продолжай, пожалуйста.

— Ты задаешь много вопросов.

— И хочу получить много ответов.

Диего кивнул и снова сел.

— Мой корабль сильно пострадал во время разрушительного шторма на Карибах, и мне срочно нужен был другой, чтобы не прерывать поиски, а этот глупый англичанин оказался в нужное время в нужном месте. На него напали, я спас ему жизнь и потребовал взамен его корабль. Все очень просто. Господи! Клянусь, я не видел никого упрямее его. Конечно, он категорически отказывался отдать корабль, и я чуть не убил его, когда узнал, кем он был, но он искал Келли, а я не забыл единственного человека в “Подающей надежды”, кто считал нас людьми, когда мы были жалкими ничтожествами, пушечным мясом. Джеймс уверял, что он не остановится, пока не найдет того сукина сына, что похитил его сестру, испанца, капитана “Черного Ангела”. Я не сомневался, что нам нужно объединить свои усилия. Тебя удивило бы, как легко мы встретились с нашей добычей. Ты помнишь Андреаса Хааркема?

— Конечно, помню. Он был хорошим другом нашего отца, и долгое время жил у нас, когда мы были детьми. Наши родители поддерживали с ним связь, пока он не умер... лет десять тому назад?

— Он самый, — подтвердил Диего с волчьей усмешкой. — А наш дядя использовал его имя для своих налетов. Когда один надежный человек назвал мне его имя, я уже не сомневался — мы встретились с ними. Остальное было детской игрой.

— Вы вовремя добрались до них и спасли мою жену.

— Не вешай на меня ярлык героя, братишка, — проворчал Диего. — Моей единственной целью было, наконец-то, перерезать глотку Эдгару Колберту и арестовать дядю, чтобы вернуть его в Испанию закованным в цепи. Появление тебя и твоих друзей было для нас полной неожиданностью. Мне жаль, что я не смог спасти тебя от кулака Джеймса, но признаю, что ты был прав, похитив его сестру.

Снизу, из гостиной, доносились отзвуки домашней суеты. Все, за исключением братьев, собрались там. Келли, как и Мигель, ушла в свою комнату, чтобы поговорить с братом наедине, но, похоже, их беседа уже закончилась, а англичанин знал, как оживить вечеринку, поскольку его голос слышался прежде всего.

Ладно, — подумал Мигель. — Его младший брат решил проблему и очистил их имя в Испании, но предстояло уладить еще одно трудное дело, потому что на кону стояло его будущее.

— Спустимся вниз, — предложил Мигель брату. — Нужно прояснить еще кое-какие дела, малыш.

— И что ты сделаешь?.. Как поступишь теперь, Колберт? Сдашь меня английской короне?

Установилась неловкая тишина, положившая конец непринужденной атмосфере вечера. У Вероники, убиравшей со стола, упал стакан, и звон разбитого стекла лишь подчеркнул тишину выжидательного молчания. Служанка извинилась, но в ожидании ответа англичанина ее никто не услышал.

Сердце Келли бешено заколотилось. Мигель ласково погладил жену по щеке, стараясь успокоить. “Скорее всего, Джеймс не решится на это!.. Она не позволит ему!” — подумал противник английской короны. Если было бы нужно, испанец сразился бы с целым миром, но не окончил бы дни в английских застенках.

Проблема заключалась в том, что Мигелю не хватало веских доводов. Конечно, к жизни вне закона его привели личные мотивы, но за его голову была назначена определенная цена, и виной тому захват английских кораблей.

Мигель хотел казаться спокойным, но ему мешала определенная тревога. Он ни за что и никогда не станет драться с братом Келли, даже если всё закончится для него виселицей. Если ему придется сдать, он так и сделает, но не запятнает свой дом его кровью, и не позволит влезть в это дело друзьям, которые сейчас ожидали, что скажет этот суровый на вид англичанин. Мигель отлично понимал, что над головой его висит дамоклов меч. Оплот спокойствия и мира, в который превратилось поместье “Прекрасный мир”, мог исчезнуть в любой момент, ведь тот факт, что Мигель забросил пиратство, не снимал с него вины перед английским королевским двором. Испанец чувствовал кинжал в сердце, думая о том, что Келли не будет рядом с ним, и о ребенке, которого она ждала, и рождение которого он, возможно, не увидит, но за них он отдал бы свою жизнь и даже душу. Он предпочел бы оказаться в заключении или быть вздернутым на веревке раньше, чем у него отнимут честь и имя, приговорив к существованию вдали от Англии или Испании.

Джеймс поерзал на стуле, он чувствовал себя неловко под устремленными на него взглядами. Если бы глазами можно было убить, он уже был бы мертв. Даже родная сестра испепеляла его взглядом. Впрочем, это было логично, потому что Келли дала ему ясно понять, что ни за что не простит его, если он не оставит все, как есть. Неожиданно превосходное бренди, выпитое им за столом, показалось кислым. Разве он уехал из Англии не с единственной целью — найти типа, похитившего сестру? Разве не твердил он себе миллионы раз, что убьет его? Джеймс встал и подошел к окну. Снаружи луна заливала своим светом “Прекрасный мир”, а легкий морской ветерок покачивал пальмы, донося до них аромат орхидей. “Какой волшебный край”, — подумал Джеймс, вспомнив такие далекие и совершенно другие английские ночи...

Он почувствовал взгляды Бризе, Пьера, Армана и даже Диего де Торреса, устремленные в спину, выжидательные и вместе с тем угрожающие.

— Если это вам чем-то поможет, — обратился Джеймс ко всем сразу, — то от лица своей страны я должен принести извинения за совершенные против вас злодеяния. Я не знал о предательстве моего кузена, равно как и о предательстве ваших соотечественников. И тем не менее, личные дела никогда не стоят превыше законов нации. А в данном случае, Мигель, слишком сильно затронуты личные интересы семьи и человеческие чувства, чтобы вот так

сразу дать ответ. Мне хотелось бы вернуться в Англию с высоко поднятой головой... оставшейся на плечах. Так что об этом деле нам нужно поговорить наедине.

Мигель ничего не сказал, но не такого ответа ждал от него англичанин. Всегда горячий и вспыльчивый Пьер привстал, готовый ко всему, а Келли не могла молчать. Она знала, что, если ее брат задумал арестовать Мигеля, с острова ему живым не выбраться.

— Ты можешь сказать, что не нашел человека, который меня похитил.

— Ты просишь меня, чтобы я изменил своим принципам? — во взгляде Джеймса проскользнуло огорчение.

— Я прошу тебя забыть об этом, брат! Других пиратов простили, так почему не простить моего мужа? Наша семья влиятельна, а Мигель осел на берегу. Кроме того, он снова стал благородным человеком без единого пятна, наследником герцогства Собера. Ради бога, Джеймс! Ты же не собираешься арестовать испанского дворянина, правда?

Келли была готова ко всему. Она не уступит брату. Если нужно, она поедет в Лондон просить милости у короля. Она будет защищать мужа, как зверь.

Колберт нервно провел рукой по волосам. Что он мог сделать или сказать? Он уехал из Англии с одной целью, но все изменилось. Его сестра вышла замуж за Мигеля, и по воле божьей, по уши влюблена в этого грозного и гордого испанца, который не просил за себя. И как будто всего прочего было мало, Келли была беременна. Так какого черта он мог сделать? К тому же, Мигель уже не был искателем приключений; он был землевладельцем и наследником дворянского титула в Испании.

“Нет, — подумал Джеймс, — я не могу винить его за выбранный неверно путь. Окажись я на его месте, возможно, я поступил бы точно так же”. Джеймс не был настолько циничным, чтобы считать себя благородней и честнее Мигеля. Капитан “Черного Ангела” умер, и Колберт видел перед собой лишь человека, безумно влюбленного в его сестру. Этот окаянный высокомерный испанец составлял теперь часть его семьи.

Джеймс пожал плечами и снова сел. Он одним махом выпил бокал вина и попросил Келли налить еще. Ему необходимо было выпить.

— Я выступлю в твою защиту, Мигель, — сказал он.

Он услышал, как его сестра сдержанно вздохнула, но посмотреть кому-либо в глаза не решился. В любом случае его слова означали, что он обязан сопровождать Мигеля в Англию.

— Минутку, — вмешался Диего, до этого хранивший молчание и ожидавший ответа англичанина. Он решил убить его, если тот будет настаивать на аресте Мигеля, но ответ Колберта все изменил. — Ты назовешь имена предателей, пособников Даниэля де Торреса. — Диего достал из камзола несколько писем и вручил их немало удивленному Джеймсу. Эти доказательства свидетельствовали о том, что Диего вел честную игру. — Вот этого и выплаты в казну значительной контрибуции будет достаточно, чтобы Ваш выдающийся монарх позабыл о людях, которые были сущим наказанием для его кораблей в этих водах. Всем известно, что его союз со Швецией и Голландией против Луи XIV и Франции опустошил королевские сундуки, и решение финансовых проблем не терпит отлагательства.

Джеймс, не мигая, смотрел на Диего. Остальные несколько смутились.

— Само собой разумеется, — продолжил Диего, — семья де Торресов внесла бы свой вклад, и, думается мне, что остальные тоже. — Диего посмотрел на французов. — Я убежден, что столь великодушное вложение послужит подписанию помилования для... — он окинул шутливым взглядом товарищей брата — ... нескольких пиратов.

— Со своей стороны, я отдаю “Подающую надежды”! — воскликнула Келли. Надежда светилась в ее глазах. — Теперь я владею обширными землями на Ямайке, и могу себе это позволить.

Джеймс хранил молчание. Деньги и переданные ему документы являлись неоценимыми юридическими и экономическими аргументами для английской короны. “Пожалуй, этого будет достаточно”, — подумал он.

— А что будет с сеньоритой Джордан? — спросил Джеймс, искоса поглядывая на девушку, чью талию обнимал Леду. — Она должна быть возвращена отцу.

— Только через мой труп, Колберт! — торопливо ответил Пьер.

Далеко на горизонте сверкающий оранжевый солнечный шар играл в прятки, окрашивая в пурпурно-розовые цвета рыхлые, как вата, облака.

Облокотившись на перила, Мигель и Келли наслаждались волшебной красотой сумерек, возвеличиваших мерный, убаюкивающий плеск волн. Остров, казавшийся мутным пятном, был уже едва различим на горизонте. Морской ветерок прощался с ними, неся с собой эхо ностальгии. “Прекрасный мир” остался позади, но Келли знала, что они вернутся туда. Ей хотелось, чтобы их сын узнал эти земли, где она нашла свою любовь, и чтобы однажды они стали его.

Мигель и Келли долгое время стояли молча, да им и не нужны были слова. Каждый из них слышал бьющиеся в унисон сердца, читал мысли другого, дышал тем же воздухом... Воздухом вырвавшегося на волю прошлого, пропитанного теперь свободой.

Мигель куснул жену в плечо, и взглядом указал на бескрайнее море. Он выпятил грудь, считая себя самым счастливым человеком в мире, потому что рядом с ним была его жена. Он снова занялся бы с ней любовью, хотя они только что покинули кровать. Он никогда не насыщался ею. Малейший взмах ее ресниц, нежное движение рук, держащих Алехандро, теплый смех, когда малыш лепетал ей что-то, мелодичный голос, когда она пела ему колыбельную... В Келли ему нравилось все, и он любил ее еще сильнее... Впереди у него была целая жизнь, чтобы любить ее, но этого ему казалось мало.

Мигель наклонился к жене, распахнул рубашку и поцеловал ее живот, в котором снова зародилась жизнь. Она взъерошила Мигелю волосы и поцеловала, когда он выпрямился.

— На этот раз будет девочка, — убежденно заявила она мужу.

— И светленькая, — согласился он, прижимая жену к груди. — Алехандро смуглый, как дьявол, а я хочу херувимчика, похожего на тебя.

— Наш сын задаст нам хлопот, — уверила Келли мужа. — Всего восемь месяцев, а уже ураган, и такой же взрывной, как отец.

Малыш словно услышав, что речь идет о нем, захныкал в своей колыбельке. Келли отпустила руки мужа, чтобы пойти на зов сына, и сердце Мигеля переполнилось любовью, когда она вернулась с ребенком на руках. Его удивляло, как быстро успокаивался маленький Алекс, едва почувствовав рядом материнскую грудь. Алекс... это Келли настояла на том, чтобы назвать его так. Зачарованно он смотрел на невидимую связь матери с сыном, сохранившуюся даже после того как обрезали пуповину, и чувствовал себя каким-то самозванцем.

Келли дала ребенку грудь, и тот вцепился в нее своими маленькими ручонками, заявляя свои полные права на нее. Келли протянула руку, подзывая Мигеля, и он присоединился к ним, обняв обоих. На несколько секунд Алекс перестал сосать, и бездонные изумрудно-зеленые, как карибские воды, глазенки, внимательно изучали смуглое лицо отца, а затем, пролепетав что-то, малыш вернулся к груди.

Келли прислонилась к мужу, не переставая смотреть на темные волосы сына. Ее переполняло невысказанное счастье. Здесь, в этой каюте, на пути в Испанию, было все, что ей необходимо: любовь двух ее мужчин. Келли переплела свои пальцы с пальцами Мигеля, и тот сильно сжал их. Затем ее рука скользнула вверх по сильной руке мужа и задержалась на золотом с изумрудами браслете.

— Мы никогда не забудем “Прекрасный мир”, — очень тихо прошептала она.

Мигель не возражал, он был согласен помнить все, потому что она этого хотела. Если бы Келли попросила, он отдал бы за нее даже кровь.

— Надеюсь, Вирхиния и Лидия навесвят нас вскоре. Думаю, что Пьер и Армаг планируют окончательно поселиться во Франции.

— А Франсуа не хочет возвращаться в Европу.

— Да, — засмеялась Келли. Алекс полусонно шевельнулся, выражая свой протест, и женщина тихо запела колыбельную. — До тех пор, пока какая-нибудь женщина, в которую он влюбится, не решит, что хочет узнать Старый Свет.

Мигель ничего не ответил, только пристально посмотрел в глубокие, голубые глаза жены, завораживающие его, и весело хмыкнул, представив своих друзей, попавших в сети любви, как и он. Мигель взгрустнул немного, вспомнив их совместные странствования плечом к плечу. Было жаль удаляться от них, но нужно было идти курсом, указанным Келли, придерживаясь ее кильватера, потому что она была его штурвалом, его парусами, фрегатом, на котором он будет плавать всю оставшуюся жизнь.

Келли положила сынишку в колыбельку и с бесконечной нежностью укрыла одеяльцем. Прежде чем она успела прикрыться, Мигель уже завладел ее грудью и ласкал ее. Келли шлепнула мужа по руке, но не прикрылась. Она очень хорошо умела читать огонь его зеленых глаз.

— Неужели ты не можешь подождать?

— Ты слишком соблазнительна для того, чтобы все повторить, и я доставлю тебе удовольствие достаточное, чтобы ты не сопротивлялась.

— Хвастун.

— Но ты же меня любишь, — Мигель поцеловал жену в шею, и она не сопротивлялась. — Правда?

— Немножко, — призналась она уже в его объятиях.

— Только немножко? — Мигель куснул Келли за ключицу. Его жадные руки затерялись под ее рубашкой, постепенно стягивая ее. — Лгунишка. Ты не можешь отрицать, что желаешь меня.

— Зазнайка...

— Я докажу, что не вру...

— Докажешь? — лукаво спросила она, уступая. Келли положила руки на грудь мужа, и ее пальцы чувственно ласкали его, пробежав по груди сверху вниз. — Докажешь еще раз сегодня ночью?

Мигель впился в ее губы, подхватил на руки и отнес в кровать.

В колыбельке завозился малыш.

— Алекс, ради всего святого, только не сейчас! — запротестовал Мигель.

Малыш пролепетал что-то, сунул палец в рот, пососал его и снова уснул. А Мигель де Торрес, бывший пират и капитан “Черного Ангела”, убедил свою жену, что он мог снова заниматься с ней любовью этой ночью, и всеми оставшимися в их жизни ночами.

Больше книг на сайте — Knigolub.net